ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ

ТАРИХ ВА АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТИ

Ф. ОЗОДАЕВ

XIX АСРНИНГ ИККИНЧИ ЯРМИДА ТОШКЕНТ

ИЖТИМОИЙ-ИҚТИСОДИЙ ВА СИЁСИЙ ТАРИХИДАН ОЧЕРКЛАР

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ НАШРИЁТИ

ТОШКЕНТ—1959

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

Ф. АЗАДАЕВ

ТАШКЕНТ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

ОЧЕРКИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ—1959

Данная книга представляет собой очерк социально-экономической и политической истории г. Ташкента во второй половине XIX в. Изложив вкратце историческое прошлое города до середины XIX в., автор описывает присоединение его к России (1865 г.), а затем подробно освещает историю Ташкента до конца XIX в. При этом приводятся интересные сведения о росте населения и экономическом развитии города, а также об усилении классовой борьбы трудящихся Ташкента против гнета царских колонизаторов и местных эксплуататоров.

Монография написана простым, доходчивым языком на основе большого архивного материала и содержит ряд иллюстраций, в том числе план г. Ташкента 1890 г. Книга рассчитана на специалистов — историков, экономистов, преподавателей общественных дисциплин, пропагандистов, аспирантов, студентов гуманитарных факультетов, а также всех интересующихся историей Узбекистана и его столицы — г. Ташкента.

Ответственный редактор
член-корреспондент АН УзССР
Р. Н. НАБИЕВ

ОТ АВТОРА

Глубокое и всестороннее изучение истории городов нашей Родины является одной из важнейших задач советских историков. Большой интерес представляет, в частности, разработка истории городов Средней Азии.

Однако до сих пор почти нет фундаментальных монографических исследований, освещающих с марксистско-ленинских позиций историю таких крупнейших и древнейших городов Средней Азии, как Самарканд, Ташкент, Бухара и др. Литература по этому вопросу представлена в основном научно-популярными публикациями.

В ряде трудов дореволюционных авторов в той или иной степени освещены некоторые моменты из истории Ташкента; отдельные работы специально посвящены истории этого города.

Среди общих дореволюционных публикаций наиболее значительным является трехтомный труд М. А. Терентьева[1], основанный на многочисленных архивных и печатных источниках. Автор выступает в защиту завоевательной политики царизма; вопросы экономики края и внутренней политики освещены с позиции буржуазной историографии. Основное внимание он уделяет вопросу об экономическом значении Средней Азии как колонии царской России.

[1] М. А. Терентьев, История завоевания Средней Азии, с картами и планами, т. 1—3, СПб., 1906.

Некоторые материалы о торговых связях Ташкента содержит работа А. П. Субботина[1], отражавшая интересы русской торговой и промышленной буржуазии в Средней Азии. Различные данные о прошлом Ташкента, о событиях в Кокандском ханстве, так или иначе связанных с политической историей Ташкентского бекства, приводятся в трудах В. В. Вельяминова-Зернова[2], В. В. Григорьева[3], А. И. Левшина[4], В. А. Тизенгаузена[5], в работе неизвестного автора «Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии»[6] и др.

В основу этих работ положены сведения о Средней Азии, почерпнутые авторами из записей и дневников путешественников, из рассказов купцов и других лиц, побывавших в среднеазиатских ханствах.

Весьма интересные материалы по истории Кокандского ханства, в том числе и Ташкентского бекства, можно найти в работе В. П. Наливкина[7] — единственном труде по истории Кокандского ханства до присоединения его к России. Однако, как отмечал в свое время В. В. Бартольд, это исследование не отвечает тем требованиям, которые предъявляются к научной работе, автор некритически использовал источники и т. п.

Отдельные стороны политической, экономической и культурной жизни Ташкента в колониальный период частично освещены в работах А. П. Демидова[8], В. Н. Оглоблина[1], М. Бродовского[2], Белявского[3], В. Вощинина[4], И. И. Гейера[5], Н. Павлова[6], П. И. Пашино[7], Д. И. Романовского[8], А. Н. Тетеревникова[9], а также в сборнике «Русский Туркестан»[10] и в «Сборнике сведений по истории и статистике внешней торговли России»[11].

Ценные данные по истории Ташкента более раннего периода имеются в монументальном исследовании акад. В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия»[12], обогатившем русское востоковедение и принесшем автору мировую славу.

Попытки дореволюционных авторов составить специальные очерки по истории Ташкента не дали достаточно удовлетворительных результатов. В работах А. И. Добросмыслова[13], Н. Г. Маллицкого[14], Д. И. Эварницкого[15],

---

1 А. П. Субботин, Россия и Англия на среднеазиатских рынках, Историко-экономический этюд, СПб., 1885.

2 В. В. Вельяминов-Зернов, Исторические известия о Кокандском ханстве от Мухаммеда-Али до Худояр-хана, ТВО РАО, ч. II, СПб., 1856; он же, Сведения о Кокандском ханстве, «Вестник РГО», ч. XVIII, СПб., 1856.

3 В. В. Григорьев, Еще о кокандских монетах и событиях, «Известия РАО», т. IV, СПб., 1863; он же, О скифском народе саках, СПб., 1871.

4 А. И. Левшин, Описание киргизо-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. II, СПб., 1832.

5 В. А. Тизенгаузен, О саманидских монетах, ТВО РАО, ч. I, СПб., 1855.

6 Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии, ЗРГО, ч. 1, СПб., 1855.

7 В. П. Наливкин, Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1886.

8 А. П. Демидов, Экономический очерк хлопководства, хлопковой торговли и промышленности в Туркестане, Библиотека хлопкового дела, кн. 3, изд. 2, М., 1926.

1 В. Н. Оглоблин, Хлопчатобумажная промышленность и торговля в среднеазиатских русских владениях (из путевых заметок), «Русско-экономическое обозрение», М., 1900, № 11—12.

2 М. Бродовский, Технические производства в Туркестанском крае, СПб., 1875; он же, К 35-летию Ташкентского городского общественного управления, Ташкент, 1912.

3 Белявский, Материалы по Туркестану, б. м., 1889.

4 В. Вощинин, Очерки нового Туркестана, Свет и тени русской колонизации, Ташкент, 1914.

5 И. И. Гейер, Весь русский Туркестан, б. м., 1908.

6 Н. Павлов, История Туркестана, Ташкент, 1910.

7 П. И. Пашино, Туркестанский край в 1866 году, Путевые заметки, СПб., 1868.

8 Д. И. Романовский, Заметки по среднеазиатскому вопросу, СПб., 1868.

9 А. Н. Тетеревников, Очерк внутренней торговли киргизской степи, СПб., 1867.

10 Русский Туркестан, Сборник, изданный по поводу политехнической выставки, вып. 1—3, под ред. Н. А. Маева и В. Н. Троцкого, М.—СПб., 1872.

11 Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России, т. 1, под ред. В. И. Покровского, СПб., 1902.

12 В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900.

13 А. И. Добросмыслов, Ташкент в прошлом и настоящем, Исторический очерк, Ташкент, 1912.

14 Н. Г. Маллицкий, Ташкент (исторический очерк), «Известия Ташкентской городской думы», 1915, № 1, 2; он же, Несколько страниц из истории Ташкента за последнее столетие, Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии, год 3-й, 1897—1898.

15 Д. И. Эварницкий, Краткая история города Ташкента, Путеводитель по Средней Азии от Баку до Ташкента в археологическом и историческом отношениях, Ташкент, 1893.

А. К. Гейнса[1], А. Шишова[2], В. С. Гаевского[3] основное внимание уделяется политической истории Ташкента в эпоху феодализма. В них восхваляется колониальная политика царизма и не находит своего освещения положение трудящихся масс Туркестанского края.

Среди указанных выше трудов следует выделить работу А. И. Добросмыслова, в которой использовано большое количество архивных материалов и приводятся ценные данные о городском хозяйстве, заимствованные автором из документов канцелярии начальника города, Ташкентской городской думы и др.

Известны и другие публикации, в той или иной степени отражающие некоторые стороны экономической и политической жизни Ташкента в изучаемый период. К ним относятся работы Н. А. и П. А. Маевых[4], Хорошхина[5], И. И. Гейера[6], Н. Дмитровского[7], В. П. Кузнецова[8], И. Краузе[9], Н. Ульянова[10], Н. Васильева[11], труд неизвестного автора «Очерки истории Ташкента»[12] и др.

---

1 А. К. Гейнс, Управление Ташкентом при Кокандском владычестве (как характеристика администрации среднеазиатских городов), в кн.: А. К. Гейнс, Собрание литературных трудов, т. II, СПб., 1898.

2 А. Шишов, Исторический очерк Ташкента, Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, т. XI, Ташкент, 1904.

3 В. С. Гаевский, Историческая справка о городе Ташкенте, Ташкент, 1907.

4 Н. А. Маев, Азиатский Ташкент, Сборник материалов для статистики Туркестанского края, вып. IV, СПб., 1876; П. А. Маев, Русский Ташкент, Из литературных приложений к «Ниве», 1894, май.

5 Хорошхин, Очерк Ташкента, «Русский инвалид», 1867, № 113.

6 И. И. Гейер, Кустарные промыслы в Ташкенте, III, Сагирчи (шагренщики), «Русский Туркестан», 1902, № 192.

7 Н. Дмитровский, Что стоит Ташкент? Ташкент, 1888.

8 В. П. Кузнецов, Ташкент в торговом и промышленном отношениях, Труды Вольного экономического общества, т. IV, вып. 4 ,СПб., 1866.

9 И. Краузе, Туземные и русские маслобойные заводы в Ташкенте, «Русский Туркестан», сборник, вып. 2, М., 1872.

10 Н. Ульянов, К материалам по ирригации г. Ташкента и Кураминского уезда, «Туркестанские ведомости», 1883, № 44.

11 Н. Васильев, Швейные мастерские в Ташкенте, Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, т. 2, Ташкент, 1892.

12 Очерки истории Ташкента, в кн.: «Биография М. Г. Черняева», Ташкент, 1915 (?).

Следует подчеркнуть, что работы дореволюционного периода, несмотря на значительный объем используемых материалов, не дают полного представления и правильного освещения истории городов Средней Азии, в частности Ташкента.

Из работ советских историков, посвященных истории Ташкента, наибольший интерес представляют исследование проф. М. Е. Массона[1], книга М. Г. Вахабова[2] и популярная брошюра В. А. Шишкина[3].

В работе М. Е. Массона дается в сжатом виде история города с древнейших времен до присоединения его к России; вкратце изложены некоторые выясненные автором факты и общие положения археолого-топографического и историко-архитектурного характера. В книге М. Г. Вахабова освещаются в основном события, происходившие в Ташкенте в период трех революций. Брошюра В. А. Шишкина представляет собой популярный очерк по истории некоторых среднеазиатских городов, в том числе Ташкента.

Отдельные сведения по истории Ташкента приводятся и в работах других советских историков, в том числе в сводном труде «История Узбекской ССР»[4].

Настоящая работа посвящена характеристике истории Ташкента того периода, когда феодальная Средняя Азия была втянута в сферу экономического, политического и культурного развития буржуазной России, когда Ташкент стал центром колониального управления царизма и вместе с тем — центром прогрессивного влияния передовой русской культуры, русской революционной мысли и рабочего движения. Изучение событий этого времени весьма важно для правильного понимания прогрессивной роли присоединения Средней Азии к России, процесса сложения боевого союза местных трудящихся и русского рабочего класса в борьбе против царизма и буржуазии.

---

1 М. Е. Массон, Прошлое Ташкента, «Известия АН УзССР», 1954, № 2.

2 М. Г. Вахабов, Ташкент в период трех революций, Ташкент, Госиздат УзССР, 1957.

3 В. А. Шишкин, Города Узбекистана, Ташкент, Изд-во УзФАН, 1943.

4 История Узбекской ССР, т. 1, кн. первая, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1955; т. 1, кн. вторая, 1956.

Целью настоящего исследования является освещение социально-экономической и политической истории Ташкента второй половины XIX в. Поэтому в нем не затрагиваются такие вопросы, как развитие культуры, науки и искусства, градостроительство, историческая топография города и др.

При написании книги автор руководствовался методологическими указаниями основоположников марксизма-ленинизма, имеющими непосредственное отношение к исследуемым вопросам, в частности положениями В. И. Ленина по вопросам развития капитализма в России, его характеристикой колониальной политики царизма в Туркестане и т. д.

Книга подготовлена на основе изучения материалов Центрального государственного исторического архива (ЦГИА) УзССР, документальных публикаций, мемуаров, статистических материалов, периодической печати, материалов «Туркестанского сборника» и некоторых местных исторических хроник[1].

Автор пользуется предоставившейся возможностью, чтобы выразить свою признательность всем товарищам, оказавшим ему помощь в процессе работы над данной книгой.

---

[1] Карта г. Ташкента 1892 г., любезно представлена автору членом-корр. АН УзССР проф. В. П. Щегловым, а материалы из фонда № 1374 ЦГИАЛ СССР и копия трудов Пермской губернской ученой архивной комиссии—канд. ист. наук Х. Зияевым.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОШЛОМ ТАШКЕНТА

(Вместо введения)

Ташкент — один из древнейших городов Средней Азии. Его история уходит в глубокую древность.

Дошедшие до нас сведения средневековых письменных источников и работы по изучению прошлого Ташкента свидетельствуют о том, что город в разное время носил различные названия: Чач (в арабском произношении Шаш или Джадж)[1], Таркан и Бинкет[2].

Что касается современного названия города — Ташкент, то самое раннее упоминание о нем встречается у Бируни[3] и Махмуда Кашгарского (XI в.)[4]. По данным

---

[1] «Шаш» встречается и как название целой области, и как название города. В области Шаш, по сведениям Ибн Хаукаля (приведенным в работе В. А. Тизенгаузена), насчитывалось более 25 городов. Главным из них был Бинкет — «пространный и многолюдный город, обнесенный стеною». Бинкет, по утверждению Тизенгаузена, назывался и Шашем, а Шаш (Чач или Джадж) как название города тождественно Ташкенту. См. В. А. Тизенгаузен, указ. соч., стр. 34.

[2] В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, стр. 171, 173, 245; В. В. Григорьев, О скифском народе саках, стр. 69; В. А. Тизенгаузен, указ. соч., стр. 20; А. И. Добросмыслов, указ. соч., стр. 5—6; Фирдоуси, Шах-намэ, т. 1, М., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 619, 620.

[3] Абу Рейхан Бируни, Избранные произведения, I, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957, стр. 111.

[4] Махмуд бин ал-Хусайн бин Мухаммад ал-Кашгари, Девани луғати ат-турк, т. 1, Стамбул, 1333 (1914—1915), хранится в Институте востоковедения АН УзССР, инв. № 5201.

Махмуда Кашгарского, «Таркан — это есть название Шаша. Абубакир Каффали Шашский — тоже выходец из этого города Шаша. В сущности это (т. е. Шаш. — *Ф. А.*) есть Тошканд, т. е. город, сооруженный из камней»[1].

В первой четверти XIII в. Ташкент был известен китайским историкам под названием Ташикань, или Тхань-Сыгань[2].

В русских источниках Ташкент (под названием Ташкуна) впервые упоминается в ценном памятнике русской историко-географической мысли начала XVII в. — «Книге Большому чертежу»[3].

Подробные данные о Ташкенте появляются со второй половины XV в. В XIV—XV вв. город входил в состав владений Тимура и его преемников. После того как правитель Моголистана Юнус-хан, воспользовавшись междоусобными войнами Тимуридов, овладел Ташкентом, город стал резиденцией могольских ханов.

В 1501 г. Шейбани-хан, разгромив моголов, отдал Ташкентский вилайет в управление своим дядям — Кучкунджи-султану и Суюнч-Ходжа-хану[4].

Наряду с Самаркандом, Бухарой, Андижаном, Ташкент при первых Шейбанидах был довольно многолюдным городом, одним из крупных центров ремесла, торговли и культурной жизни Средней Азии.

В первой половине XVI в. в городе появилось несколько новых больших зданий, в том числе медресе Барак-хана и Кукальдаш. По мнению проф. М. Е. Массона, первоначально эти медресе были покрыты богатой изразцовой облицовкой и принадлежали к числу лучших архитектурных памятников XVI в. в государстве Шейбанидов[5].

Развитие ремесла способствовало расширению торговых связей, усилению процесса отделения города от деревни. Во второй половине XVI в., после присоединения Казанского (1552) и Астраханского (1556) ханств

[1] Махмуд ал-Кашгари, указ. соч., стр. 369.
[2] История первых четырех ханов из дома Чингисова, пер. И. Бичурина, СПб., 1829, стр. 101, 377.
[3] Книга Большому чертежу, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 95.
[4] История Узбекской ССР, т. 1, кн. первая, стр. 385.
[5] М. Е. Массон, указ. соч., стр. 113.

к Русскому государству, наблюдается оживленный обмен торговыми караванами-посольствами между Москвой и среднеазиатскими городами — Бухарой, Самаркандом, Ташкентом, Ургенчем, Балхом и др.[1]

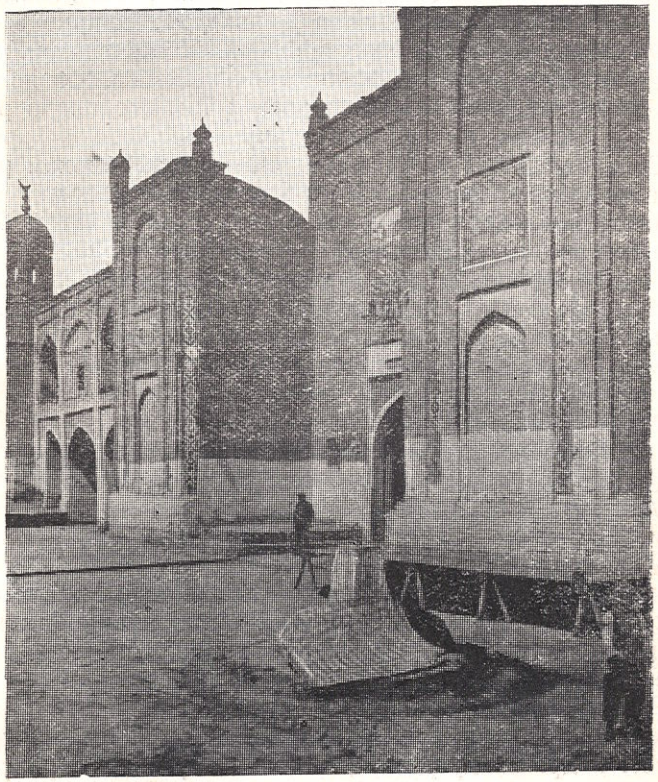

Рис. 1. Медресе Кукальдаш (XVI в.).

После гибели Шейбани-хана (1510) начались длительные феодальные междоусобные войны, закончившиеся лишь в конце XVI в., после объединения всех шейбанидских владений под властью Абдулла-хана II (1557—1598), который с 1583 г. стал ханом всех узбеков.

[1] История Узбекской ССР, т. 1, кн. первая, стр. 397.

В 1576 г. Ташкент вошел в состав владений Абдуллахана, а после его смерти Ташкентом и Самаркандом завладел (1599) казахский султан Тевеккель.

В 1613 г. Аштарханиду Имамкули-хану (1611—1642) удалось разбить казахов, захватить Ташкент и посадить там наместником своего сына Искандера. Однако вскоре Искандер был убит восставшими ташкентцами. Тогда Имамкули-хан выступил против Ташкента и, взяв город после месячной осады, произвел там страшную резню.

В начале XVIII в. Ташкент становится яблоком раздора между джунгарским и казахским ханами. До 1723 г. город находился в руках казахов, а затем был покорен джунгарским ханом Галдан-Цыреном.

В этот период, по свидетельству ташкентского жителя Нур-Мухамада[1] (побывавшего в Уфе в 1734 г.), население Ташкента занималось виноградарством, выращиванием бахчевых культур, сорочинского пшена, пшеницы, ячменя, проса, зигира (лен), кунжута; в городе «в шелку и в бумаге хлопчатой довольство, и делают всякие на тамошний расход парчицы, полотна и выбойки».

В 1739 г. в Ташкенте побывал поручик Миллер. По его данным, Ташкент был весьма людным городом, его территория была растянута на 4 версты в длину и ширину; домов насчитывалось более шести тысяч, в лавках продавались «хлопчатая бумага, пестряди и другие бумажные парчицы». В Ташкенте из русских товаров охотнее всего покупали «сукно кормазинное, бобры заморские и выдры, краски брусковую и кошенель»[2].

Развивается товарооборот между Ташкентом, Балхом, Хивой, Бухарой, Самаркандом, Кулябом, Шахрисябзом и др. Следует отметить, что торговля происходила в основном путем обмена товаров. Деньги играли еще незначительную роль, а в годы войны с калмыками монету даже перестали чеканить, ибо, по свидетельству Нур-Мухамада, нужды в ней был мало. Горные техники Поспелов и Бурнашев, посетившие г. Ташкент в 1800 г., отметили в своих записках, что «...денежное обращение очень недостаточное. Золотых и серебряных денег совсем нет, а медные против цены меди очень малы, и которые не выходят за пределы ташкентского владения, другие же владения никакие не имеют обращения»[1].

[1] А. И. Добросмыслов, указ. соч., стр. 14, 17—18.
[2] Цит. по кн.: А. И. Добросмыслов, указ. соч., стр. 20—21.

Население обязано было вносить феодальной казне особую подать, взимавшуюся хлебом (1/10—1/5 доля урожая) и скотом.

Нур-Мухамад сообщает, что при сборе подати «кайсаки многих побивают до смерти». Отсюда видно, что сбор подати встречал активное сопротивление трудящихся масс, которые выступали против поборов и произвола ханов и их чиновников.

В начале 30-х годов XVIII в. правитель Ферганы Рахим начал претендовать на присоединение Ташкента к своим владениям. Нур-Мухамад сообщает, что «...Ташкента половину из доброй воли... Жолбарс-хан назад не с большим год, уступил (Рахиму)»[2].

После убийства жителями Ташкента Жолбарс-хана (1739) городом управлял и взимал подать с его населения влиятельный казахский бий Тюля-бий. Затем он был лишен власти Кусек-беком, который, по предположению А. И. Левшина, был данником, а может быть, и наместником Галдан-Цырена, ибо подать с народа поступала не к Кусек-беку, а прямо к джунгарскому хану[3].

Хотя в это время казахские султаны не оказывали серьезного влияния на внутренние дела Ташкента, но, по данным А. И. Левшина, они «так стеснили окрестности оного, что самый город оставался как бы в постоянной осаде. Они разбили под стенами его пашни, завладели близлежащими лесами и при малейшем неудовольствии брали в плен как жителей городских, так и купцов, приезжавших к ним для торга»[4].

Особенно страдал Ташкент от набегов Большой Орды после падения Джунгарии (1756). «Нападения, разграбления караванов и почти совершенное лишение зем-

[1] ЦГИА СССР, ф. 1374, оп. 3, д. 2306, л. 29. О посещении Ташкента Поспеловым и Бурнашевым см. дальше.
[2] А. И. Добросмыслов, указ. соч., стр. 19. Здесь, вероятно, имеется в виду, что Жолбарс-хан уступил половину не самого города Ташкента, а часть территории Ташкентского вилайета.
[3] А. И. Левшин, указ. соч., ч. II, стр. 80—81.
[4] Там же, стр. 81.

ли, необходимой для хлебопашества, довели жителей его до крайнего разорения: не будучи подвластными киргиз-казахам, они во всем зависели от них и все выгоды жизни или торговли должны были покупать у них высокою ценою»[1].

Рис. 2. Медресе Шейхантаур (XIX в.).

В 1795 г. Ташкент попал под власть бухарского эмира Шах-Мурада (1785—1800), который назначил туда своих наместников.

Необходимо подчеркнуть, что в Ташкенте не всегда существовала единая городская власть. Феодальная раздробленность проявлялась и в пределах одного города. В одно время Ташкент в административно-территориальном отношении оказался разделенным на четыре части, каждая из которых имела самостоятельного правителя. Этот период вошел в историю города под названием «чархаким» (четыре правителя)[1].

[1] А. И. Левшин, указ. соч., ч. II, стр. 87—88.

Следует отметить, что 80-е годы XVIII в. были периодом непрерывных междоусобных войн, причинявших большие бедствия населению Ташкента. Бурнашев и Поспелов писали, что в результате этих войн в Ташкенте «земледелие и скотоводство приходило в упадок; полезное разведение садов подвержено было разорению; вместо трудолюбивого в ремесле упражнения, каждый выходил с оружием в руках и всегда видел жизнь свою в опасности», что город и через 20 лет не оправился «от того разорения, какое оному в смутное время последовало»[2].

В конце XVIII в. власть в Ташкенте была захвачена Юнус-хожой — правителем Шейхантаурской части города. Тем самым был положен конец периоду «чархаким» — внутренней раздробленности города. Для защиты Ташкента прежде всего от кочевников Юнус-хожа обнес город стеной. После нескольких походов (первый из них состоялся в 1798 г.) Юнус-хоже удалось отвоевать у Большой Орды все ташкентские селения и подчинить кочевавших в Ташкентском вилайете казахов. Каждый его поход сопровождался массовым истреблением населения. В конце концов казахов усмирили и обложили данью[3]. Затем (с помощью казахов) Юнус-хожа присоединил к своим владениям и захваченный до того бухарцами г. Туркестан.

В целях укрепления торговых связей с Россией Юнус-хожа предпринял попытку войти в непосредственные сношения с представителем русского правительства в Пермском и Тобольском генерал-губернаторстве. Так, из материалов «Об установлении торгового сношения между Россиею и Ташкиниею» видно, что в первой половине 1794 г. из Ташкента в крепость Омск прибыл

[1] А. А. Диваев, Предание о возникновении азиатского города Ташкента, «Туркестанские ведомости», 1900, № 91.

[2] Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г., с примечаниями Я. В. Ханыкова, «Вестник РГО», кн. 1, ч. 1, отд. VI, СПб., 1851, стр. 21, 28.

[3] ЦГИАЛ СССР, ф. 1374, оп. 3, д. 2306, л. 21 об., 22, 31 об.; А. И. Левшин, указ. соч., стр. 89—90; А. И. Добросмыслов, указ. соч., стр. 23.

караван с письмом от Юнус-хожи «для положения первого основания взаимной... торговли...»[1].

Русское правительство тоже было заинтересовано в развитии торговли с ханствами Средней Азии. В мае 1794 г. императрица Екатерина II дала указание генерал-поручику Штрандману, находившемуся в то время в Омской крепости, собрать все сведения о Ташкенте и сообщить их исполняющему обязанности пермского генерал-губернатора генерал-поручику Волкову, чтобы тот мог высказать свое мнение «по поводу желаемого оным ханом (Юнус-ханом. — *Ф. А.*) установления торгового сношения с Россиею»[2].

В ноябре 1794 г. Штрандман «для получения подробнейших сведениев», под предлогом доставки ответа на письмо Юнус-хожи, послал в Ташкент вместе с возвращающимся туда караваном двух человек — одного сержанта, «некоторые науки знающего», и унтер-шихтмейстера, «рудасловия науку (т. е. металлургию. — *Ф. А.*) довольно разумеющего». Им было приказано «по прибытии их в Ташкендию всячески стараться все то, что нужно и сходственно с помянутым предписанием, секретно узнавать...»[3].

Согласно донесению Штрандмана из Петропавловской крепости от 8 октября 1795 г. (за № 71) на имя пермского генерал-губернатора Волкова, в Ташкент были посланы с караваном через Бухару сержанты Безносиков и Бурнашев. Однако эмир Шах-Мурад не пропустил их дальше Бухары, «...чему настоящею причиной было то, что между ташкентским ханом Юнусом и тем Шамрай-беком (Шах-Мурадом. — *Ф. А.*) существовало в недавнем пред тем временем великое несогласие»[4].

Таким образом, развитию торговых связей Ташкента с Россией мешали, с одной стороны, враждебные отношения между ташкентскими правителями и Бухарой, а с другой — постоянные набеги казахских феодалов и произвольные поборы, взимавшиеся султанами Средней

[1] Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии, 12, Пермь, 1915, стр. 3 (номера страниц даются не по оригиналу, а по копии).
[2] Там же, стр. 2—3.
[3] Там же, стр. 4.
[4] Там же, стр. 11.

Орды с ташкентских купцов. Как отмечали Поспелов и Бурнашев, «ежели бы не было сих препятствий и, особливо, если бы между тем и внешнее согласие ташкентского с соседственными владениями было утверждено, то торговое обращение могло быть умножено в пользу их и в пользу российской торговли»[1].

Положение трудящихся Ташкента и его окрестностей после взятия власти Юнус-хожой оставалось весьма тяжелым. В начале XIX в. в Ташкенте и его окрестностях был сильный голод; одна юкча (2 фунта) проса стоила 1 тангу (20 коп.).

В городе не существовало «ни на какие преступления законоположения»;[2] власть правителя была неограниченной. О произволе чиновников свидетельствуют рассказы Поспелова и Бурнашева о башчи-хоже, который следил за «тишиною и благоустройством», делал «по просьбам маловажные разбирательства» и сам наказывал виновных. Он же по приказанию правителя налагал «на жителей денежные и другие поборы... Нет на то ни числа, ни времени, по чему бы каждый располагался платить то, что от него требуется, — писали Поспелов и Бурнашев. — Для содержания дому владельца и на все расходы при оном, совокупно с теми людьми, которые находятся при услугах, собирается с каждого дому, или с каждого в нем живущего, имеющего жену (кроме караказанов)[3], такая часть, какая когда по произволению владельца бывает нужна. Буде кого хочет он за услугу наградить или доставить какое содержание, то также собирает по части со всех городских жителей, и в том никто не должен быть ослушан. Поборы сии бывают беспрестанные, и в один месяц сходит с каждого

[1] ЦГИАЛ СССР, ф. 1374, оп. 3, д. 2306, л. 29 об.
[2] Там же, л. 25 об.
[3] По имеющимся в записках Поспелова и Бурнашева данным, караказаны — это люди, служившие в войсках правителя и других феодалов. Они не облагались податями. Караказаны были разделены по знаменам, или полкам, и находились в полном распоряжении военачальников. Помимо службы в войсках, они выполняли домашние работы у своих хозяев. В Ташкенте их было в то время не более 6 тыс. (ЦГИАЛ СССР, ф. 1374, оп. 3, д. 2306, л. 24 об., 26, 26 об., 27, 28 об.).

обложенного податью от 5 до 10 рупий, а иногда и более»[1].

В самом конце XVIII в. против Ташкента выступил кокандский хан. Междоусобные войны правителей Ташкента и Коканда происходили и раньше, но ни одной из сторон не удавалось добиться успеха. В 1799 г. кокандское войско было разгромлено ташкентцами, а его командующий Хан-хожа и многие другие военачальники попали в плен. В 1800 г. Юнус-хоже удалось захватить кокандское владение Кураму (на правом берегу Сыр-Дарьи). Однако в 1807 или 1808 г. правитель Ташкента потерпел тяжелое поражение от кокандцев.

В 1810 г. Юнус-хожа умер и правителем Ташкента стал его сын Султан-хожа. Воспользовавшись смертью Юнус-хожи, кокандский правитель Алим-хан собрал войско и направил его против Ташкента под начальством своего брата Омара, который разбил отряд Султан-хожи, занял Ташкент и назначил правителем города Хамид-хожу, брата свергнутого правителя.

Однако Хамид-хожа оказался непокорным вассалом. Тогда против Ташкента выступил сам Алим-хан и окончательно присоединил город к своим владениям. Правителем Ташкента был назначен Саид Алибек. С тех пор городом стали управлять лица, назначаемые кокандскими ханами, и Ташкент с прилегавшими к нему селениями под названием Ташкентского вилайета вошел в состав Кокандского ханства[2].

Как и все другие среднеазиатские города, Ташкент в середине XIX в. был типичным феодальным городом. Арык Бозсу делил город на две части. В административном отношении Ташкент состоял из 4 районов — Шейхантаур, Себзар, Кокчи и Бешагач. Городская стена, длина которой достигала 14 *км*, имела 3 прохода и 12 ворот: Лабзакские, Тахтапульские, Карасарайские, Сагбанские, Чигатайские, Кокчинские, Самаркандские, Камаланские, Бешагачские, Коймасские, Кокандские и

---

[1] ЦГИАЛ СССР, ф. 1374, оп. 3, д. 2306, л. 25 об., 26. По объяснению Поспелова и Бурнашева, 1 рупия = 20 коп., (см. там же, л. 26).

[2] А. И. Добросмыслов, указ. соч., стр. 37—38; Д. И. Эварницкий, указ. соч., стр. 176—177.

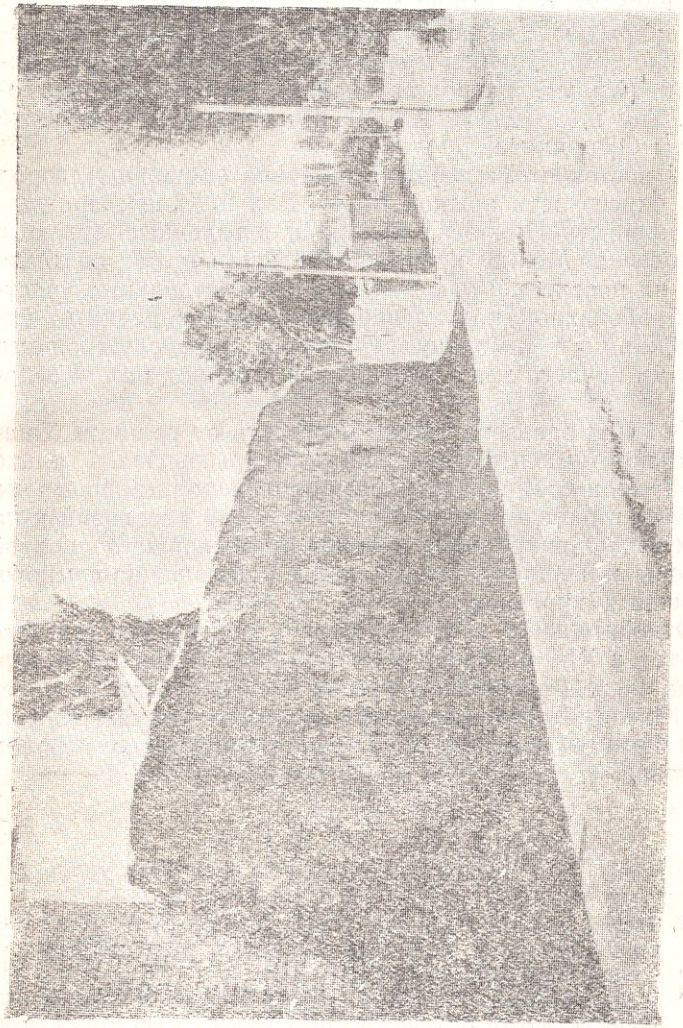

Рис. 3. Сохранившаяся часть старой городской стены Ташкента (в районе нынешней ул. Большевик).

Кашгарские[1]. На ночь все ворота города запирались, и до утра в город никто не мог войти. В годы завоевания Ташкента царизмом высота стен доходила до 5—7 сажен; наверху они имели площадку шириной до 2 сажен, закрытую с внешней стороны парапетом с круглыми бойницами. Дворец правителя находился внутри цитадели (Урды), расположенной на северо-востоке города. Там же была размещена часть войск, а также склады боеприпасов.

На восток от Ташкента, у истоков орошавших город и его окрестности арыков Бозсу, Зах и Ханым, находилась крепость Ниязбек, охранявшая головные арычные сооружения. Между крепостью и Ташкентом не было никаких поселений; там имелись лишь отдельные участки обработанной под клеверники земли с редкими насаждениями и небольшими постройками, служившими местами ночлега для земледельцев в период полевых работ.

Не была заселена также местность от границы Ташкента по Чимкентскому тракту до арыка Зах. Только зимой сюда собирались кочевники, располагавшиеся на зимовку в районе Юнус-Абада. Не было поселений и на р. Келес. Охрана всего района, примыкавшего с этой стороны к Ташкенту, сводилась к наблюдению с многочисленных курганов[2].

Относительное экономическое развитие Кокандского ханства в XIX в., расширение его политических и торговых связей, особенно с Россией[3], способствовали росту Ташкента, который благодаря своему выгодному географическому положению стал крупным и богатым городом ханства.

---

1 Очерки истории Ташкента, в кн.: «Биография М. Г. Черняева», стр. 5—6; М. Е. Массон, указ. соч., стр. 114.

2 Очерки истории Ташкента, стр. 9.

3 В начале XIX в. из России в Среднюю Азию в среднем ежегодно ввозилось товаров на сумму около 1 млн. руб., а вывозилось на 2 млн.руб. В середине же XIX в. ежегодный вывоз товаров оценивался в 15 млн. руб., а ввоз — в 10,5 млн. руб. (Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России, т. 1, стр. XXXI).

Глава первая

ТАШКЕНТ В 40—60-х ГОДАХ XIX ВЕКА

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТАШКЕНТА НАКАНУНЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ЕГО К РОССИИ

Накануне присоединения Средней Азии к России Ташкент был одним из важнейших торговых и ремесленных центров всей Средней Азии.

По данным неизвестного автора «Обозрения Кокандского ханства», в 40-х годах XIX в. в Ташкенте было до 18 караван-сараев и 20 тыс. домов[1]. По свидетельству В. В. Вельяминова-Зернова, в 50-х годах в 270 махаллях города насчитывалось 11 тыс. домов и 50 тыс. жителей[2]. По другим источникам, население Ташкента составляло 100 тыс.[3] и даже 150 тыс. человек, а количество домов — около 20 тыс.[4] По данным сибирских казаков Милюшина и Батарышкина, находившихся в Ташкенте в конце 1849 г. в качестве пленных, в городе насчитывалось до 80 тыс. жителей[5]. Такое же число жителей насчитывалось тогда и по сведениям управляющего населением Ташкента и Ташкентского района[6]; по материалам же организационной комиссии, которая ра-

---

1 Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии, ЗРГО, кн. III, СПб., 1849, стр. 209.

2 В. В. Вельяминов-Зернов, Сведения о Коканском ханстве, стр. III.

3 Д. И. Романовский, указ. соч., стр. 281—282.

4 А. И. Добросмыслов, указ. соч., стр. 42.

5 А. Макшеев, Показание сибирских казаков Милюшина и Батарышкина, бывших в плену у коканцев с 1849 по 1852 год, «Вестник РГО», ч. 17 (II), СПб., 1856, стр. 26.

6 Д. И. Романовский, указ. соч., стр. 281—282. Эти сведения относятся примерно к 1866 г.

ботала в Ташкенте в 1868 г., там было 15 500 дворов и 76 053 жителя[1].

Таким образом, в рассматриваемый период Ташкент по количеству жителей и по своим размерам был крупнейшим городом Средней Азии.

В классовом отношении население города делилось на две диаметрально противоположные группы: эксплуататоров и эксплуатируемых. К первой группе, составляющей меньшую часть населения города, относились крупные и мелкие светские и духовные феодалы, купцы и ростовщики. Эксплуатируемое ими большинство населения состояло из ремесленников, мелких торговцев, земледельцев-издольщиков (чайрикеры), а также многочисленных лиц, не имевших определенной профессии и работавших по найму (мардикеры). В середине XIX столетия в Кокандском ханстве имелись еще пережитки рабовладельческого строя. В 1865 г. в Ташкенте насчитывалось 167 рабов, из них 93 мужчины, 57 женщин и 17 детей[2]. Рабами в основном были пленные казахи, калмыки, персы.

Основными занятиями жителей Ташкента были различные виды ремесла, внутренняя и внешняя торговля, а также земледелие. Все жители, занимавшиеся одним и тем же видом промысла, жили в определенных махаллях или частях города. Так, по сведениям организационной комиссии (1868), жители махаллей Ахунгузар, Парчабаб и Джангах занимались торговлей и различными ремеслами; жители Тахтапуля, Себзара, Лабзака, Чувалачи, Карасарая и Яу были по преимуществу земледельцами[1]; в Шейхантаурской части в основном проживали литейщики, седельщики, ткачи, маслобои; в Себзарской — красильщики, ткачи, сапожники, гуртовщики; в Кокчинской — кожевники, сапожники; на окраинах Бешагачской части — кирпичники и др.[2]

[1] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 16, д. 55, л. 85—86; Русский Туркестан, вып. 1, стр. 5.

Следует отметить, что данные о количестве домов определялись упомянутыми авторами путем расспросов; затем количество домов умножалось на среднее число членов семейства (в большинстве случаев — на 5) и таким образом исчислялось приблизительное количество жителей. Материалы же организационной комиссии были получены в результате обхода домов. Кроме того, они близки к данным Милюшина и Батарышкина. Поэтому, хотя сведения организационной комиссии не являются совершенно точными, их можно считать исходными при определении количества домов и численности населения Ташкента в 50—60-х годах XIX в.

[2] ЦГИА УзССР, ф. 450, д. 7, л. 2—3; ф. 36, д. 449, л. 43—46; д. 482, л. 2—7.

Ремесло

Ремесленники составляли основную массу населения Ташкента. По свидетельству А. Н. Тетеревникова, изучавшего состояние торговли в середине 60-х годов, в городе было широко развито домашнее производство бумажных и полушелковых материй[3].

О широком производстве в Ташкенте бумажных и полушелковых тканей говорит и Н. Потанин, посетивший Кокандское ханство в 1830 г.[4]

Русский коммерсант В. П. Кузнецов, побывавший в Ташкенте в 1866 г., т. е. через год после завоевания его царскими войсками, писал, что в городе из ремесел особенно развито изготовление бумажных тканей, вывозимых в огромном количестве в Казахскую степь[5]. В конце 70-х годов в Ташкенте насчитывалось 775 ткацких мастерских, 89 кожевенных, 95 красильных[6].

Все эти данные позволяют считать, что и до присоединения Средней Азии к России в Ташкенте было широко развито ткачество.

Ташкентские ремесленники производили бязь, или карбос (обыкновенная хлопчатобумажная некрашеная материя), басму (набивная бязь преимущественно красного цвета), алачу (хлопчатобумажная полосатая материя из крашеной нитки), полосатые полушелковые материи, употребляемые на халаты. Ткани бекасам, шаи и шаи-ипак аркок (род атласа) вырабатывались в мень-

[1] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 1, д. 55, л. 95—97.

[2] Очерки истории Ташкента, стр. 6.

[3] А. Н. Тетеревников, указ. соч., стр. 38.

[4] Записки о Коканском ханстве хорунжего Потанина, «Вестник РГО», т. VI, ч. XVIII, СПб., 1856, стр. 268.

[5] В. П. Кузнецов, указ. соч., стр. 4.

[6] М. А. Терентьев, Статистические очерки Среднеазиатской России, ЗРГО, Отдел статистики, т. IV, СПб., 1874, стр. 51.

шем количестве, так как их покупала в основном состоятельная часть населения[1].

Текстильное производство в Ташкенте в 60-х годах было организовано, как отмечал П. И. Пашино, в форме распыленной мануфактуры с использованием труда рабочих-надомников. «При бумажном производстве один капиталист раздает известным ему семействам очистку хлопка, другим прядение, третьим ткачество, четвертым окраску и т. д., что не обязывало его ни к устройству помещения для мастеров, ни к покупке станков, ни к плате за то время, которое рабочие сидели бы без работы...»[2]. Большая доля труда падала на женщин и подростков, которые занимались очисткой хлопка, выделкой пряжи, наматыванием нитки на цевки и т. п.

В городе были развиты и другие виды ремесленного производства: кожевенное, маслобойное, сапожное, скорняжное, кузнечное, литейное, ювелирное и др.

Упомянутый выше В. П. Кузнецов писал, что в Ташкенте для местного потребления изготовляют зеленую кожу, мыло, горшечный товар, вырабатывают красную и черную юфту; в городе много ремесленников — кузнецов, медников, серебряников, седельщиков, портных, сапожников, красильщиков и ткачей[3]. Он же отмечал, что ташкентцы сами добывали свинец[4].

О развитии ремесленного производства в Ташкенте в середине 60-х годов можно судить и по количеству лавок, торговавших различными ремесленными изделиями.

Так, судя по данным А. Н. Тетеревникова, на главном базаре города гребнями, наперстками и прочими мелкими товарами торговало 150 лавок, алачой, ситцем, бязью, выбойкой, платками и шубами — более 100, сапогами, ичигами, каушами (кожаные галоши) — до 100, подковами, скобами, гвоздями, серпами, пилами и т. д. — до 60, канаусом, бекасамом, подкладочными материалами, чачванами (сетка для закрытия лица женщины) — 60, шагреневой кожей — 50, войлоком, арка-

[1] Аршин шаи (или шаи-ипак аркок) стоил от 75 до 90 коп., бязи — 4—6 коп., набивной бязи (выбойка) — 5—6 коп., алачи — 10—15 коп. (П. И. Пашино, указ. соч., стр. 140—142).

[2] Там же, стр. 140.

[3] В. П. Кузнецов, указ. соч., стр. 4.

[4] Там же, стр. 14.

нами, мешками, сбруей, нагайками, хурджунами, ремнями — 30, медными казанами, ковшами, рукомойни-

Рис. 4. Отливка чугуна в кустарной мастерской.

ками, чайниками, кумганами, тазами и прочими медными изделиями — 32, седлами — 30, свечами и мылом —

20, ножами — 20, кальянами, табакерками и табаком — 20, ювелирными изделиями — 20, коврами и одеялами —10, посудой — 10 лавок и т. д.[1]

Перечисленные товары в основном изготовлялись ташкентскими мастерами, однако часть их привозилась из Бухары (ковры, шелковые и некоторые полушелковые материи, частично бязь, выбойка, одеяла, халаты), Коканда (шелковые и некоторые полушелковые и бумажные материи, халаты), Чугучака и Кульджи (китайская посуда, чай) и из России (кожа «болгари», металлические изделия, сахар).

По данным 1867 г. в Ташкенте насчитывалось 126 мельниц[2]; по сведениям организационной комиссии (начало 1868 г.), в одной Кокчинской части города находилось 22 маслобойни, 14 мельниц, 5 толчей, 341 кожевенная мастерская, 77 ткацких и красильных, 218 сапожных и скорняжных, 59 кузнечных, 6 кирпичных и 7 гончарных мастерских; в Себзарской же части было 5 маслобоен, 25 мельниц, 1 толчея, 17 ткацких и красильных мастерских[3].

Производительность мастерских и других кустарных предприятий была низкой. Например, мельница перемалывала в сутки лишь 3—4 батмана зерна, а толчея при двух шестах могла вырабатывать до 3 батманов зерна (батман в Ташкенте = 10,5 пуда)[4]. Довольно часто, особенно зимой, мельницы и толчеи простаивали из-за недостатка воды в арыках.

Ремесленные изделия изготовлялись весьма примитивным способом. Так, сыромятину кожевники вырабатывали путем квашения кож и промазки их салом, подошвы и бараньи кожи — путем дубления и квашения, гузару и ярчак (замша) — с применением соли и копчением, сауры (род шагрени) — с использованием соли и окиси меди.

Кузнецы обычно специализировались на изготовлении различных предметов: одни делали только подковы и гвозди для ковки лошадей, другие — железные инструменты (кетмени, топоры и др.), третьи — скобяные товары (цепочки к дверям и сундукам, железные

[1] А. Н. Тетеревников, указ. соч., стр. 40—42.
[2] ЦГИА УзССР, ф. 450, д. 19, л. 13—16.
[3] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 16, д. 55, л. 75—77, 87.
[4] ЦГИА УзССР, ф. 450, д. 19, л. 13—16.

путы для лошадей, удила) и т. д. Железные изделия производились из железа, ввозимого из России. Чугунные предметы отливались из лома, причем переплавка осуществлялась крайне примитивным способом.

Маслобойные заведения (ёг джуваз) вырабатывали масло из кунжута в смеси с семенами других растений, например хлопчатника. Это увеличивало количество остающегося жмыха (кунджора), имевшего значительный спрос как корм для скота. Маслобойни вырабатывали масло и из других масличных культур, например из ореха и мака, но в незначительном количестве.

В конце 60-х годов в городе насчитывалось около 500 маслобоен, но производительность их была очень низкой. Так, за 6 час. одна маслобойня едва вырабатывала 5 фунтов масла[1].

Ремесленники Ташкента были объединены в цеховые организации; во главе цеха стоял старший мастер (уста); через него поступали заказы, он же распределял их среди мастеров.

Внутрицеховая регламентация определялась цеховым уставом (рисоля), в котором указывались правила поведения членов профессиональной группы и соответствующий тому или иному случаю церемониал. Всякое нарушение твердо установленных правил влекло за собой изгнание из цеха. Вся система цеховой организации и внутрицеховой регламентации способствовала укреплению господства цеховой верхушки и обеспечивала эксплуатацию ею рядовых ремесленников.

Ремесленные цехи были мало связаны друг с другом. При этом производством, в силу значительной специализации его, руководило несколько мастеров. Это был совершенно своеобразный способ разделения труда.

Ремесленники пользовались самыми примитивными инструментами и орудиями. Например, шагренщик пользовался шестью инструментами: даскуном (для очистки размоченной кожи от мездры), ураком (для очистки кожи от волоса), хорошаком (для наведения характерной для шагрени шероховатости), сигрядганхорошаком (для удаления воды после наведения до-

[1] И. Краузе, указ. соч., стр. 203.

рожек хорошаком), корчапом (рама для растягивания кожи) и тешой (для обработки кожи в сухом виде). Весь процесс изготовления шагрени длился 32 дня, из них 12 дней уходило на обработку кожи, а 20 — на ее окраску; при этом шагренщик мог работать только в теплое время года (апрель—октябрь)[1].

Ремесленники многих отраслей обычно работали в лавках, где и продавали свои товары. Многие из них были вынуждены снимать лавку в аренду, выплачивая за нее от 2 до 5 червонцев в год (данные середины 60-х годов)[2].

Ремесленное производство в Ташкенте было мелким, распыленным; оно специализировалось на ограниченном ассортименте изделий. Ремесленники-одиночки работали со своей семьей.

Надо полагать, что во всех видах ремесленного производства города известное место занимала работа на заказ, т. е. непосредственно для потребителя. В таких случаях специалисты выступали как ремесленники. Но подавляющая часть продукции изготовлялась на рынок. В этом случае мастера выступали уже не как ремесленники, а как кустари, как товаропроизводители, работающие на рынок.

В. И. Ленин указывал, что «надо строго отличать товаропроизводителей, работающих на рынок (1-ая подгруппа), от ремесленников, работающих на потребителей (2-ая подгруппа), ибо эти формы промышленности представляют совершенно разнородные типы по своему общественно-хозяйственному значению»[3].

Обособленность ремесленных цехов, строгая регламентация их деятельности уставами (рисоля) и постоянные междоусобные войны феодалов тормозили развитие городского ремесленного производства, сохранявшего полностью феодальный характер, что не могло не отразиться на экономике ханства в целом, а также на положении трудящихся масс.

Цеховые объединения ремесленников, игравшие на первых порах известную положительную роль, посколь-

[1] И. И. Гейер, Кустарные промыслы в Ташкенте, III, Сагирчи (шагренщики), «Русский Туркестан», 1902, № 192.
[2] А. Н. Тетеревников, указ. соч., стр. 39.
[3] В. И. Ленин, Сочинения, т. 2, стр. 334.

ку они способствовали укреплению и развитию городского ремесла, по мере роста в дальнейшем товарного производства и расширения рынка превращались в

Рис. 5. Кустарь, изготовляющий подковы для сапог.

тормоз для развития производительных сил. Господствовавшие в стране феодальные производственные отно-

шения «...ограничивали человеческий разум самыми узкими пределами, делая из него покорное орудие суеверия, подчиняя его традиционным правилам, лишая его всякого величия, всякой энергии к историческому действию».[1]

Торговля

Большое место в жизни населения Ташкента занимала торговля. В этом отношении небезынтересно сообщение Хорошхина о том, что в Ташкенте «купцов и торговцев очень много. Сарт, обладающий 20—30 рублями, уже торгует»[2].

На главном базаре Ташкента (длиной 400 и шириной до 100 сажен) имелось 16 караван-сараев для оптовых складов и до 2400 лавок, а во всем городе насчитывалось 4548 лавок. Многие из них, как уже говорилось, были одновременно и мастерскими. Весь базар был разделен на специализированные ряды (которых, по неполным данным, насчитывалось 26) — фруктовый, хлебный, мясной, ковровый, посудный и т. д. Каждый ряд избирал своего главу — аксакала[3].

Внутренняя торговля была мелочной. Отсутствие оптового торга часто приводило к продовольственным затруднениям, которые сопровождались повышением цен на продукты. Из-за отсутствия запасов цены на хлеб доходили до 5—6 танга за пуд[4]. Как справедливо отмечал В. В. Вельяминов-Зернов, большинство занимающихся торговлей видело в ней не источник обогащения, а средство к поддержанию своего существования.

В середине XIX в. значительно расширилась торговля Ташкента с городами Кокандского ханства и других государств.

По утверждению автора работы «Кокандское ханство по новейшим известиям», Коканд — столица ханства — никогда не мог соперничать с Ташкентом в торговом отношении[5]. Ташкент был крупнейшим центром

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 9, стр. 351.
[2] Хорошхин, указ. соч., Здесь под словом «сарт» подразумевается местное оседлое население — узбеки.
[3] А. Н. Тетеревников, указ. соч., стр. 39.
[4] В. В. Вельяминов-Зернов, Сведения о Коканском ханстве, стр. 128.
[5] Кокандское ханство по новейшим известиям, «Военный сборник», год 12, июль 1869 г., № 7, стр. 85.

внутренней, внешней и транзитной торговли. Особенно большую роль играл Ташкент в качестве узла караванных путей, связывавших ханства с Казахской степью, Россией и Западным Китаем. Во второй половине XIX в. усилились торговые связи Ташкента с Россией, что способствовало быстрому росту города и подъему его экономики.

Торговые караваны из Ташкента в Россию шли по двум путям: через Троицк на Оренбургской линии и через Семипалатинск и Петропавловск на Сибирской линии. Ежегодно в Троицк, Оренбург, Петропавловск и Семипалатинск из Ташкента приходили большие караваны — до 15—18 тыс. верблюдов в год[1] с фруктами, зерном, хлопком, тканями, одеждой, овечьей кожей, коврами и другими товарами. Из указанных же городов в Ташкент приходили караваны (до 11—15 тыс. верблюдов в год) с железом, чугуном, медью, сталью, юфтью, сахаром, сукном, полотном и т. д.

Из Петропавловска в Ташкент караваны прибывали три раза в год, из Троицка — два раза. Расстояние между Ташкентом и Петропавловском (туда и обратно) караваны проходили в два с лишним месяца, а путь между Троицком и Ташкентом — за 30—40 дней.

Следует отметить, что многие жители восточных районов России охотно покупали дешевую «азиатскую» бязь и выбойку. «Вся Казахская степь, вся линия от устья Волги до верховьев Енисея, все население к северу от линии вплоть до Казани одевалось в халаты исключительно среднеазиатского приготовления»[2].

С 1840 по 1848 г. из Средней Азии в Россию было вывезено выбойки на сумму до 2 млн. руб. серебром, в том числе из Ташкента — на 51 400 руб.[3]

За то же время из России в Ташкент было ввезено через Оренбургскую линию более 1547 пудов меди, а в Хиву — почти 1335 пудов[4]. В 1840 г. через Троицкую таможню в Ташкент было отправлено 1780 пудов железа, а в 1849 г. — уже 12 167 пудов. Всего с 1840 по

[1] А. К. Гейнс, указ. соч., стр. 502—510, 512—516.
[2] П. И. Небольсин, Очерки торговли России с Средней Азией (со стороны Оренбургской линии), ЗРГО, кн. X, СПб., 1855, стр. 271.
[3] Там же, стр. 283.
[4] Там же, стр. 198.

1849 г., исключая 1842 г., в Ташкент было ввезено 46 212 пудов железа[1].

Все это не могло не повлиять на состояние ремесленного производства в ханстве. В частности, в результате увеличения привоза из России металла и металлических изделий местное производство их стало терять свое прежнее значение, что, безусловно, ухудшало положение ремесленников, занятых в этой отрасли производства.

На мануфактурах России для Средней Азии изготовлялись ситцы, коленкоры, миткали, холстинки, платки, кумачи, кисеи и плисы. Аршин миткаля на меновых дворах Оренбурга стоил от 6 до 9 коп. серебром, а в Ташкенте кусок миткаля в 40—50 аршин продавался за 28 танга (5 руб. 60 коп.)[2]. Кусок ситца в 45—47 аршин стоил 30—34 танга[3].

Следует отметить, что русский ситец в Средней Азии, наряду с другими видами товаров, встречал сильную конкуренцию со стороны английских товаров, которые поступали в среднеазиатские ханства через Персию и Афганистан.

Около 30 ташкентских купцов торговали с казахами, а 400 — постоянно занимались перепродажей русских товаров. Караваны из Ташкента ходили в Аулие-Ату, Алма-Ату, Наманган, Коканд, Бухару, Ходжент, Ура-Тюбе и другие города Средней Азии.

Ташкент вел торговлю и с соседними азиатскими странами. Так, до восстания дунган из Ташкента в Кульджу ходили торговые караваны (2—3 тыс. верблюдов) с матой, халатами, фруктами, золотом, опиумом, русскими изделиями; в Чугучак (2—3 тыс. верблюдов) — с бязью и другими товарами для киргизов. С Кашгаром ташкентские купцы торговали через Коканд и ввозили туда русское железо, красную кожу, немного кисеи и шелковых материй, опиум, а чаще всего золото, хлопчатобумажные ткани и марену.

В свою очередь, из Чугучака и Кульджи в Ташкент ежегодно приходили торговые караваны (5—7 тыс. верблюдов) с чаем, нашатырем, фарфором и другими вещами; из Коканда, Ходжента, Намангана — в основном с фруктами; из Бухары — с бязью, выбойкой, шелковыми и полушелковыми изделиями, лисицей, английскими и мешхедскими товарами, одеялами, коврами, хлопком и т. д.

[1] П. И. Небольсин, указ. соч., стр. 198.
[2] Там же, стр. 218.
[3] Там же, стр. 216.

Из скотоводческих районов в окрестности Ташкента ежегодно сгонялось до 300 тыс. овец, из которых около 200 тыс. перегонялось в Бухару, Коканд и юго-восточные города ханства.

Из приведенных выше данных видно, что накануне завоевания края царизмом торговля Средней Азии, в том числе Ташкента, с Россией получила значительное развитие, способствуя укреплению установленных в прошлом связей между народами Средней Азии и русским народом. При этом основную роль играл обмен различными товарами, а посредническая роль принадлежала купечеству обеих стран.

Однако развитию торговли препятствовали плохая система административного управления, ограниченность потребностей народных масс ввиду нищенских условий их жизни, несовершенство путей сообщения и средств перевозок, многочисленные таможенные поборы, непрерывные междоусобные войны феодалов, разбой на караванных путях и отсутствие доступных кредитов.

Белявский пишет, что в Ташкенте до его присоединения к России не было ни одной торговой лавки, основной капитал которой превышал бы 2500 руб.[1] Однако следует учесть, что купцы иногда скрывали свое истинное состояние, чтобы уберечься от излишних налогов и поборов.

Ханские власти не уделяли должного внимания развитию внешней и внутренней торговли, не заботились о создании для купцов необходимых условий для развертывания торговли в зарубежных владениях. Зякат взимался со всех товаров внутренней и внешней торговли.

П. И. Небольсин отмечает, что купцы неоднократно жаловались на взимание с них в Ташкенте двойных пошлин[2]. Бывали случаи, когда купец привозил в Ташкент товары, которые по существовавшим здесь ценам стоили не больше 100 тилля. С этого купца следовало, говорит автор, взимать 5 тилля (5% стоимости). Одна-

[1] Белявский, указ. соч., стр. 75.
[2] П. И. Небольсин, указ. соч., стр. 152.

ко зякатчи оценивал эти товары не в 100, а в 120 и даже в 150 тилля и взыскивал с купца не 5, а 6 или 7,5 тилля[1].

По рассказам русских купцов, в Ташкенте было принято за правило по истечении 6-месячного срока со дня приезда иностранных купцов в караван-сарай взыскивать новые пошлины с нереализованных товаров. С русских купцов за ввоз и вывоз из Средней Азии товаров местного производства не брали официальных пошлин, однако они должны были одаривать чиновников и высших сановников.

С товаров, вывозимых в Россию среднеазиатскими торговцами, в Ташкенте взималась так называемая «отвозная пошлина». Например, с трех верблюдов, груженых мареной или хлопчатой тканью, взималось 1 тилля, с одного верблюда с шелковыми халатами — 5 тилля и т. д.[2] Кроме того, они также были вынуждены делать чиновникам подарки.

Например, караван из России, достигший Туркестана — последнего крупного города на пути к Ташкенту, — встречал чиновник, который заносил товары купцов в особый реестр. Купцы складывались между собой и дарили чиновнику 200—300 руб., чтобы тот не задерживал их. Затем в 6 верстах от Ташкента, в урочище Каракамыш, караван опять останавливался. Здесь навстречу ему с отрядом сборщиков выезжал сам бек. Купцы принимали бека с почетом и преподносили ему, каждый в отдельности, подарки. Бек знакомился с караваном, назначал цену товарам (обычно выше базарной с целью получения более высокой пошлины) и, приказав сборщикам окончить досмотр, уезжал. Чиновникам тоже делались ценные подношения. После переписи товаров зякатчи взыскивал пошлину: с мусульман с каждых 40 червонцев стоимости товара — по одному, а с немусульман по два червонца.

С 1852 г. русские купцы, недовольные произвольными пошлинами, налагавшимися среднеазиатскими властями, на время вовсе прекратили свои поездки в Среднюю Азию, передоверив свои дела комиссионерам из казанских татар.

[1] П. И. Небольсин, указ. соч., стр. 152.
[2] Там же, стр. 153.

Развитию среднеазиатской торговли мешали созданные и поддерживаемые царизмом Оренбургская и Сибирская таможенные линии.

Даже в 1865 г., по действующему азиатскому тарифу 1817 г., среднеазиатские промышленные изделия облагались высокой пошлиной от 10 до 25%, а хлопок и шелк-сырец (кроме бухарских) — по 2 руб. 30 коп. и карантинным сбором — по 23 коп. с каждого пуда[1].

Таможенные поборы были непомерно велики. На Петропавловском пути, по которому ташкентские караваны ходили круглый год, с 1862 г. за каждый рубль стоимости привозимого товара стали брать по 10 коп. На сибирских и оренбургских линиях таможенные пошлины также возросли на 20—40%.

Купцов облагали налогами при каждом удобном случае. Например, если покупатель отказывался от товара и товар возвращался в таможни, то купец платил по одной копейке с рубля.

Развитие внешней и внутренней торговли крайне затруднялось также ввиду отсутствия единой денежной системы и кредитных учреждений. В основе торгового кредита, бытовавшего среди местного населения, лежало личное доверие; сделки совершались устно, без документального оформления.

Такой вид кредита, как заем наличных денег, был связан с огромными трудностями, вызванными отсутствием крупных средств. Выдачей ссуд занимались частные лица — ростовщики из индийцев и бухарских евреев. Но и у них деньги могли занимать не все торговцы, так как ссуды давались под высокие проценты: по одним данным — 2—2,5%, а по другим — 3—5% в месяц[2]. За небольшие же суммы индийцы брали с одной тилля по танге в месяц, что составляло около 60% годовых[3].

[1] А. К. Гейнс, Объяснительная записка к положению и штатам военно-народного управления Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей, в кн.: А. К. Гейнс, Собрание литературных трудов, т. II, Приложение, стр. 69.
[2] А. К. Гейнс, Управление Ташкентом при Кокандском владычестве..., стр. 519, 520; ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 16, д. 1794, л. 23.
[3] В. П. Кузнецов, указ. соч., стр. 4; А. К. Гейнс, Управление Ташкентом при Кокандском владычестве..., стр. 520.

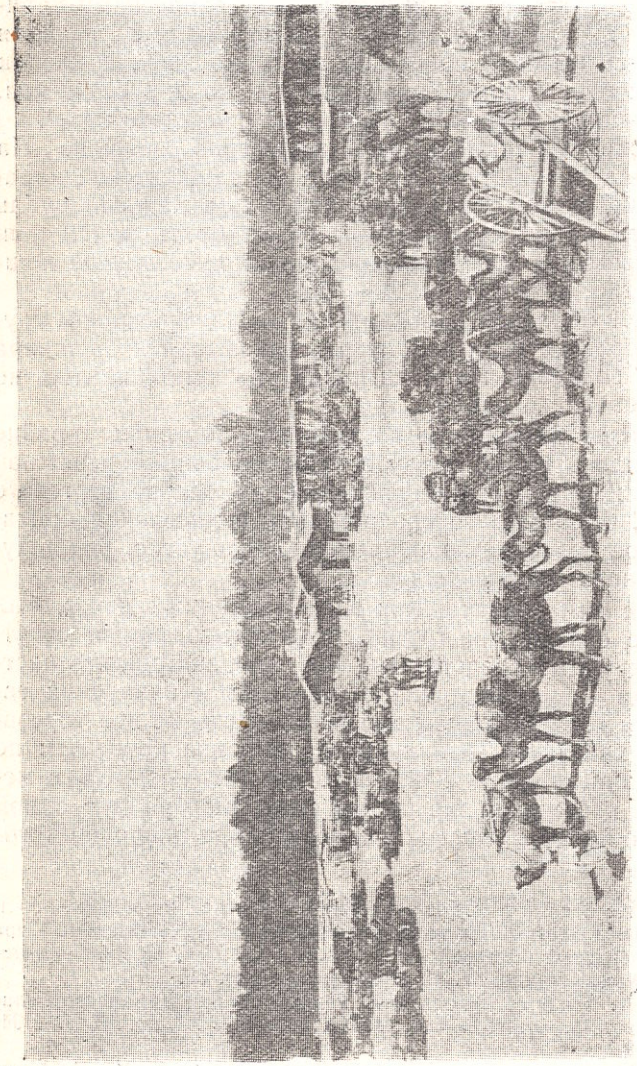

Рис. 6. Зерновой базар в районе Чорсу.

Значительно легче было получить в кредит товары. Купец с денежным капиталом в 1 тыс. тилля мог взять в кредит товаров на 2 тыс. тилля. Но в этом случае цена на товар повышалась.

Все эти обстоятельства мешали нормальному развитию торговли, но не могли приостановить его, ибо рост производительных сил, крайне медленный и мучительный в рамках феодального общества, диктовал необходимость развития торговли.

Землепользование

Значительная часть населения Ташкента, наряду с торговлей и ремеслом, занималась также садоводством, виноградарством, хлебопашеством. По свидетельству Хорошхина, многие горожане были земледельцами, которые «летом живут на своих плантациях и в садах...», а зимою часть из них обычно нанимается мардикерами[1].

Потанин сообщал, что в Ташкенте «хлебопашеством и садоводством занимаются тщательно, и благодарная земля с избытком вознаграждает труды их... Сена ташкентцы не косят, а пропитывают (т. е. кормят. — *Ф. А.*) скот своей вязелью, которую они сеют и два раза в лето снимают серпом и вяжут в снопы; скотоводства большого не имеют, но довольствуются скотом, пригоняемым из киргизской степи торговцами»[2].

Важнейшим условием развития земледелия в Средней Азии всегда было орошение. Формально вода не считалась предметом купли-продажи и должна была распределяться равномерно, согласно установившимся обычаям. Однако на деле распоряжавшиеся водой лица (саркары, аксакалы, дехкан-аксакалы, мираб-баши, туганчи и др.) фактически торговали водой и обеспечивали ею прежде всего поля крупных землевладельцев.

Как известно, состояние орошаемого земледелия в Средней Азии, как и на всем Востоке, во многом зависело от централизованного правительства[3]. В Кокандском ханстве не было сильной централизованной вла-

---

[1] Хорошхин, указ. соч.

[2] Записки о Коканском ханстве хорунжего Потанина, стр. 268.

[3] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 9, изд. 2, М., Госполитиздат, 1957, стр. 132.

сти, а лица, от которых зависела организация работ по сооружению и ремонту ирригационных систем, использовали свое сановное положение в личных корыстных интересах.

В 1868 г. организационная комиссия выяснила, что земли Кокчинской части города на 50 верст в окружности вовсе не пригодны для хлебопашества. Из-за плохого состояния ирригационной системы нельзя было поднять на поля воду из глубоких русел арыков Джангах, Каракамыш и Бозсу. Каналы Каирма, Ак-Арык и Зах-Арык имели достаточный уровень воды только в начале кокчинских земель. Маловодный Зах-Арык не мог обеспечить орошения прилегавших к нему земельных участков. Только арык Карасу, бравший свое начало в Себзарской части из арыка Кайкауз, имел достаточно воды.

В начале второй половины 50-х годов XIX в. воды Зах-Арыка не проходили до конца его русла, и поля, лишенные воды, не обрабатывались. Во второй половине 60-х годов хлебопашеством занимались только вблизи самого города (на расстоянии примерно 5—10 верст), а дальше встречались лишь отдельные небольшие участки орошенной земли[1].

Среди жителей города, наряду с массой мелких хозяев, были и крупные земельные собственники, владевшие в окрестностях города довольно обширными участками орошаемой и обрабатываемой земли.

Крупным феодалам предоставлялись различные льготы. Одним из крупных землевладельцев был житель Шейхантаурской части Ташкента Хаитхан Ходжа Тюря. Он получил право тарханства[2] и был освобожден от уплаты хираджа, танап-пули и от других повинностей. Об этом свидетельствуют письменные подтверждения Мадали-хана (без даты), Ширали-хана (1259/1841) и Худояр-хана (1279/1861). В справке, выданной Ширали-ханом, наряду с освобождением Хаитхана от всех податей и повинностей, приказывалось отвести ему участок пахотной земли в размере 24 батманов у арыка Бабагази[1]. Надо полагать, что эти 24 батмана земли были только частью его земельных владений, расположенных в окрестностях Ташкента.

Самыми крупными землевладельцами города были наместники кокандского хана в Ташкенте. Пользуясь своим положением, они стремились любыми средствами приобрести наиболее плодородные земли.

Так, правитель Ташкента Мирза Ахмад кушбеги (вторая половина 50-х годов) сфабриковал документы на приобретение 1000 десятин земли за чертой города, в районе Сары-Агач, и добился засвидетельствования этих документов казиями, хотя арыки там были проведены населением в порядке выполнения натуральных повинностей. Мирза Ахмад доложил хану, что эти земли он оросил якобы своими средствами, и добился скрепления сфабрикованных им самим документов ханской печатью.

Указанные земли Мирза Ахмад пожертвовал в вакуф медресе «Муи-Мубарак», поставив при этом следующие условия: мутавалием (распорядителем) вакуфа будет он сам, а затем его наследники; он и его наследники сохраняют за собой право распоряжаться вакуфным участком, т. е. могут его продать, подарить и т. д.[2]

Этот факт свидетельствует и о том, что хотя по шариату право частной собственности на землю по существу считалось ограниченным, феодалы различными путями превращали большие участки земель в свою собственность. Таким образом, в рассматриваемый период в ханстве происходит дальнейший рост феодальной собственности на землю.

Превращение части государственных земель в собственность отдельных феодалов, освобождение их от податей и повинностей приводили к усилению эксплуатации крестьян феодалами и ослаблению зависимости правителей Ташкента от ханской власти.

Обширные земельные участки, расположенные за городом, обрабатывались либо арендаторами — издоль-

[1] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 16, д. 55, л. 80.

[2] Право тарханства предоставлялось только «сильным мира сего». Феодал, получивший тарханную грамоту, освобождался от различных налогов и повинностей, а также имел другие привилегии. Крестьяне, жившие на его землях, продолжали нести все повинности и платить все налоги, но уже не государству, а данному феодалу.

[1] ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 170, л. 207, 209, 212—213.

[2] Там же, д. 3494, л. 12—13.

щиками, вносившими, кроме казенных налогов, арендную плату землевладельцам, либо наемными работниками из безземельных и малоземельных крестьян.

Люди, работавшие по найму у баев, получали за свой труд мизерную плату: сельскохозяйственный рабочий без лошади получал в день от 37 до 50 коп.; мардикер — 15 коп.[1]; труд рабочих при исправлении улиц и дорог оплачивался: пешим — 40 коп. (два танга), конным — по 60 коп. (три танга)[2].

Особенно тяжелым было положение трудящихся на тех землях Ташкентского вилайета, которые отдавались в качестве наделов чиновникам за услуги, оказанные хану.

Данные архивных материалов, а также прямые и косвенные указания дореволюционных авторов[3] позволяют утверждать, что накануне завоевания Ташкента царизмом как в черте города, так и вне его были так называемые общественные земельные участки, принадлежавшие жителям отдельных кварталов (например, в местностях Чартаг[4], Канли, Чаля, Канкус[5]; по верховьям Бозсу и Чирчика, Карасу и Тюрк-Арыка, по Бушгену)[6].

---

1 Н. А. Маев, Азиатский Ташкент, стр. 10.

2 В. В. Вельяминов-Зернов, Сведения о Коканском ханстве, стр. 117—119; А. К. Гейнс, Управление Ташкентом при Кокандском владычестве..., стр. 457.

3 А. К. Гейнс, Управление Ташкентом при Кокандском владычестве..., стр. 441 и след.; Н. А. Маев, указ. соч., стр. 11; Ф. К. Гирс, Отчет ревизующего по высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса, б. м., б. г., стр. 3, 4; Н. Г. Маллицкий, Ташкентские махалля и мауза, Ташкент, 1927, стр. 4.

4 При разборе спора между казахами — жителями аула Чартаг и жителями Бешагачской части города в 1880 г. выяснилось, что 519 десятин засеянной земли, т. е. свыше 90% всех пахотных полей урочища Чартаг, принадлежали жителям Бешагачской части и Зенги-Ата. Этот участок обрабатывался 248 хозяйствами. При проверке было также установлено, что «общественное право сартов селения Катартала и Бешагачской части г. Ташкента на земли Чартагского урочища возникло 30 лет тому назад (т. е. в 50-х годах XIX в. — *Ф. А.*), а киргизы (казахи. — *Ф. А.*) же стали на этой земле сравнительно в позднее время...» (ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 14, д. 270, л. 37—38).

5 ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 1910, л. 17—24.

6 Там же, ф. 1, оп. 16, д. 55, л. 71, 74.

По данным организационной комиссии (1868), территория Кокчинской части города составляла примерно 50 верст в окружности[1]; сел. Куйлюк (10 дворов), Ханабад (15), Ногай-Курган (25), Шиш-Тюбе (12), Зенги-Ата (300) и Нишбаш (300 дворов) были окружены земельными (вполне возможно, общественными) участками жителей Бешагачской части города[2].

В другом документе той же комиссии говорится о том, с какими речками и участками граничат «городские общественные земли жителей Себзарской части», что и за этими границами находятся незначительные «общественные земли этого квартала». Там, где указываются районы земельных участков, принадлежавших жителям различных махалля, употребляются такие термины: участок «лабзакской артели», «чувалачинской артели», «карасарайской артели»[3] (разрядка наша. — *Ф. А.*).

Эти документы свидетельствуют о том, что накануне завоевания края царизмом подобный вид общественного землепользования был довольно распространен и широко известен в Средней Азии, в том числе в Ташкентском вилайете.

Судя по данным начальника Ташкента, собранным им в 1872 г. путем опроса населения, из 85 020 танапов городских земель значительная часть была общественной (передельной). Так, из 20 550 танапов земли Себзарской части города 18 650 танапов были общественными (передельными)[4].

В 1879 г. начальник города в ответ на запрос городской управы подтвердил, что «прежде, до занятия русскими войсками города, все пахотные земли были чаковые», т. е. жеребьевые[5].

Эти общественные земли ежегодно перераспределялись между всеми жителями соответствующих кварталов. Весной, перед распределением общественных земель, аксакалы оповещали жителей о том, что желающие получить пашню должны собраться со своими ра-

---

1 ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 16, д. 55, л. 80.

2 Там же, л. 81.

3 Там же, л. 95.

4 Там же, ф. 36, д. 857, л. 15.

5 Там же, д. 1687, л. 2.

бочими в назначенное место. Каждый из них должен был участвовать в очистке главного арыка и проведении на участок, назначенный к дележу, ирригационных канавок. Затем участок делили на столько частей, сколько было прислано кошей[1], и тот, кто высылал два или три коша, получал соответствующее число частей земли[2].

Распределение общественных земель между жителями производилось путем жеребьевки, однако основанием при всех разделах служил кош. Вот как описывается этот способ распределения земель в одном из архивных документов:

«Допустим, что на известном участке, большею частью по какому-нибудь арыку, занимались хлебопашеством сто человек. Эти сто человек ежегодно, перед началом посевов, бросали жребий и по жребию кому какой участок из ста доставался, тот в этом году и засевал этот участок, так как все участки не могли быть одного достоинства и качества, то на другой год вновь бросали жребий, таким образом участки переходили из рук в руки.

Причем, один и тот же участок мог доставаться и по нескольку раз одному и тому же лицу»[3].

При производстве жеребьевки «все участники приносят какие-нибудь значки одинаковой формы, например, кусочки дерева в величину с бутылочную пробку, обвязанные платками разных цветов, и передают их дехкан-аксакалу; аксакал вынимает один значок за другим и в таком порядке получают участок на вновь устроенном поле»[4].

Последний передел общественных земель, принадлежавших жителям г. Ташкента, был произведен, по данным начальника города, за несколько лет до завоевания Ташкента царизмом, и с тех пор «у каждого на руках остался доставшийся ему участок на правах полной собственности»[5].

Однако и при таком порядке обработки земли не каждому жителю удавалось пользоваться ее плодами,

[1] Кош — пара волов с сохой.
[2] Н. А. Маев, указ. соч., стр. 11; Л. Ф. Костенко, Туркестанский край, т. III, СПб., 1880, стр. 11.
[3] ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 1687, л. 2—3.
[4] Там же, ф. 1, оп. 16, д. 55, л. 97—98.
[5] Там же, ф. 36, д. 1687, л. 3.

ибо не все имели «коши», орудия производства, которыми обрабатывалась земля. Землю можно было получить только при условии поддержания и исправления ирригационных сооружений. Поэтому вполне естественно, что не каждый член общества мог принимать равное участие в переделе земельных участков и обработать необходимое количество земли.

Если учесть, что значительная часть населения Ташкента для получения земли приобретала кош вскладчину, то ясно, что эти общественные земли были на деле собственностью богатых лиц[1]. Концентрации земельной собственности в руках зажиточных семейств города способствовали злоупотребления, нередко допускавшиеся аксакалами во время передела земельных участков.

Следует отметить, что Ташкент не мог обеспечить себя продовольствием за счет собственного земледелия. Хлеб в большом количестве привозили из соседних районов. Известно, например, что вскоре после взятия города царскими войсками, когда прекратился подвоз хлеба из-за Чирчика, Черняев был вынужден послать отряды войск в селения Той-Тюбе, Пскент и Кереучи, занятие которых позволило овладеть всей Зачирчикской долиной, откуда и начался подвоз продовольствия в Ташкент.

УПРАВЛЕНИЕ ГОРОДОМ

В административном отношении Кокандское ханство делилось на вилайеты, управляемые наместниками хана.

Ко времени завоевания русским царизмом Ташкент был центральным городом Ташкентского вилайета (округа), как он значился в грамотах (иноят-нама, или ярлык), выдаваемых ханами при утверждении должностных лиц.

Административная, полицейская и частично судебная власть сосредоточивалась в руках бека или парваначи, назначаемых ханом. Произвол бека не имел пределов. Он ведал всей городской жизнью, начиная от установления суммы разных сборов и кончая вынесением смертных приговоров.

[1] А. К. Гейнс, Управление Ташкентом при Кокандском владычестве..., стр. 442.

Отдельными частями города (Шейхантаурской, Кокчинской, Себзарской и Бешагачской) управляли аксакалы, которые подчинялись непосредственно беку — правителю города. Каждая часть состояла из так называемых махалля, находившихся в ведении туганчей, или юзбаши, которые ежегодно получали от аксакалов подарки, а главное имели право безнаказанно обирать население подчиненных им махалля.

Администрация, ведавшая водным хозяйством города, состояла из четырех главных арык-аксакалов, каждому из которых подчинялась одна четвертая часть города с тремя воротами и четверть городских земель. В распоряжении старшего арык-аксакала были пять младших арык-аксакалов. Старшие арык-аксакалы назначались беком, младшие «выбирались» народом. Старший арык-аксакал делил свой район на шесть участков так, чтобы в него входила часть города и полей. Один из участков находился в непосредственном ведении старшего, а остальные пять — младших арык-аксакалов. В пределах своего участка арык-аксакал был полным хозяином всей системы орошения (ремонт и прокладка арыков, распределение воды)[1]. Все арык-аксакалы освобождались от уплаты хираджа и танапули.

Бек назначал раиса (мухтасиба) города, обязанности которого носили как полицейский, так и религиозный характер. Он должен был следить за воспитанием людей в строгих правилах ислама, за сохранением благочиния и порядка на базарах и т. д. В Ташкенте обычно был один раис, а перед завоеванием города царизмом их стало два. Каждый из них имел в своем распоряжении 6—10 прислужников (гиранда); двое из них назывались хальфа и исполняли обязанности раиса во время его отсутствия. Раисы широко пользовались своими правами. Ни раис, ни его подчиненные жалованья не получали, а собирали с жителей так называемые «добровольные пожертвования». Эти поборы ложились тяжелым бременем на городское население.

Наблюдение за порядком в городе в вечернее и ночное время было возложено на курбаши, в ведении которого находились 400 ночных стражников (миршабов), по 100 человек на каждую часть города[1].

[1] А. К. Гейнс, Управление Ташкентом при Кокандском владычестве..., стр. 446—449.

В Ташкенте существовал только один суд — суд казиев, руководствовавшийся в своей деятельности мусульманским правом — шариатом. Главный судья (кази-калян), назначаемый непосредственно ханом, ведал не только религиозными, но и гражданскими судебными делами.

Казии назначались ханами или беками. Сфера их деятельности была обширна: они разбирали как гражданские дела, так и религиозные и уголовные.

За соблюдением жителями религиозных установлений корана и шариата следил шейхульислам. Кази-аскар, военный судья, разбирал дела сарбазов кокандского гарнизона, стоявшего в Ташкенте, и лиц, служивших при беке. Бек, кроме того, поручал ему иногда разбор жалоб, поступавших от населения.

По имущественным спорам компетенция казия была неограниченной. За преступление казий мог присуждать виновного к телесным наказаниям плетьми, к отсечению рук и ног и даже к смертной казни, но в последнем случае его приговор приводился в исполнение только после утверждения беком[2].

Население могло подавать беку апелляции по поводу судебных определений казиев, но если просителю не удавалось доказать явного злоупотребления казия, его

[1] Н. П. Остроумов, Сарты, Ташкент, 1908, стр. 66.

[2] Отличительной чертой ташкентского быта была строгость наказаний: за пьянство, неприличную брань и прелюбодеяние казнили смертью. Вора водили дважды по базару, нанося ему палочные удары. Если вор был мусафир (не местный житель, но проживавший здесь), то его казнили или, в виде исключения, брали в солдаты. Если вор попадался в третий раз, его казнили. Кроме обычной формы казни (удар топориком по лбу, после чего оглушенному преступнику перерезали горло и подвешивали тело подмышки на виселицу), применялись более мучительные казни: сбрасывание с башни, зарывание в землю и замуровывание в стену заживо. Например, с портала главного входа медресе Кукальдаш (высотой до 20 *м*) на каменный помост сбрасывали зашитых в мешок женщин, обвиненных в неверности своим мужьям. Тут же, на помосте оставались до вечера и трупы обезглавленных. См. Н. Г. Маллицкий, Ташкент (исторический очерк), «Известия Ташкентской городской думы», 1915, № 2, стр. 89; М. Е. Массон, указ. соч., стр. 123.

обвиняли в поношении священного закона и могли приговорить к смертной казни.

Другое судебное лицо — муфтий — также назначался беком. В городе было 15 муфтиев (число их зависело от воли бека). На обязанности муфтиев лежало составление фатв, или ривоятов, т. е. основанных на шариате юридических заключений. Ни один казий не имел права решать дела без печати муфтия на прошении.

Муфтии жалованья не получали, сполна компенсируя это получаемой от просителей платой за услуги. По праздникам беки делали им подарки (сарпаи).

Таким образом, вся административно-управленческая система была устроена так, что должностные лица, непосредственно связанные с населением, нещадно эксплуатировали народ и всей своей деятельностью способствовали выполнению главной функции феодального государства — держать в узде эксплуатируемое большинство населения.

Налоги и повинности

По существовавшим в ханстве законам и обычаям, подати взимались со всего движимого и недвижимого имущества. Основным налогом был хирадж — поземельная подать. Оседлое население вносило в качестве хираджа от 1/5 до 1/2 части урожая[1].

Сбором податей ведал саркор, назначаемый беком. Саркоров было два: один ведал землями по правому берегу р. Чирчик, другой — по левому. Саркор нанимал 24 помощника — мираба. Как откупщик он лично был заинтересован в увеличении сбора податей. Саркор был облечен неограниченной властью, он сгонял народ для чистки арыков, устройства плотин, исправления повреждений, разбирал споры водопользователей. Вместе с тем саркор зависел, кроме бека, от таких влиятельных лиц, как казий, ишан и т. п., поэтому он старался угодить всем, нещадно обирая народ, увеличивая подати за землю, воду и т. п.

Мирабы собирали сведения о числе хозяев на участках и размере посевов. После сбора урожая составлялся хираджный список, утверждаемый беком. До уплаты хираджа никто не имел права убрать хлеб с поля или продать его. Крестьян, своевременно не внесших хирадж, жестоко наказывали. По желанию бека хирадж вносился деньгами, исходя из средней цены на хлеб; для плательщика это было гораздо тяжелее, чем вносить подать зерном.

Ташкентский бек ежегодно собирал не менее 200 тыс. батманов хлеба. Кроме того, значительная часть урожая шла саркору и мирабам.

Другим видом налога была танап-пули — денежная подать с огородов и садов. Размер этой подати зависел от количества танапов[1] земли. С одного танапа виноградника и фруктового сада в год брали 10 танга (приблизительно 2 руб.), с танапа клевера и бахчи — по 5 танга, с танапа хлопкового поля — 7 танга[2]. По другим данным, этот налог был гораздо выше. В Ташкенте при правителе Нармухаммаде за каждый танап, засеянный овощами, взималось в год 11 танга, а с танапа сада — от 11 танга до 3 тилля. Все это составляло ежегодный доход до 7 тыс. тилля[3].

В 40-х годах доход с прилегающих к Ташкенту северных округов исчислялся в 600 тыс. чайраков (один чайрак равен 5 фунтам) разного хлеба, 60 тыс. тилля пошлин и 3 тыс. тилля танап-пули. Доход с Курамы составлял 300 тыс. чайраков риса, 20 тыс. чайраков пшеницы и 1000 тилля танап-пули. Ташкент давал 4646,4 тыс. руб. дохода, а Курама — 3852,8 тыс. руб.[4]

Третьим видом податей был зякат — государственный поимущественный налог. Сбором зяката ведал зякатчи, назначавшийся беком или ханом. Один чиновник по сбору зяката находился в Каплан-беке, другой — на переправе через р. Чирчик, третий — в Чиназе, а двое собирали зякат на бараньем базаре в Ташкенте.

---

[1] А. К. Гейнс, Управление Ташкентом при Кокандском владычестве..., стр. 480.

[1] 1 танап = 0,375 десятины.

[2] А. И. Добросмыслов, указ. соч., стр. 46.

[3] В. В. Вельяминов-Зернов, Сведения о Кокандском ханстве, стр. 119.

[4] Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии, стр. 215; Н. Г. Маллицкий, Несколько страниц из истории Ташкента за последнее столетие, стр. 176—177. В Кокандском ханстве тилля в середине XIX в. стоила около 13 руб. ассигнациями и равнялась 20—21 танга, а танга — 76 пул.

Обложению зякатом подлежали: наличные капиталы, ввозимые товары, продукты ремесла, сельского хозяйства, домашний скот, идущий на продажу, а также скот приписанных к городам кочевников.

С торговых капиталов зякат взимался в размере 2,5% стоимости товара; кроме того, в пользу зякатчи бралось по 20 коп. с каждого верблюда. С товаров, принадлежавших немусульманам, зякат взыскивался вдвое выше обыкновенного. При продаже скота бралась 1/40 доля стоимости каждой головы; с золота и серебра, ввозимых в город или вывозимых из него, взимали по 1 тилля с каждых 40 тилля. Годовой сбор зяката в Ташкенте колебался от 60 до 80 тилля в год[1].

Существовало несколько видов зяката: саваим-зякат — подать за право владения верблюдами; садлук-зякат — подать за право владения баранами; сбор с ремесленных заведений и с «коша»[2].

Зякатчи пользовался широкими полномочиями, он мог запрещать вывоз или ввоз товаров и даже конфисковать их. Все служащие, состоявшие в подчинении зякатчи, находились на его содержании. Он обязан был снаряжать вновь назначаемого бека и его конвой. Все это, несомненно, побуждало зякатчи находить дополнительные средства для покрытия расходов.

Размер зяката всецело зависел от произвола ханских властей. Эта подать тяжелым бременем ложилась на трудовые слои местного населения. Высокие налоги тормозили развитие торговли и ремесленного производства.

За хранение товаров в караван-сарае взималась особая плата — сарайман. Сарайман собирался по мере продажи товара и уплачивался покупателем. Размер этого сбора зависел от рода товаров. Например, с хлопчатобумажных тканей, кожи и т. п. взималось по 20 коп. с 40 тилля, с шелка — по 30 коп. с пуда и т. д.[3]

Существовали и другие сборы: базарный, весовой, соляный, свадебный, саман-пули (сбор с соломы и некоторых зерновых культур), чуб-пули (сбор за рубку деревьев) и т. п., которые представляли собой один из методов ограбления населения. Право базарного сбора принадлежало откупщикам, которые стремились поэтому собрать значительно больше, чем они внесли в казну за право взимания данного сбора.

[1] А. К. Гейнс, О зякате, в кн.: А. К. Гейнс, Собрание литературных трудов, т. II, СПб., 1898, стр. 712.

[2] А. К. Гейнс, Управление Ташкентом при Кокандском владычестве..., стр. 715.

[3] «Туркестанские ведомости», Известия и заметки, 1874, № 42.

Кроме указанных выше налогов и сборов, жители Кокандского ханства время от времени облагались различными ханскими податями. Каждый поход хана и правителей округов, как правило, сопровождался дополнительным обложением населения новыми поборами. Все это еще более ухудшало бедственное положение народных масс.

Размеры этих поборов определялись в зависимости от желания хана или бека. Примером тому могут служить сборы правителя Ташкента Азиза парваначи — мис-пули, улау-пули, ифтар-пули и т. п. Этот произвол вызывал недовольство населения, которое поднимало восстания в Ташкенте и других местах Ташкентского вилайета.

Население грабили также путем передачи чиновникам отдельных кишлаков для сбора с них налогов, что приводило к полному разорению местного населения. Нередко, желая наградить какого-нибудь чиновника, хан давал ему ярлык, по которому правитель области или города выдавал владельцу ярлыка означенную в нем сумму из казны, пополняя ее за счет новых поборов с населения. Чаще всего лица, получившие такие ярлыки, направлялись к правителю Ташкента, чьи обширные средства были известны хану.

Помимо бесчисленного количества «законных» и незаконных поборов, в обязанность жителей вменялось также поддержание в порядке городского вала, улиц, дорог, арыков, водоемов, мечетей и т. п. В зависимости от требования правителя население либо выполняло эту работу в порядке натуральной повинности, либо вносило определенную сумму. При этом денежная раскладка падала на каждую семью. Зачастую жители, по тем или иным причинам не имевшие возможности выполнять натуральную повинность или откупиться деньгами, вынуждены были продавать свой дом и прилегающий к нему земельный участок. От подобных сборов освобождались иностранцы, ходжи, имамы, тарханы и духовенство.

Те жители, которые не могли уплатить подати или погасить свою задолженность баю, ростовщику, как правило, попадали в долговую кабалу.

«При оценке налогового бремени, — указывал К. Маркс, — следует учитывать не столько его номинальную сумму, сколько способ взимания и расходования налогов»[1]. Действительно, что касается расходования собранных налогов, то они не возвращались народу ни в форме общественно полезных сооружений, особенно необходимых в азиатских странах, ни в какой-либо другой форме и непроизводительно тратились по прихоти правящей верхушки.

Таким образом, трудящиеся массы Ташкента были обременены многочисленными налогами, поборами и повинностями. Налоговая система была орудием жестокой феодальной эксплуатации непосредственных производителей. Этот налоговый гнет оказывал крайне отрицательное влияние на экономическое развитие Ташкента и Кокандского ханства в целом.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ В КОКАНДСКОМ ХАНСТВЕ 40—60-х ГОДОВ XIX ВЕКА И ГОРОД ТАШКЕНТ

Во всех среднеазиатских ханствах феодальная раздробленность вплоть до присоединения к России не была преодолена. Лишь временами там достигалась некоторая централизация государственной власти. Кокандский хан обладал фактической властью только на территории столичного округа. Местные правители (беки или хакимы) часто восставали против хана и на короткое время становились фактически независимыми. При этом некоторые из них пытались использовать недовольство народных масс существовавшими порядками. Власть в ханстве часто переходила из одних рук в другие. Перемена власти, как правило, сопровождалась страшными беспорядками, которые приносили огромные бедствия населению ханства.

Усилению междоусобиц и вообще беспорядков способствовало и то обстоятельство, что в борьбе за ханскую власть в Коканде активно участвовали и бухарские эмиры, всячески поддерживавшие сторонников Бухары в Коканде и других городах ханства.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 12, изд. 2, стр. 531.

Между Бухарой и Кокандом шла непрерывная борьба за Ташкент, Ура-Тюбе и др. Ташкентские правители, являвшиеся наместниками кокандского хана, иногда оказывались в подчинении бухарского эмира.

С 1841 г. против кокандского хана Мухаммед-Али (Мадали) образовалась сильная оппозиция. Участвовавшие в ней мингбаши, ташкентский кушбеги Ляшкер, кази-калян, военачальник Иса-ходжа и другие с помощью бухарского эмира Насруллы в 1842 г. свергли и убили Мадали-хана. Город был разграблен бухарскими войсками. Наместником эмира в Коканде был назначен Ибрагим Дадха.

Ибрагим Дадха стал жестоко притеснять народ. Он принуждал население платить все налоги, существовавшие в Бухаре, а кроме того, вносить в казну еще четвертую часть урожая[1]. Летом 1842 г. возмущенное произволом население свергло власть бухарцев в Коканде и провозгласило ханом кипчака Шер-Али.

Узнав о восстании, эмир Насрулла двинулся на Коканд, захватив с собой в качестве заложников 250 кокандских чиновников. Среди них находился бывший юзбаши Мадали-хана кипчак Мусульманкул. Последний обещал эмиру помочь в захвате Коканда, но, попав в город, организовал усиленное сопротивление эмиру. Мусульманкул распустил слух о вторжении в пределы Бухары хивинского хана, после чего бухарцы поспешили оставить Коканд. С их уходом государственные должности были заняты кипчаками; Мусульманкул был объявлен мингбаши Шер-Али-хана.

Однако Ташкент был занят бухарскими войсками и отдан в управление Мат-Шариф Аталыку.

В 1843 г. Шер-Али удалось присоединить Ташкент к ханству. Правителем города он назначил своего старшего сына Сарымсак-бека[2].

[1] В. В. Вельяминов-Зернов, Исторические известия о Коканском ханстве..., стр. 323—337.

[2] В. П. Наливкин, Краткая история Кокандского ханства, стр. 152—153. В извлечениях же В. Бартольда из «Тарихи Шахрохи» Муллы Нияз Мухаммеда бен Ашура Мухаммеда Кокандского имеется указание, что Сарымсак-бек был послан в Ташкент бухарским эмиром. Автор, видимо, имел в виду вторичное возвращение Сарымсак-бека в Ташкент (см. В. В. Бартольд, Извлечение из «Тарихи Шахрохи», ЗВО РГО, т. XI, 1897—1898, стр. 105.

В 1845 г., воспользовавшись отсутствием Мусульманкула, занятого в то время подавлением мятежа заошских киргизов, местная узбекская знать провозгласила ханом Мурада (сына Алим-хана). Мурада поддерживал и бухарский эмир Насрулла. Мусульманкул, подкрепив свои войска кипчаками, двинулся против Мурада, разгромил в Коканде его отряд и, казнив Мурада, объявил ханом 13-летнего Худояра (сына Шер-Али-хана). Вся власть в ханстве фактически оказалась в руках Мусульманкула.

Однако правитель Ташкента Сарымсак-бек не признал ни Мусульманкула, ни Худояр-хана. Потерпев поражение в битве с кипчаками, Сарымсак-бек бежал вскоре в Бухару, и правителем Ташкента был назначен кипчак Мулла-Халибек. Но с помощью бухарского эмира в апреле 1846 г. Сарымсак-беку снова удалось захватить Ташкент. Тогда Мусульманкул и Худояр выступили против Ташкента. Эмир, узнав об этом, послал на помощь Сарымсак-беку около 2000 воинов под командованием Раджаб-бек инака кушбеги. После 40-дневной осады города Мусульманкул и Худояр были вынуждены возвратиться в Коканд.

Однако Мусульманкул не отказался от захвата Ташкента. Пригласив Сарымсак-бека в Коканд якобы для подписания соглашения о мире, Мусульманкул организовал его убийство. Правителем Ташкента был вторично назначен Мулла-Халибек[1], которого через три месяца сменил Азиз парваначи. В дальнейшем среди самих кипчаков начались разногласия. Этим обстоятельством воспользовалась местная узбекская знать, начавшая борьбу с ненавистными кипчаками.

От этих междоусобиц страдали прежде всего трудящиеся массы города. Произвол, злоупотребления и на-

[1] См. Мухаммад Салих, указ. соч., стр. 159—160; В. П. Наливкин, Краткая история Кокандского ханства, стр. 165; А. И. Добросмыслов, указ. соч., стр. 41. По данным автора «Тарихи Шахрохи», это произошло в 1263 г. (1847). Автор этого произведения ничего не говорит о вторичном назначении Мулла-Халибека правителем Ташкента. Он указывает, что после убийства Сарымсака хакимом (правителем) Ташкента был назначен Азиз-Бача Чусти, а в Кереучи — кипчак Нармухаммед. (В. В. Бартольд, Извлечение из «Тарихи Шахрохи», стр. 105).

силия были обычными явлениями в ханстве. К тому же, как сообщает Мухаммад Салих, в июле-августе 1847 г. в городе возникла эпидемия чумы, унесшая массу человеческих жизней. В Ташкенте и его окрестностях росли цены на продукты. Это вызывало недовольство среди населения[1].

Малоземелье оседлой части населения, нехватка пастбищ у кочевников, усиление феодальной эксплуатации и произвола углубляли и усиливали классовые противоречия в ханстве. Об этом свидетельствуют неоднократные народные восстания, наиболее крупное из которых было в Ташкенте в 1850 г. К этому времени хан вместо Мусульманкула назначил на пост мингбаши Мулла-Халибека. Правитель Ташкента Азиз парваначи — приверженец Мусульманкула, — узнав об этом, начал открыто готовиться к отделению от Коканда.

Судя по некоторым работам по истории Кокандского ханства[2], Азиз парваначи еще ранее враждовал с Мулла-Халибеком; назначение последнего на должность мингбаши обострило взаимоотношения Ташкента с Кокандом.

Худояр-хан, узнав о намерениях Азиза парваначи, выступил против него. После неудачного боя под Ташкентом на состоявшемся совете было решено, что причиной поражения было отсутствие во главе войск Мусульманкула; в связи с этим Мулла-Халибек был смещен, а Мусульманкул вновь занял пост регента.

Все эти войны опустошили казну, и правитель Ташкента установил несколько новых произвольных налогов (тилля-пули, мис-пули, улау-пули и т. д.), которыми облагались золотые и медные монеты, вьючные и упряжные животные и т. д. Как пишет В. П. Наливкин, сбор этих налогов сопровождался повальными обысками. Реакцией на действия Азиза парваначи было вооружен-

[1] Мухаммад Салих Караходжа Огли Тошканди, Тарихи джадида-и Тошканд, Рукописный фонд Института востоковедения АН УзССР, инв. № 5732, стр. 282—309.

[2] В. П. Наливкин, Краткая история Кокандского ханства; Мухаммад Салих, Тарихи джадида-и Тошканд.

ное восстание под руководством Ма-Юсуп-бая — владельца большой мастерской шелковых изделий[1].

В июне 1850 г., как рассказывает Мухаммад Салих, между жителями города и Азизом парваначи произошло столкновение. Поводом к восстанию послужило введение нового налога «ифтар-пули» — в размере 4000 тилля (тилля як мискола-и шар'и — 4 тыс. золотых монет весом по 1 золотнику).

В рамазане 1266 г. х. (июнь 1850 г.) на берегу арыка Джангах произошла крупная стычка между жителями и войсками Азиза, вооруженными артиллерией. В результате ожесточенной схватки восставший народ нанес серьезный удар войскам правителя. Во второй половине дня состоялось перемирие между сторонами. Но вскоре восстание возобновилось. Азиз парваначи вынужден был искать спасения в арке (цитадели), откуда отстреливался из орудий. Восставшие окружили цитадель и приступили к ее осаде.

Этими событиями воспользовались противники Мусульманкула. Некоторые из них —Мулла-Каримкул дастарханчи, Мухаммад-Назар Кур-Оглу, его сын Халмухамед дадха и Хатимкул рисолачи — уговорили кереучинского хакима Нармухаммада подняться против Мусульманкула и овладеть Ташкентом. Нармухаммад, выступив якобы в помощь восставшим, при содействии ташкентского пансадбаши (начальника войск) Шадман-Ходжа сардара вошел в город и захватил власть в свои руки. Азиз парваначи в течение 12 дней выдерживал осаду в арке, затем между восставшими и Азизом было заключено перемирие и он возвратился в Коканд. Правителем города стал Нармухаммад[2].

Тем временем среди самих кипчаков также стали

[1] В. П. Наливкин, Краткая история Кокандского ханства, стр. 167—168. По указанию проф. М. Е. Массона, это восстание относится к 1847 г. (М. Е. Массон, указ. соч., стр. 115).

[2] См. Мухаммад Салих, указ. соч., стр. 165—166; В. П. Наливкин, указ. соч., стр. 167—168; А. И. Добросмыслов, указ. соч., стр. 41; В. В. Бартольд, Извлечение из «Тарихи Шахрохи», стр. 105—106; Я. Г. Гулямов, Новый источник по истории завоевания Туркестана русским царизмом, «Известия УзФАН», 1941, № 4, стр. 81.

возникать заговоры против Мусульманкула, казнившего некоторых кипчакских вельмож.

Правитель Маргелана Утенбай кушбеги, правитель Ура-Тюбе и Ходжента Минбай предложили правителю Ташкента кипчаку Нармухаммаду выступить совместно против Мусульманкула. Однако в связи с изменой Утенбая их выступление не увенчалось успехом.

В 1852 г. в Ташкенте находился ростовский купец С. Я. Ключарев, который оказался свидетелем борьбы между правителем Ташкента Нармухаммадом и регентом Мусульманкулом.

С. Я. Ключарев писал в своем дневнике, что 8 февраля 1852 г. из Коканда прибыли рисалачи, дастарханчи, сын Нармухаммада, а также ходжентский кушбеги. Они рассказали, что Мусульманкул хотел их убить и что он собирается выступить против Ташкента. Тогда Нармухаммад приказал не отправлять в Коканд собранные в виде податей 12 тыс. червонцев и стал готовиться к защите. Тем временем в город прибыли и другие кипчаки из Коканда. Положение в Ташкенте становилось все более тревожным. Уже 10 февраля рыночные цены на продукты поднялись на 20%. Народ был недоволен предстоявшей войной и громко роптал. Всеобщее недовольство усугублялось тем, что приближалась пора весенних полевых работ. Осадное положение и военные действия могли лишить население средств к пропитанию на целый год.

«Положение народа было критическое. Мингбаши не сегодня-завтра должен был явиться. Сопротивляться ему было опасно, подчиняться же ему добровольно значило взбунтоваться против кушбеги, который имел при себе преданных кипчаков и мог с их помощью заставить поплатиться за измену»[1].

Недовольство жителей города все более возрастало. Тогда кушбеги принял решительные меры. Когда кокандцы переправились через р. Чирчик и расположились вблизи города, кушбеги собрал 200 влиятельных жителей города и заставил их поклясться на коране, что они будут защищать город до последней капли крови. Через

[1] См. дневник С. Я. Ключарева в приложениях к работе: В. В. Вельяминов-Зернов, Исторические известия о Коканском ханстве..., стр. 353—355.

5 дней кушбеги, собрав 250 самых богатых жителей, велел им жить в шатрах рядом с ним около городского вала. Он знал, что народ недоволен и, опасаясь измены, хотел, чтобы все влиятельные лица были у него постоянно перед глазами вроде аманатов (заложников)[1].

7 марта 1852 г. кокандские войска под начальством Мусульманкула и Худояр-хана начали осаду Ташкента. 15 марта на сторону осажденных перешел маргеланский кушбеги с отрядом в 600 человек. Это решило исход дела. 23 марта Мусульманкул вынужден был отступить. После этого враждебная Мусульманкулу группа еще более усилилась. К ней присоединились почти все недовольные кипчаки, которые раньше не смели явно примкнуть к оппозиции.

16 июня 1852 г. Мусульманкул вновь осадил Ташкент. Однако перед атакой Худояр-хан с многочисленным отрядом перешел на сторону осажденных. Мусульманкул едва спасся, скрывшись в кочевьях казахов[2], из рода которых происходила его мать.

Выступление Худояр-хана против Мусульманкула, очевидно, было вызвано, во-первых, желанием хана освободиться от опеки регента, а во-вторых, Худояр-хан опасался, что противники Мусульманкула выступят против самого хана и лишат его престола.

В сентябре 1852 г. оппозиционная группа стала господствующей в ханстве. Правитель Маргелана Утенбай кушбеги получил должность мингбаши. Сторонники Мусульманкула были преданы казни.

Вернувшись из Ташкента в Коканд, Худояр-хан фактически вступил в управление делами ханства и решил покончить с кипчаками. Действуя крайне осторожно, он вызвал из Ташкента Нармухаммада и его помощника Касыма с отрядом. В день мусульманского праздника курбан-байрам, когда Худояр-хан принимал обычный салям (поздравления), началось повсеместное истребление кипчаков[3]. На должность мингбаши вместо кипчака Утенбая хан назначил Касыма.

---

[1] См. В. В. Вельяминов-Зернов, Исторические известия о Коканском ханстве..., стр. 357—358.

[2] В дореволюционной русской литературе казахи именовались киргизами, киргизы — «дикокаменными», кара-киргизами.

[3] В. П. Наливкин, указ. соч., стр. 174.

В октябре 1852 г. в местности Билкиллама между ханскими войсками и Мусульманкулом произошло сражение, в котором последний был разбит и взят в плен, а через несколько дней повешен в Коканде.

Правителем Ташкента был назначен брат Худояра Малля; все должности в ханстве были распределены исключительно между представителями узбекской знати.

В конце весны 1853 г., заподозрив Малля-бека в измене, Худояр с мингбаши Касымом выступил с войском против Ташкента. Малля-бек бежал в Бухару. Правителем Ташкента был назначен Шадман-Ходжа.

В этот период царизм приступил к захвату территории среднеазиатских ханств. В 1853 г. генерал Перовский захватил крепость Ак-Мечеть.

Так как Шадман-Ходжа не сумел отстоять Ак-Мечеть от вторжения царских войск, на его место был назначен Суфи-бек. В декабре 1853 г. Худояр-хан снова собрал войска и направил их под командованием Суфи-бека против царских войск. Суфи-бек также потерпел поражение, и правителем Ташкента был назначен Мирза-Ахмед.

Мирза-Ахмед жестоко притеснял народ, особенно казахов. У недоимщиков он отбирал детей и продавал их в рабство. В ответ на это в 1858 г. казахи подняли восстание[1]. Несколько десятков тысяч вооруженных казахов осадили Туркестан, Чимкент, Аулие-Ата и другие кокандские укрепления. Однако с помощью своего брата Малля-бека[2] Худояру удалось усмирить восставших, предварительно обещав простить их, выдать Мирза-Ахмеда и впредь быть справедливым. Правителем Ташкента стал брат Худояр-хана Султан Мурад.

Известный русский ученый Н. А. Северцов, находившийся в апреле-мае 1858 г. в плену у кокандцев, писал: «Причиной возмущения кокандских киргизов... были по-

---

[1] См. В. В. Григорьев, Еще о кокандских монетах и событиях, стр. 66—67; В. П. Наливкин, указ. соч., стр. 187; Н. Павлов, История Туркестана, стр. 95; Л. Соболев, Среднеазиатская политика России, VII, «Голос», 1875, № 243.

[2] Малля-бек, как указывалось выше, бежал в 1853 г. в Бухару. Но затем, обиженный эмиром, он возвратился в Коканд и был назначен правителем Андижана.

боры ташкентского бека; возмутились сперва горцы, кочующие в хребтах между Ташкентом и р. Чу. Кокандские отряды, высланные из Ташкента, были слишком слабы, чтобы осилить восстание, а между тем боялись и оставить города беззащитными и потому после первых неудач кокандцы уже не выходили в поле; а между тем восстание распространялось, все кокандские укрепления между хребтом Каратау и р. Чу были отброшены киргизами, которых вооруженные толпы занимали хребет, прекращали сообщения между всеми городами на севере от Сыр-Дарьи и прикрывали перекочевку в русские владения своих безоружных земляков. Так было в апреле в Ташкентской области, или северо-восточной части ханства. Туркестанская, или северо-западная, где поборы были умеренные..., еще оставалась покойной..., но это был обманчивый вид. Успехи возмущения и мирным киргизам подавали уже надежду и на независимость, которая лучше самого справедливого кокандского правителя, и на полное отсутствие податей, что, конечно, предпочтительно даже умеренным кокандским поборам; и в начале мая восстала и Туркестанская область, вся; Туркестан... был обложен, Янги-Курган тоже. Но киргизы... ограничились обложением, порядка у осаждающих не было; это была нестройная толпа, расставившая свои кибитки кругом города..., киргизы хотели голодом принудить город к сдаче..., осаждающих было, по слухам, вероятно, преувеличенным, 20 000, гарнизона 600 чел.»[1].

Бухарский эмир Насрулла решил воспользоваться волнениями в Кокандском ханстве и двинулся к Ходженту, но вскоре возвратился в Бухару. Хан Худояр, не желая распустить войско, пытался установить для его содержания новую подать, что восстановило против хана все население. Этим воспользовался его брат Малля-бек. Собрав своих приверженцев, он оставил Ходжент и направился в юго-восточные районы ханства, где и провозгласил себя (в конце 1858 г.) ханом. Худояр был вынужден бежать к киргизам.

Правителем Ташкента хан назначил Утенбая, а затем Рустам-бека. Когда же Рустам-бек был разбит под Кастеком, Ташкент был отдан в правление Канаат-Шо.

[1] Н. А. Северцов, Месяц плена у коканцев, СПб., 1858, стр. 290 — 292.

В 1859 г. население Ташкента вновь выступило против кокандского наместника, которым тогда был Дуст Мухаммад бахадурбаши. Особенно сильным было восстание в Бешагачской части города. Во главе восставших стоял Рустамбек Казакбаев. Повстанцы укрепились в медресе Кукальдаш, на крыше которого были установлены пушки. Дуст Мухаммаду с большим трудом удалось с помощью артиллерии подавить восстание. Главные организаторы восстания бежали в Бухару[1].

Выступление жителей Ташкента против насилия правителей произошло и в конце 1864 г., когда перед походом кокандских войск на Туркестан (т. е. перед сражением при Икане) население города было обложено тяжелой податью. Волнение было жестоко подавлено регентом Алимкулом[2].

В этой борьбе между Ташкентом и Кокандом активно участвовал бухарский эмир. По свидетельству купца С. Ключарева, бухарский эмир всячески старался ухудшить отношения между Ташкентом и Кокандом.

Выступления против кокандских властей происходили и в других районах Ташкентского вилайета. По имеющимся данным, вся северная часть Кокандского ханства до Ак-Мечети и Пишпека подчинялась ташкентскому беклярбеги. Владетели приграничных городов и крепостей всячески притесняли соседних казахов, вызывая их возмущение. Так, правитель Ак-Мечети Якуб-бек по своему усмотрению собирал налоги и грабил население.

Вот что писал по этому поводу правитель восточной части Казахской орды Ахмеджан Тюрин русскому начальству: «Он (т. е. Якуб-бек. — *Ф. А.*) не знает сегодня, будет ли грабить своих соседей завтра. Все это случится по внезапным приказаниям ташкентского кушбеги, от которого он зависит, или от собственной нужды

[1] См. Мухаммад Салих, указ. соч., стр. 237 — 242; Н. П. Остроумов, Последние по времени Шейхульислам и Казы-калян города Ташкента, Протоколы заседаний и сообщения членов ТКЛА, год 20-й, 1915, стр. 12—13; Я. Г. Гулямов, указ. соч., стр. 81.

[2] См. Н. Г. Малицкий, Ташкент (исторический очерк), «Известия Ташкентской городской думы», Ташкент, 1915, № 2, стр. 88—89; М. Е. Массон, указ. соч., стр. 115, (В данной работе восстание датируется 1863 г.).

в деньгах. И в том, и в другом случае ак-мечетский бек тотчас же посылает всегда готовую шайку на грабеж киргиз, обирает их до последней крайности и только те ордынцы, которые беспрекословно исполняют при этом все тяжкие требования хищников, не подвергаются насилию»[1].

Эта характеристика полностью относится ко всем кокандским правителям, столь часто менявшимся в рассматриваемый период.

Следует подчеркнуть, что происходившие в ханстве смуты, нисколько не меняя социальной структуры страны, пагубно сказывались на ее экономике и еще больше ухудшали и без того тяжелое положение непосредственных производителей. Все это способствовало закреплению и углублению экономической, военной и политической отсталости страны.

[1] Рассказы Мирза-Ахмеда о себе самом и о кокандских событиях, ЗВО РАО, ч. XI, 1897 — 1898, стр. 96.

Глава вторая

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ТАШКЕНТА К РОССИИ И ОРГАНИЗАЦИЯ ЕГО УПРАВЛЕНИЯ

ЗАВОЕВАНИЕ ТАШКЕНТА ЦАРИЗМОМ

В середине XIX в. в России усилился процесс капиталистического развития. В деревне, с одной стороны, росла сельская буржуазия, с другой — формировались кадры «наемных рабочих с наделом». После 1861 г. помещики постепенно переходят от отработочной системы к капиталистическим формам ведения хозяйства.

Развивалось машинное производство. К середине XIX в. наемные рабочие составляли уже 60% всех рабочих России. За 1843—1854 гг. количество бумагопрядильных веретен увеличилось с 350 тыс. до 1 млн., росла потребность в рынке сбыта готовой продукции. После реформы 1861 г. в России быстрыми темпами стал развиваться капитализм. «Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка»[1]. Наряду с ростом капиталистического земледелия и промышленности внутри самой страны (развитие капитализма вглубь), усиливалась необходимость распространения сферы господства капитализма на новые территории (развитие капитализма вширь).

Емкость внутреннего рынка, несмотря на ее относительный рост, была недостаточной, развивающаяся промышленность испытывала острую нужду в сырье. Сокращался вывоз русских товаров, в первую очередь текстильных изделий. Только за 2 года (1862—1863) их экспорт уменьшился на 25%. Русские фабриканты вынуждены были принять срочные меры к расширению внешнего рынка.

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 524.

С начала 60-х годов Средняя Азия стала важнейшим источником сырья для русской хлопчатобумажной промышленности. Хлопковый кризис на мировом рынке, возникший в связи с гражданской войной в США в 1861—1865 гг., тяжело отразился на русской хлопчатобумажной промышленности. Ввоз хлопка в Россию через европейскую границу сократился с 2491 тыс. пудов в 1861 г. до 587 тыс. пудов в 1863 г. Это в какой-то степени компенсировалось ростом ввоза из восточных стран — со 152 тыс. пудов в 1861 г. до 704 тыс. пудов в 1864 г.[1] Цены на среднеазиатский хлопок непрерывно росли. Стоимость одного пуда хлопка на Нижегородской ярмарке и Московских рынках с 4 — 5 руб. в 1861 г. повысилась до 22—23 руб. в 1862 г. В результате произошло резкое сокращение хлопчатобумажного производства. В связи с этим усиливалось стремление дворянства и буржуазии России к захвату Средней Азии.

Присоединение среднеазиатских ханств к России произошло не сразу. Вначале был осуществлен ряд мероприятий по расширению издавна существовавших экономических и торговых связей со среднеазиатскими ханствами.

Развитию торговых и дипломатических сношений России со среднеазиатскими ханствами всячески препятствовала английская буржуазия. Она сама стремилась проникнуть в среднеазиатские ханства и засылала туда свою агентуру, подстрекавшую правителей Хивы и Бухары к враждебным действиям против России[2].

Английские агенты занимались сбором сведений о среднеазиатской торговле и ее центрах, предметах ввоза и вывоза, составляли подробные списки русских товаров, проникающих в Бухару, Афганистан и Индию, изучали возможные пути проникновения в Среднюю Азию.

Вторжение 22-тысячной англо-индийской армии в Афганистан в 1839 г. означало по существу укрепление позиций Англии для наступления на Среднюю Азию. В те же годы были организованы миссии английских агентов Аббота, Шекспира и Конолли в Хиву, Коканд и

[1] В. Юферев, Хлопководство в Туркестане, Л., 1925, стр. 41.
[2] М. А. Терентьев, История завоевания Средней Азии, т. I, стр. 174.

Бухару. В начале 40-х годов предпринял поездку из Астрабада в Туркмению барон Бодэ, давший обстоятельные сведения о посещенной им стране.

Усиление происков Англии в среднеазиатских ханствах, необходимость обеспечения развивающейся промышленности России новыми источниками сырья и рынками сбыта, настойчивые требования российских торговых и промышленных кругов о проведении более решительной политики в Средней Азии побуждали царское правительство к быстрейшему подчинению среднеазиатских ханств. Было решено организовать военную экспедицию в Хиву.

Этот поход имел целью «...восстановить и утвердить влияние России в Средней Азии, ослабленное... в особенности тем постоянством, с которым английское правительство стремится к распространению своего господства в тех краях»[1].

Однако экспедиционный отряд Перовского (5 тыс. человек пехоты с двумя орудиями и обозом в 10 тыс. верблюдов), выступивший в конце ноября 1839 г., потерпел, как известно, неудачу и, потеряв почти пятую часть своего людского состава, был вынужден вернуться. Однако Николай I потребовал «безотлагательно принять меры... для возобновления экспедиции при первой возможности»[2].

К началу 40-х годов XIX в. международная обстановка несколько изменилась не в пользу России. Подписание в июле 1840 г. соглашения между Англией, Австрией, Россией и Пруссией, с одной стороны, и Турцией — с другой — делало невозможным второй хивинский поход.

Теперь царскому правительству приходилось соблюдать особую осторожность в среднеазиатских делах и оно сочло целесообразным ограничиться посылкой в Бухару и Хиву дипломатических миссий с целью всестороннего изучения этих стран[3].

[1] Е. Н. Кушева, Среднеазиатский вопрос и русская буржуазия в 40-е годы XIX века, «Исторический сборник», 1934, № 3, Л., стр. 138.
[2] А. А. Попов, Борьба за среднеазиатский плацдарм, «Исторические записки», 1940, № 7, стр. 232.
[3] Миссии инженера Бутенева, Богословского, ориенталиста Ханыкова и натуралиста Лемана в Бухару в 1841 г.; дипломатические миссии капитана генерального штаба Никифорова и полковника Данилевского в Хиву.

Вместе с тем торговые и промышленные круги усиленно требовали «побеспокоиться» о среднеазиатском рынке. Ростовский купец Ф. Р. Пичугин в 40-х годах опубликовал ряд статей «О торговле со Средней Азией и ее выгодах», призывая проявить в этом деле «решительность и компанейский дух».

В 1844 г. купцы Пичугин, Зубов и Баранов организовали в Москве товарищество «для сбыта российских изделий внутрь Азии». Это товарищество открыло свои конторы в Бухарском и Хивинском ханствах, в Коканде и Ташкенте.

На ряде фабрик было организовано производство ситцев во вкусе «азиатцев». Компания увеличила вывоз хлопка и красильных веществ из Средней Азии. Для улучшения сортов марены и обработки хлопчатника в Хиве были арендованы значительные участки земли; у ташкентского правителя было получено разрешение на аренду земли близ Ташкента для обработки хлопка и учреждения склада русских мануфактурных изделий[1]. Один из ярых сторонников скорейшего присоединения Средней Азии П. В. Голубков в 1848 г. подал Николаю I прошение об учреждении русско-азиатской компании.

Наряду с отправлением посольств и дипломатических миссий в среднеазиатские ханства царское правительство вело подготовку к военному вторжению в Среднюю Азию. Было «освоено» побережье Ново-Мангишлакского залива (1844), созданы: Оренбургское укрепление на Тургае (1845), Уральское — на Иргизе (1845), крепость Копал (1847), Раимское укрепление в устье Сыр-Дарьи (1847), форты Кара-Бутакский и Кос-Аральский (1848), казачьи поселения и т. д. Казахи и киргизы, кочевавшие у кокандских границ, стали объектом «защиты» царского правительства от Коканда.

В июле 1853 г. отряды генерала Перовского захватили кокандскую крепость Ак-Мечеть и крепость Кумуш-Курган на правом берегу Куван-Дарьи, названную фортом № 3.

В этом же году западносибирский генерал-губернатор Г. Х. Гасфорд поставил перед правительством вопрос о соединении Сыр-Дарьинской и Сибирской пограничных линий. При этом кокандские укрепления Токмак, Пишпек, Аулие-Ата, Чимкент, Туркестан и Джулек должны были быть заняты русскими войсками.

[1] Е. Н. Кушева, указ. соч., стр. 158—159.

В 1854 г. на Сыр-Дарье было уже пять укреплений (Аральское, форт № 1, форт № 2, форт Перовского и форт № 3), которые и составили Сыр-Дарьинскую пограничную линию. Со стороны Сибири протянулась Сибирская оборонительная линия.

К этому времени стало известно, что против России готовится коалиция всех среднеазиатских ханств. Кокандский хан обратился за помощью к турецкому султану, который в ответном письме сообщал о посылке многочисленного войска для войны с русскими и предлагал всем ханам действовать сообща.

Во второй половине 1856 г. стало известно о появлении английских агентов в Коканде, Хиве и Туркменских степях. Англичане предложили бухарскому эмиру заключить союз против России и пропустить в случае необходимости английские войска через владения Бухары.

Бухарский эмир казнил английского посланника. Тогда англичане склонили кабульского эмира продолжить начатую еще его покойным братом войну с Бухарой и снабдили афганцев оружием и деньгами. Афганские войска заняли Балх.

Англичане предложили и кокандскому хану заключить союз против России. Хан согласился начать военные действия против русских, но только после прихода английских войск, которым обещал свободный пропуск[1]. Реальная угроза английского вторжения в Среднюю Азию заставила царское правительство поспешить с завоеванием среднеазиатских ханств.

В целях противодействия английским происках, а также укрепления и расширения влияния России в Средней Азии было решено послать официальных агентов: Ханыкова — в Афганистан, Игнатьева — в Хиву и Бухару (это решение было принято особым комитетом 4 января 1858 г.).

В это время в Министерство иностранных дел России поступили сведения о новом обострении борьбы между отдельными ханствами. Сообщалось, например, об осаде Ташкента «кара-киргизами» и «кипчаками», о занятии войсками бухарского эмира Ходжента и его

[1] М. А. Терентьев, указ. соч., т. I, стр. 233.

походе на Ташкент, об усилении кокандско-бухарской борьбы[1].

Создавшаяся обстановка облегчала царскому правительству завоевание части территории Средней Азии. Царизм старался убедить европейские государства в том, что Россия занята не завоеванием новых земель, а наводит «порядки», защищая свои границы от нападений «хищников» и т. д.

Осенью 1862 г. русские войска захватили Токмак, Пишпек, Яны-Курган.

К этому времени в Кокандском ханстве разгорелась борьба за власть. После убийства Малля-хана 24 шабана 1278 г. х. (24 февраля 1862 г.) ханом был провозглашен Шах-Мурад, сын Сарымсак-хана. В ответ на это ташкентские феодалы во главе с правителем Канаат-Шо провозгласили ханом Худояра. Тогда Шах-Мурад осадил Ташкент, однако эмир Музаффар, пришедший на помощь Худояру, заставил Шах-Мурада отступить. Воспользовавшись смятением, Худояр захватил власть в Коканде. Шах-Мурад и его сторонник Алимкул бежали. В марте 1863 г. в Коканд вступил эмир Музаффар с войском в 12 тыс. человек; все ведущие должности в ханстве были заняты его людьми[2].

Однако борьба продолжалась. Кипчаки, соединившись с казахами, вскоре осадили Аулие-Ата и Чимкент и почти совершенно прервали сообщение между Кокандом и другими частями ханства, а затем подступили к самому Коканду. В это время эмир, получив известие о волнениях в Шахрисябзе, возвратился в Бухару. Худояр вынужден был отступить. Ханом стал сын Малля-хана — Султан-Сеид, а вся власть оказалась в руках Алимкула.

Воспользовавшись этими событиями, русские войска продвинулись еще глубже в Среднюю Азию. В соответствии с решением Особого комитета от 9 марта 1862 г. о необходимости произвести рекогносцировку в целях соединения пограничных линий отряд полковника Черняева 30 мая 1863 г. захватил Сузак, а 8 июня — Чулак-Курган, которые были (вместе с окружающими селе-

[1] А. Л. Попов, Из истории завоевания Средней Азии, «Исторические записки», 1940, т. 9, стр. 198.
[2] В. П. Наливкин, указ. соч., стр. 193—196.

ниями) объявлены находящимися под покровительством России.

К этому времени крестьянская реформа в России была проведена, революционная ситуация в стране не переросла в революцию. Крестьянское движение 1861—1863 гг. было подавлено, как и восстания 1863 г. в Польше, Литве, Белоруссии и на правобережной Украине. Закончилось покорение Кавказа. В 1863 г. царское правительство вышло из состояния внешнеполитической изоляции, в которой оно находилось после окончания Крымской войны, и сблизилось с Пруссией. Укрепление внутреннего и международного положения России позволило непосредственно перейти к военному захвату Средней Азии.

20 декабря 1863 г. царское правительство приняло решение приступить с 1864 г. к соединению Оренбургской и Сибирской линий. В этих целях было сформировано два отряда: один (под начальством полковника Веревкина) должен был действовать со стороны Оренбурга, другой (под начальством полковника Черняева) — из Верного.

После занятия Черняевым г. Аулие-Ата (4 мая 1864 г.), а Веревкиным — г. Туркестана (12 июня 1864 г.) 18 июля 1864 г. было дано предписание об образовании из вновь занятых территорий новой передовой линии — Кокандской — под начальством Черняева, ставшего к тому времени генерал-майором. Недостаток средств для содержания войск побудил Черняева выступить против Чимкента.

Еще 7 июля 1864 г. Черняев предпринял попытку занять г. Чимкент. Однако, несмотря на большие потери кокандских войск (по одним сведениям до 2 тыс., а по другим — до 3 тыс. человек)[1], из-за недостатка боеприпасов город не был взят. Черняев вернулся в Аулие-Ата.

В период осады города обнаружился «явный раздор между группой кипчаков и сартовской», которая выступала за мир с русскими. Кокандский регент Алимкул казнил главарей заговора, в том числе влиятельного бия, правителя многочисленного казахского рода чимиров, 80-летнего Байзаха. В ответ на это казахи стали

[1] А. Г. Серебренников, Туркестанский край, Сборник материалов для истории его завоевания, 1865, ч. II, Ташкент, 1914, стр. 26.

перебегать к Черняеву. Сын Байзаха Ак-Мулла явился с братьями к Черняеву с предложением склонить на сторону русских 10 тыс. человек и предоставить в его распоряжение все перевозочные средства для овладения Чимкентом[1].

В конце августа 1864 г., узнав, что главные силы кокандцев отошли от Чимкента, Черняев выступил с отрядом, состоящим из 10,5 роты пехоты, 18 орудий, 2,5 сотни казаков и 1000 казахов. 22 сентября русские войска штурмом овладели Чимкентом. Хотя Черняев не имел формального разрешения на овладение Чимкентом, он был награжден за эту операцию Георгиевским крестом.

В одобренном Александром II докладе вице-канцлера А. М. Горчакова и военного министра Д. А. Милютина, представленном после соединения Сыр-Дарьинской и Сибирской линий (21 ноября 1864 г.), отмечалось, что рано или поздно придется занять и все Кокандское ханство[2].

Вступление правителя Ташкента в связь с бухарским эмиром послужило предлогом для начала военных действий против города; 27 сентября 1864 г. Черняев двинулся на Ташкент. Но первая попытка взять город штурмом не увенчалась успехом. Потеряв убитыми и ранеными 78 человек, в том числе 4 офицеров, и не рискнув «поставить на карту самую безопасность Ново-Кокандской линии», Черняев 4 октября отвел войска обратно в Чимкент[3].

В ответ на запрос Черняева военный министр Милютин в телеграмме от 2 февраля 1865 г. предписывал до получения «достаточных подкреплений ничего не предпринимать, но поддерживать сношения с жителями Ташкента и не лишать их надежды на помощь в свое время»[4].

В письме вице-канцлера оренбургскому генерал-губернатору Крыжановскому от 23 февраля 1865 г. сообщались одобренные императором соображения (но не предписания), которые могли бы послужить для Черняева (ставшего военным губернатором вновь образованной Туркестанской области) руководством по захвату Ташкента и Коканда. В письме указывалось на необходимость избегать пока всякого вмешательства во внутренние дела ханства. Сообщалось также о решении «не включать этого города (Ташкента. — *Ф. А.*) в пределы империи». Однако предлагалось установить тайные связи с влиятельными ташкентцами и, в случае восстания против Коканда, оказать помощь восставшим. Затем русский отряд «должен был возвратиться на линию, не вдаваясь в дальнейшее участие в этой междоусобной борьбе и не занимая Ташкента...», ибо дальнейшее вмешательство русских войск могло бы «привести к самым затруднительным последствиям»[1].

В инструкции же оренбургского генерал-губернатора Крыжановского, исходившей из упомянутого указания правительства, относительно Ташкента предписывалось «зорко и неотступно наблюдать за всем, что в сем городе происходить будет, содействовать морально партии, желающей отделения от ...Коканда и действия... направлять на образование в Ташкенте владения, независимого от Коканда и Бухары, но вассального России»[2].

* *
*

В рассматриваемое время в Ташкенте существовали группы различных ориентаций — бухарской, русской, кокандской.

Бухарской ориентации придерживалась, как это видно из сведений, приводимых автором «Киргизского рассказа о русских завоеваниях в Туркестанском крае», большая группа жителей города[3]. Во время осады города Черняевым они потребовали от виднейших лиц города (казы-каляна и др.) обратиться за помощью к бухарскому эмиру и просить его принять город в свое подданство. Сторонники бухарской ориентации считали Бухарское ханство самым сильным ханством в Средней

---

1 А. Г. Серебренников, указ. соч., 1864, ч. II, стр. 76, 112, 114 — 115; М. А. Терентьев, указ. соч., стр. 285.
2 Белявский, указ. соч., стр. 8.
3 А. Г. Серебренников, указ. соч., 1861, ч. II, стр. 133, 134 — 135.
4 А. Г. Серебренников, указ. соч., 1865, ч. I, стр. 49—50.

1 А. Г. Серебренников, указ. соч., 1865, ч. I, стр. 82, 83.
2 Там же, стр. 86 — 88.
3 Н. И. Веселовский, Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае, текст, перевод и приложения, СПб., 1894, стр. 54 и след.

Азии, а его эмира — духовным главой среднеазиатских мусульман, «защитником» шариата.

Группа русской ориентации возникла в результате установления тесных торговых связей города с Россией. Конечно, не все лица из этой группы одинаково смотрели на дальнейшую судьбу города. Однако они понимали, что дальнейшее нахождение Ташкента в составе Кокандского ханства, как и возможное подчинение его Бухаре, не принесет им ничего хорошего, что их жизненные интересы требуют покровительства более централизованного, сильного и развитого государства. Эта группа усилилась после взятия Черняевым Чимкента[1] и особенно с момента второго его похода на Ташкент.

По данным самого Черняева, сторонниками русской ориентации были прежде всего купцы. Так как ташкентское купечество вело значительную торговлю с Россией, а для беспрепятственной торговли необходим был длительный мир, оно готово было принять покровительство сильной России. Купцы, приезжавшие в русские города, убеждались, что в России имеется гораздо больше возможностей для развертывания торговой деятельности, чем в Кокандском ханстве. Они видели, что купцы-мусульмане не подвергаются никаким особым притеснениям в России, что там совершенно нет междоусобиц, постоянно происходивших в ханстве.

Сама жизнь заставляла среднеазиатского купца идти на сближение с русскими, ибо торговать с Россией было чрезвычайно выгодно. Если же учесть, что кокандское владычество нанесло городу большой ущерб, то станет понятным все большее тяготение ташкентских купцов к России.

В связи с этим нельзя не упомянуть о материалах, связанных с пребыванием в Петербурге в начале 1865 г. Тюряхана Зейбуханова, приехавшего якобы по поручению группы влиятельных лиц Ташкента с важными предложениями к правительству России[2].

[1] Как указывал прибывший в Петербург в начале 1865 г. ташкентский житель Зейбуханов, пока Чимкент не был занят, кокандцы надеялись прогнать противника. Но потеряв эту крепость и всю артиллерию, они упали духом. Это, несомненно, способствовало усилению группы русской ориентации (ЦГИА УзССР, ф. 17, д. 9681, л. 4).

[2] ЦГИА УзССР, ф. 17, д. 9681, л. 1.

Судя по документам, Зейбуханов был отправлен в Петербург с заявлением от имени 50 виднейших лиц Ташкента с просьбой о принятии города в подданство России. Зейбуханов показывал, что «русская партия в Ташкенте состоит из 50 богатейших и влиятельных лиц. Каждый из них может отвечать за 2000 человек. Им надоела вечная война, грабеж. Русские отняли теперь все хлебородные земли. Хан не может помочь им. В руки бухарцев они не хотят попасть. От шпиона, находящегося в Бухаре, они узнали, что эмир собирается выступить на Ташкент раннею весною, как только появится подножный корм»[1].

Однако заявления о принятии Ташкента в подданство России при Зейбуханове не оказалось, оно было утеряно им (по дороге из Нижнего в Москву) вместе с кошельком, где находились письмо и деньги. Царское правительство не поверило Зейбуханову, и он не был принят правительством.

Для допроса Зейбуханова был приглашен видный русский ученый Н. Северцов, который бывал в Туркестане и знал местных жителей. Н. Северцов дал заключение, что миссию Зейбуханова он «находит правдоподобной» по следующим причинам: «расспрашивал его о тамошних обстоятельствах и о немногих общих знакомых из кокандских правительственных лиц; показания его согласны с тем, что я слышал в Чимкенте. Его дело ведено мимо Черняева, вероятно, из опасения огласки...»[2].

Зейбуханов дал правильные показания о настроении людей, о положении в городе, о подготовке эмира к весеннему походу, о письме ташкентцев Алимкулу (уехавшему в Коканд после первого похода Черняева) с требованием его скорейшего возвращения и с предупреждением о том, что в случае отказа город подчинится России; об Абдурахман-беке, перешедшем зимой 1864 г. к Черняеву, и т. д.[3] Зейбуханов указывал, что Абдурахман-бек — молодой человек из почтенного семейства, имел небольшой чин—юзбаши, но состоял при особе хана. Лица, подписавшие просьбу о принятии Ташкента в

[1] ЦГИА УзССР, ф. 17, д. 9681, л. 4.

[2] Там же, л. 5.

[3] Там же, л. 4,5; д. 5, л. 1,2.

подданство России, не доверились Абдурахман-беку, считая его сторонником Алимкула[1].

Из Петербурга Зейбуханов написал письмо в Ташкент, своему дяде Султан-баю, Шарафий-баю и Норали-баю, в котором с горечью сообщал о постигшей его неудаче, упрекал их за то, что они уговорили поехать в Россию его — человека, не знавшего русского языка, что в Петербурге его не признали представителем 50 видных лиц Ташкента и что он теперь, возможно, не увидит больше свою семью. Зейбуханов требовал, чтобы пославшие его лица дали деньги (каждый по 200 руб.) его жене на пропитание[2].

К группе русской ориентации принадлежали и другие жители Ташкента, получившие за это поощрения от царских властей. Так, ташкентские жители Абдурахман-бек Шадманбеков, Нигмаджан и юзбаши Абдраим-бай Магометов были представлены к награде за «преданность» России и «усердие» в распространении ее влияния на Ташкент. Эти люди, как указывал Черняев, много сделали для образования в Ташкенте дружественной России партии. Зимою 1864 г. они перешли к Черняеву и во время осады и штурма Ташкента оказали ему большие услуги[3].

Шарафий-бай, впоследствии первый председатель общественного хозяйственного управления так называемой азиатской части Ташкента, до взятия города доставлял Черняеву интересовавшие его сведения (за это кокандцы подвергли разорению его хозяйство)[4].

17 июля 1865 г. «за усердную службу и преданность русскому правительству», «за оказание услуги при взятии Ташкента» был награжден 31 человек—богатейшие и влиятельные лица города (Мухаммад Сагитбай, Ходжа Юнусов, Мирсалих-бай и др.)[5]. В числе награжденных был известный ташкентский бай и крупный торговец Саид-Азимбай Мухаммадбаев, который еще в начале 1864 г. был оштрафован Алимкулом на 1000 руб. за связи с Черняевым[6]. Первую награду от русского правительства Саид-Азимбай получил еще в 1859 г., когда он выкупил одного русского из кокандского плена; в 1862 г. он был награжден за успешное развитие торговых отношений с Россией и, наконец, в 1865 г. — за преданность русской власти.

[1] ЦГИА УзССР, ф. 17, д. 9681, л. 5.
[2] Там же, л. 7. Зейбуханов возвратился в Ташкент в феврале 1866 г.
[3] Там же, д. I, л. 71; д. 5, л. 1,2.
[4] Там же, д. 12, л. 9.
[5] Там же, д. 21, л. 33—40. (
[6] Там же, д. 9679, л. 37.

В группу сторонников кокандской ориентации, поддерживавших Султан-Сеид-хана и регента Алимкула, входили чиновники и духовенство, назначенные кокандскими властями, кокандский гарнизон в Ташкенте, кашгарские эмигранты, поселившиеся в городе в 30-х годах XIX в. Возглавлял эту группу Салих-бек Ахунд[1], впоследствии сосланный Черняевым в Сибирь.

Следует отметить, что и среди сторонников кокандской ориентации не было единства: одни стояли за Султан-Сеида, возведенного на престол Алимкулом, а другие — за Худояр-хана, находившегося в бухарских владениях и выжидавшего удобного момента, чтобы вернуть себе престол.

Кроме того, в Ташкенте были сторонники восстановления былой самостоятельности Ташкентского ханства. Ко времени описываемых событий эта группа после неоднократных и безуспешных попыток восстановить былую самостоятельность города потеряла свое значение и влияние.

Занятие царскими войсками ряда кокандских укреплений и городов, в том числе Аулие-Ата, Туркестана, Чимкента, и выступление Черняева против Ташкента укрепили позиции сторонников русской ориентации. Многие крупные кокандские военачальники переселялись со своими родственниками на территорию, занятую русскими отрядами.

* *
*

Неудачный поход Алимкула против Туркестана (декабрь 1864 г.) и огромные потери, понесенные им в сражении под селением Икан, привели к еще большей утрате его влияния. В это время к Черняеву перешел бывший юзбаши (по Северцеву), или бывший правитель восточной части города (по Черняеву), Абдурахман-бек

[1] По данным Н. П. Остроумова, он был главным преподавателем медресе «Ходжа-Ахрар» в Ташкенте (Н. П. Остроумов, Сарты, стр. 134).

и некоторые другие[1]. Росту числа недовольных Алимкулом способствовал острый недостаток в городе необходимых товаров и продуктов питания. После занятия царскими войсками линии по Арыси прекратилось движение караванов через Казахскую степь. Цены на продукты питания поднялись в городе до небывалых по тому времени размеров: цена одного барана повысилась с 3 руб. 50 коп. до 7—9 руб.; цена одной четверти хлеба возросла с 5 до 12 руб.Подорожали продукты питания и в других городах и населенных пунктах ханства. Так, в Намангане один баран стоил 5 тилля, т. е. 18 руб.[2] Алимкул вынужден был распустить большую часть своих войск из-за недостатка средств для их содержания[3].

Положение в городе становилось все более напряженным. После битвы под селением Икан Алимкул надолго уехал в Коканд, где собирал новые войска, обеспечивал их вооружением и боеприпасами, налаживал связи с некоторыми соседними государствами. 16 февраля 1865 г. русский посланник в Константинополе сообщил вице-канцлеру Горчакову о прибытии из Коканда к турецкому султану доверенного лица с просьбой о помощи против России[4].

Алимкул связался и с бухарским эмиром, обратившись к нему с предложением начать совместные действия против «неверных», о чем позднее сообщал Черняеву прибывший из Бухары русский приказчик Михаил Шмелев[5]. Однако честолюбивый эмир решил использовать тяжелое положение Кокандского ханства для захвата Ташкента.

Алимкул, учитывая, что группы бухарской и русской ориентации могут воспользоваться его отсутствием для усиления своего влияния, предписал Салих-бек Ахунду,

[1] Об этом же имеются сведения и в официальных донесениях Черняева, в материалах Н. Северцова по допросу Т. Зейбуханова; об Абдурахман-беке сообщает также автор «Тарихи-джадида-и Тошканд» Мухаммад Салих.
[2] См. А. Г. Серебренников, указ. соч., 1865, ч. 2, стр. 160; ЦГИА УзССР, ф. 336, д. 25, л. 2.
[3] См. рапорт Черняева от 6 декабря 1864 г. командующему Западно-Сибирским военным округом, в кн.: А. Г. Серебренников, указ. соч., 1865, ч. 2, стр. 225.
[4] А. Г. Серебренников, указ. соч., 1865, ч. I, стр. 97—98.
[5] А. Г. Серебренников, указ. соч., 1865, ч. I, стр. 239.

одному из самых влиятельных в городе лиц, отправить 160 семейств богатых ташкентцев в Коканд. Но никто из них на это не согласился. В ответ из Ташкента пришло письмо с требованием немедленного возвращения Алимкула; в противном случае, как указывалось в письме, многие лица, в том числе Салих-бек Ахунд, подчинятся либо бухарскому эмиру, либо генералу Черняеву[1].

Население Ташкента подверглось в это время новым налоговым обложениям (по данным одного документа— по 1 кокандскому золотому, по данным другого — по 6 танга). Жители города отказались платить этот налог[2]. К тому же часть города, которой ведал перешедший к Черняеву Абдурахман-бек, была разграблена кокандцами, что, несомненно, лишь усилило ненависть населения к кокандцам и их сторонникам.

Среди населения города распускались преувеличенные слухи о количестве и вооружении русских войск, идущих из форта Перовского. Так, ходили слухи, что эти войска исчисляются десятками тысяч; что в отряд Черняева присылаются такие орудия, в дуло которых может поместиться целый бык, и что эти орудия стреляют на расстояние 8 верст[3].

Агент Черняева сообщал из Ташкента о столкновениях между Алимкулом и кипчаками. Молодежь отказывалась вступать в рекруты и уходила из Ташкента. Население города из-за напряженной обстановки не могло заняться хлебопашеством. Торговля падала. Купцы старались быстрее распродать имеющиеся у них товары и выехать из города[4].

Надежда отстоять город своими силами падала. Группа бухарской ориентации настойчиво требовала обратиться к бухарскому эмиру и принять его покровительство. Агенты Черняева, завербованные им из числа местных жителей, доносили, что к эмиру приходили посланцы из Ташкента и Коканда, но высокомерный и самонадеянный эмир иногда даже не принимал их.

28 апреля 1865 г. Черняев овладел крепостью Ниязбек, являющейся ключом ирригационной системы города, и принял решение отвести два главных рукава

[1] ЦГИА УзССР, ф. 336, д. 8, л. 60.
[2] Там же, л. 60—63, 69.
[3] Там же, л. 60—63.
[4] Там же, л. 102.

р. Чирчик, снабжавших водой Ташкент и его окрестности[1].

7 мая, оставив гарнизон в Ниязбеке, Черняев перешел на новые позиции и расположился в 8 верстах от Ташкента, в местности Сары-тепе, а 8 мая произвел рекогносцировку северо-восточной стороны города.

Черняев стремился с помощью группы русской ориентации добиться от жителей Ташкента заявления о добровольной сдаче города. Число сторонников мира с русскими действительно возрастало. Однако далеко не все жители Ташкента были сторонниками сдачи города Черняеву.

Заявления самого Черняева и его офицеров о том, что население города якобы «давно ждало» прибытия русских войск, что оно предпочитало русское управление ханскому режиму и т. д., были, очевидно, результатом ложного представления авторов этих документов об отношении части жителей Ташкента к царскому наступлению. Определенная часть населения города, находившаяся под сильным влиянием ислама, предпочитала власть «опоры» среднеазиатских мусульман — бухарского эмира — власти «неверных».

8 мая, в день, когда, по утверждению Черняева, перед ним должны были открыться ворота Ташкента, из Коканда прибыл Алимкул с отрядом численностью до 6000 человек при 40 орудиях, изготовленных по образцу русских горных единорогов. Теперь уже Черняев не мог без боя овладеть городом. 9 мая Алимкул стянул к 7 часам утра свои войска (до 7000 человек) к высоте Сары-тепе (у Мухаммада Салиха она названа Шур-тепе) и начал бой. Однако войска Алимкула потерпели поражение и обратились в паническое бегство. Кокандцы потеряли до 300 человек убитыми; Алимкул был смертельно ранен и в тот же день скончался[2].

Разгромив неприятеля, Черняев возвратился в лагерь и «решил остаться на той позиции с тем, чтобы находясь вблизи Ташкента, наблюдать за событиями в

[1] Ташкент не был совсем лишен питьевой воды, так как в городе имелись ключи и колодцы. Для жителей воды хватало, но скот приходилось выгонять на водопой за пределы городских стен.

[2] А. Г. Серебренников, указ. соч., 1865, ч. I, стр. 155.

самом городе и, если будет возможно, воспользоваться первым же случаем к его занятию»[1].

По свидетельству автора «Киргизского рассказа о русских завоеваниях в Туркестане», в городе возникли волнения жителей, недовольных Султан Сеид-ханом. Многочисленная толпа с дубинками в руках двинулась к Тюре Ходже казию, заявила о своем недовольстве ханом и потребовала изгнать его из города. В толпе раздавались крики: «Казий, Муфти, Улемы!.. Мы не довольны этим правителем, Султан Сеид-ханом: да будет он изгнан из города! Удовлетворите наше сборище, пусть уходит отсюда ваш хан! Если же пожалеете его, то ваши души расстанутся с телом, ваше имущество подвергнется разграблению, сады и дворы будут расхищены»[2].

Ненависть к сторонникам кокандского хана была столь велика, что «толпа вытащила Тюря Ходжу казия, главного муфтия, ходжей, мулл и ученых и погнала их перед собою; некоторым связали назад руки, чалмы побросали в грязь и так гнали одного за другим»[3]. Затем сторонники Бухары предложили Хаким Ходже ишану отправиться в Бухару за помощью, угрожая расправой в случае невыполнения этого требования.

К эмиру отправилась депутация в составе 34 человек с просьбой помочь окруженному «неверными» городу[4]. Эмир, по сведениям Черняева, не отказал ташкентцам в помощи, но потребовал, чтобы предварительно к нему прислали молодого хана в качестве заложника. Выслушав депутацию, эмир приказал некоему Шир-Али, по прозвищу Каль (плешивый), отправиться в сопровождении 11 человек в Ташкент.

Черняев принял меры к тому, чтобы не допустить в город посланцев эмира. Русские отряды появлялись то в одном, то в другом пункте окрестностей города, вводя в заблуждение его защитников.

17 мая Черняев с частью войск выехал на бухарскую дорогу и подошел к селению Зенги-Ата. Здесь он задержал посланника хивинского хана, направленного в Таш-

[1] А. Г. Серебренников, указ. соч., 1865, ч. I, стр. 154.

[2] Н. И. Веселовский, указ. соч., стр. 54.

[3] Там же.

[4] Об этом свидетельствуют рапорты генерала Черняева и автор «Киргизского рассказа».

кент еще при жизни Алимкула (что свидетельствовало в существовании связи между Алимкулом и хивинским ханом). Щедро одарив посланника, Черняев отправил его обратно в Хиву.

Получив сведения о том, что город действительно ждет помощи из Бухары и поэтому продолжает держаться, несмотря на крайний недостаток в воде и хлебе, генерал Черняев двинулся к укреплению Чиназ, прикрывавшему переправу через Сыр-Дарью. В Чиназ был послан отряд под командованием Абрамова, который обезоружил гарнизон крепости и уничтожил переправу. Затем Черняев вернулся к Ташкенту и стал в 7 верстах от города. Чтобы воспрепятствовать переправе через Чирчик, на дороге к реке было выставлено две роты.

Недостаток в хлебе и воде вынуждал жителей и гарнизон ежедневно выходить за стены города для жатвы поспевшего хлеба, а также выгонять скот на водопой. Однако отряды Черняева не позволяли им ни собирать зерно, ни пасти скот; людей захватывали в плен, а скот отбирали. Помощь из Бухары явно задерживалась. Сторонники сдачи города стали все смелее и откровеннее высказываться за капитуляцию.

С 9 на 10 июня хан, затребованный эмиром в заложники, тайно ушел из города с 200 приближенными, а затем в Ташкент так же тайно вступила небольшая группа бухарцев во главе с Искандер-беком, который и принял начальство над городом. Убедившись в том, что сложившиеся обстоятельства не противоречат «видам» правительства в отношении Ташкента, генерал Черняев решил овладеть городом силой.

Штурм Ташкента был назначен в ночь с 14 на 15 июня. Для штурма Черняев выбрал Камаланские ворота юго-восточной части города, занятие которых, по его мнению, позволяло овладеть всем городом, «так как правая сторона Бозсу, где находилось все зажиточное население Ташкента и все купечество, была... на стороне наступающего русского отряда..., всю же атакованную сторону исключительно населяло сословие и партия бухарского эмира. Кроме того, при атаке юго-восточной стороны всем последствиям штурма подвергалось только военное население, а не мирные граждане...»[1]

[1] А. Г. Серебренников, указ. соч., 1865, ч. I, стр. 245—246.

На рассвете 15 июня войска Черняева прорвались за городскую стену. Одна часть солдат начала немедленно отваливать ворота, а другая заняла близлежащие дома и сады. Пройдя до Карасарайских ворот, где, по сведениям Черняева, жило преданное ему местное население, отряд Абрамова вступил в город. Опрокинув баррикады, защищаемые огнем стрелков, отряд подошел к главному базару, где сопротивление оказалось сильнее так как туда были переброшены отряды с других участков обороны города. В 7 час. 30 мин. утра 15 июня пала цитадель. Но русский отряд скоро покинул ее, так как ханский дворец был охвачен пожаром.

В тот же день к Черняеву явилась депутация от сторонников русской ориентации с изъявлением покорности. Она обещала убедить старшин и почетных лиц всего города в необходимости капитуляции и явиться с ними на другой день в русский лагерь. Но вскоре были получены сведения о том, что на базаре, в центре города, собралось до 15 тыс. защитников, которые на коране поклялись умереть за веру. К вечеру сопротивление их усилилось. Утром 16 июня Черняев послал 3 роты с заданием захватить пушки и взорвать цитадель. По дороге эти роты были обстреляны из домов «кокандскими стрелками», но отряд, выполнив поручение, возвратился без больших потерь. К вечеру сопротивление защитников города было сломлено. Потери Черняева составили, по его данным, всего 25 солдат убитыми, 9 — раненными и 28 — контуженными[1].

В тот же день к Черняеву прибыли посланные от аксакалов лица с просьбой позволить всем старшинам города явиться к нему на другой день. 17 июня в лагерь к Черняеву прибыли аксакалы и почетные жители, которые собрались у ворот Хиябан. Сюда же прибыл и генерал Черняев. Здесь, по утверждению Мухаммада Салиха, было составлено четыре мирных договора (для четырех частей города). «В них было сказано, что мусульмане будут жить по-старому, их религиозные дела будут находиться в их руках, закят и херадж будут взи-

[1] А. Г. Серебренников, указ. соч., 1865, ч. I, стр. 251. После сдачи города в лагерь Черняева было доставлено 63 орудия, около 2000 пудов пороха, до 10 тыс. снарядов, большое количество оружия (К. К. Абаза, Завоевание Туркестана, СПб., 1902, стр. 101).

маться раз в год согласно урожаю; ... не будет взиматься сбор с садов и фруктовых площадей. Налог с городских жителей не будет взиматься. Никто не имеет права действовать самосудом, если кто-либо имеет претензии на другого, то он должен об этом подать заявление казию... На договорах были поставлены печати и подпись»[1].

После заключения договора Хаким Ходжа кази-калян был награжден бархатным чекменем и золотой медалью, были преподнесены подарки ишану Абдулкасым-хану, Салихбеку и четырем аксакалам города.

Как сообщает Мухаммад Салих, через некоторое время после перемирия Черняев вызвал в местность Чильдухтарон Салихбека, Бердыбая Саркора и других знатных лиц и потребовал, чтобы они составили специальное письмо на имя царя, в котором указывалось бы, что они добровольно приняли российское подданство. Салихбек Ахунд, отказавшийся составлять такое письмо, вместе с шестью его сторонниками был отправлен Черняевым в ссылку. Позднее такое письмо, скрепленное печатями известных лиц города, было составлено неким Абдусаттаром под руководством Хаким Ходжа кази. Это письмо Черняев и отправил в Петербург[2].

Следует отметить, что население Ташкента не оказало серьезного сопротивления войскам Черняева (как это утверждается в рапортах Черняева и в исторической литературе, в том числе во II томе «Истории народов Узбекистана»). При таком сопротивлении Черняев не смог бы овладеть Ташкентом, притом без больших потерь, в течение двух дней. В городе не было организованного войска, сильного и единого руководства. Главнокомандующий Алимкул находился в окружении своих врагов, которые действовали по своему усмотрению.

[1] З. Ш. Раджабов, Рассказ местного историка о завоевании Ташкента царизмом, рукописный фонд Института истории и археологии АН УзССР, инв. № 183, стр. 23—24. О данном Черняевым обещании не взимать потанапный сбор говорится и в прошении, составленном в ноябре 1868 г. от имени всех знатных лиц города, председателя хозяйственного управления Шарафий-бая и жителей города, где указывалось, что Черняев тогда заявил: «Пока русское начальство здорово, то от них не требуется впредь на будущее время взноса танапных денег...» (ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 70, л. 76).

[2] См. З. Ш Раджабов, указ. ркп., стр. 23—26; Я. Гулямов, указ. соч., стр. 82—83.

Многие из них заявляли, что они подчиняются эмиру. Существование в городе группировок различной ориентации обусловило отсутствие у защитников единства и согласованного плана действий.

Мухаммад Салих сообщает, что защитники Ташкента состояли из нескольких самостоятельно действовавших групп: войск регента Алимкула, войск ташкентского правителя и войск Садыка Кенисарина. Поэтому на совещании, проведенном Султан-Саидом и Алимкулом после первого сражения на Сары-тепе, при обсуждении вопроса о дальнейших действиях против русских также не было единогласия. Представители кокандцев требовали сосредоточить все силы в районе города и нанести удар противнику тут же, на месте. Некоторые же знатные люди города и Садык Кенисарин предлагали уделить основное внимание отвоеванию Туркестана и других пунктов, а затем направить одну группу к Ак-Мечети, другую в Аулие-Ата и поднять там все население против русских[1].

По свидетельству Мухаммада Салиха, в дни обороны города одна часть его населения помогала защитникам, обеспечивала их продуктами питания, ухаживала за ранеными и т. д., а другая часть пряталась по домам и совершенно безучастно относилась к происходившим событиям[2]. Некоторые жители сами связывались с Черняевым и посылали к нему своих представителей. Когда же попытка мирного урегулирования отношений с Черняевым не удалась, то под видом торговли около 3000 человек переселились в города, занятые русскими войсками (Чимкент, Сайрам, Туркестан и др.). Среди них были Садык Махсум, сын ишана Вали из Кукчинской части, Махсум Хаким, сын Муллы Атауллы из Шейхантаура, и др.[3].

Мухаммад Салих рассказывает, что во время боев с русскими войсками многие люди занимались совершенно не тем, чем следовало. Например, когда отряды Черняева, захватив Сары-тепе, развернули наступление, кокандские войска, поддавшись панике, бежали в сторону Ходжента и Коканда. Отдельные люди, пользуясь начавшимся беспорядком, стали грабить и захватывать ценности. Желая замести следы своих преступлений,

[1] Мухаммад Салих, указ. соч., стр. 303—304.

[2] Там же, стр. 305—306.

[3] Там же, стр. 281—283.

они распространяли слухи о том, что казна ограблена чернью.

В ночь с четверга на пятницу (у Черняева с 9 на 10 июня), как только Султан-Саид-хан (после долгих споров) был препровожден в Самарканд к бухарскому эмиру, стали расходиться и лица, считавшиеся организаторами обороны. В самый решающий момент некоторые предводители кокандцев, покинув поле боя, выехали из Ташкента в Коканд. «Кроме того, — пишет Мухаммад Салих, — бессердечно подлые люди с отвратительным характером, злодеи, купцы, богачи, сплетники из среды нукеров вроде Муса-Мухаммеда, военачальники, почетные лица области со своими родственниками, сыновьями, братьями и слугами в этот час сражения, происходившего у ворот Хиябана и Беш-Агача, первыми покинули город»[1].

Обращение ташкентцев к своим соседям с просьбой о помощи не встретило поддержки. Эмир Музаффар вместо оказания помощи Ташкенту пошел войной против Коканда. (Все это подтверждают также известный среднеазиатский просветитель Ахмад Дониш[2] и местный историк Мирза Азим Сами[3]).

Феодальные междоусобицы, крайняя экономическая и политическая слабость Кокандского ханства, тяжелое положение народных масс — все это определило ту сравнительную легкость, с которой русские войска занимали города и населенные пункты ханства.

Трудовые массы местного населения, страдавшие от жесточайшего гнета светской и духовной знати, естественно, не были заинтересованы в сохранении ханского режима. Этим и объясняется та пассивность, которую проявили трудящиеся массы в период завоевания Средней Азии царскими войсками, что и способствовало успешному продвижению царских войск в глубь ханства.

После занятия Ташкента царскими войсками во главе управления городом стал генерал Черняев. Он ут-

[1] См. З. Ш. Раджабов, указ. ркп., л. 30.

[2] Ахмад Дониш, Жизнеописание эмиров священной Бухары, ркп. ГПБ им. А. Навои, инв. № 1897, л. 19.

[3] Мирза Абдул Азим Сами, Подарок шаху, Бухара, 1908, русский перевод Гасанбекова, Ташкент, 1940, ркп., рукописный фонд Института истории и археологии АН УзССР, инв. № 292, л. 18—20.

верждал «...лиц не только в общественной должности, но и на духовные места»[1], рассматривал жалобы и прошения жителей, издавал различные распоряжения. В сентябре 1865 г. Черняев отменил существовавшие ранее ограничения прав индийцев и евреев[2]. После взятия Ташкента Черняев издал «Объявление», призывающее население к спокойствию, порядку и подчинению. Вот текст этого документа на русском языке (сохраняется стиль подлинника):

«По повелению Великого Государя и от имени Губернатора Генерала Черняева объявляется. Решать дела по магометанскому закону, стараться водворять спокойствие народу, молиться в мечетях богу и исполнять магометанские обряды, богу молиться в положенное время, в большом училище муллы должны учиться по понятию веры и законов, дети непременно должны учиться в школах, если дети будут шалить, то их муллы должны наказывать и принуждать учиться. Отцы и матери, которые не будут отдавать в школу своих детей, за это их подвергать по закону шариата. Все люди, которые занимаются мастерством, должны и продолжать заниматься им, торговый народ должен заниматься торговлей. Земледельцы должны обрабатывать землю. На улицах ничего не бросать, улицы должны чистить; по магометанскому закону запрещается пить вино, бузу и игры в кости. Все дела, которые противны вере и закону, прошу не делать. Запрещается обвешивать на весах. На занятые деньги из мечетей проценты их доставлять своевременно. Все должностные лица при решении дел не должны брать взяток. Запрещается делать с мальчиками мужеложство.

Казы Ислям, Казы Калян, Казы Казы и Муфтий не должны решать дел по своему произволу, а должны решать дела как повелевает шариат. Если дело кто-либо решит без шариата, тот отрешится от должности. На улицах не драться, не кричать, если будете ссориться и кричать, то будете виновны. Казы Ислям за венчание должен брать два рубля, а Раис должен брать один рубль. Брать за то, что повелевает шариат, и в противных случаях не брать. За приложение печатей не брать. Если вы будете исполнять все выше изложенное, то

[1] А. Г. Серебреников, указ. соч., 1865, ч. II, стр. 237.

[2] ЦГИА УзССР, ф. 450, д. 3, л. 1—4; д. I, л. 14.

земли, сады и имущество ваши будут в вашем владении. Детей ваших в солдаты и казаки брать не будется. В дома ваши солдат для постоя не будем пускать. Солдаты в дома ваши входить не будут, если войдут, то представлять к начальству.

Для вас милостей много.

Молитесь за здоровье государя»[1].

Материалы официальной переписки представителей власти, как сохранившиеся в архиве, так и опубликованные в сборнике, составленном полковником Серебренниковым, свидетельствуют о том, что действия Черняева получили полное одобрение командующего войсками Оренбургского округа Крыжановского, «как совершенно согласные с высочайше одобренным планом действий... войск в Туркестанской области»[2]. Но ни распоряжения Черняева, изданные им после занятия города, ни описанные выше события еще не свидетельствовали о присоединении Ташкента к империи, хотя город находился под властью царской военщины.

Вопрос о присоединении Ташкента к России получил свое разрешение не сразу. В «весьма секретном» предписании Крыжановского предлагалось образовать целый округ, включив в него территорию от тогдашней пограничной линии до берегов Сыр-Дарьи и Нарына, по всему их протяжению, и эти земли вместе с Ташкентом или отдать особому хану по своему выбору, или подчинить муниципалитету, «образовав, таким образом, чисто коммерческое, независимое» (от Бухары и Коканда), но вполне вассальное по отношению к России государство»[3].

Однако Черняев, вначале также стоявший за образование самостоятельного Ташкента, после занятия города в своем рапорте указывал, что теперь присутствие русских войск в городе необходимо, ибо нельзя поручиться, что Коканд или Бухара не затеют войны против «самостоятельного» Ташкента[1]. Он считал необходимым и удобным предоставить жителям Ташкента самоуправление, а вмешательство России «ограничить только одним наблюдением за должностными лицами, оставив за собой право сменять их, если они не будут соответствовать своему назначению;... иметь управляющего городом и его помощника, двух переводчиков и двух писарей»[2]. Таким образом, предлагалось создать видимость самоуправления, а фактически подчинить город царской России.

Однако царское правительство опасалось, что прямое присоединение Ташкента к империи «может не только возбудить неблагоприятные для нас (России. — *Ф. А.*) толкования, но и породить невыгодные для нас (России. — *Ф. А.*) последствия в положении общей политики нашей (России)»[3]. Военный министр в письме от 10 сентября 1865 г. к вице-канцлеру, подтверждая, что «воззрение самого генерала Крыжановского совершенно согласуется с видами Министерства иностранных дел и поэтому заслуживает одобрения», писал, что «еще лучше будет, если без хана можно будет в Ташкенте устроить управление чисто муниципальное, под охранением наших войск, которые, не занимая самого города, могли бы во всякое время вступить в оный и восстановить в нем порядок... Так разумею я независимость Ташкента и на таких основаниях считаю возможным действительное достижение наших целей»[4]. Царское правительство подчеркивало необходимость не только самостоятельности Ташкента, но и создания «...из Ташкента и Коканда двух отдельных, независимых, но вассальных нам (России. — *Ф. А.*) владений»[5].

Таким образом, по вопросу о будущем завоеванного города имелось две точки зрения. Генерал Черняев выступал за присоединение Ташкента к России, а его не-

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. 17, д. 9679, л. 133. Там же, на л. 158, сохранился узбекский текст данного документа, датированный 6-м днем месяца сафар 1282 г. х. и скрепленный личной печатью Черняева. Приведенный же здесь текст на русском языке ни печати, ни подписи не имеет, но содержание его идентично узбекскому тексту, дата же узбекского текста по хиджре в переводе на современное летосчисление соответствует 1 июля 1865 г. Следовательно, он был издан через 13 дней после взятия города царскими войсками.

[2] См. А. Г. Серебренников, указ. соч., 1865, ч. I, стр. 241.

[3] Там же, стр. 242.

[1] А. Г. Серебренников, указ. соч., 1865, ч. II, стр. 252.

[2] Там же, стр. 5.

[3] Там же, стр. 43.

[4] Там же, стр. 63.

[5] Там же, стр. 74.

посредственный начальник — оренбургский генерал-губернатор Крыжановский — за образование самостоятельного ханства. Крыжановского поддерживали вице-канцлер князь Горчаков, военный министр Милютин[1] и директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел Стремоухов.

Ни император, ни вице-канцлер, ни другие сторонники «самостоятельности» Ташкента в действительности и не думали о какой-нибудь фактической независимости города. Идея «независимости» была выдвинута только для того, чтобы не дать повода европейским державам для обвинения царизма «в завоеваниях и в честолюбии».

В сентябре 1865 г. Крыжановский прибыл в Ташкент. Собрав старших и почетных лиц города, он объявил, что управление Ташкентом по-прежнему остается в руках его жителей и они должны сами «из своей среды назначить начальника»[2]. 18 сентября Крыжановскому был подан адрес, скрепленный печатями 58 именитых людей города. Считая «слишком самонадеянным и неуместным» назначение начальника из своей среды, ибо «подобное назначение может произвести в народе большие беспорядки, породить зло и несправедливость», они просили:

«1) все дела по шариату поручить ведению казы-каляна, и чтобы ему же, с последующим утверждением генерала Черняева, предоставить право назначать в Ташкенте и местах, подчиненных его управлению, казиев, аглямов, муфтиев, раисов, мутаваллиев и имамов;

2) поручив генералу Черняеву главное управление населением, назначение зякатчиев, аксакалов и т. п. служащих лиц, подчинить его же власти и управлению те места, которые прежде входили в Ташкентский вилайет;

3) не производить никаких сборов за дворовые места, находящиеся внутри Ташкента и за его землями;

4) освободить всех жителей Ташкента от воинской повинности;

5) бракосочетание девиц предоставить своему казы-каляну, а вдов — раисам;

[1] Милютин тоже был против присоединения города к империи, но стоял не за назначение нового хана, а за образование городского муниципального управления. См. А. Г. Серебреников, указ. соч., 1865, ч. II, стр. 163—164.

[2] А. Г. Серебреников, указ. соч., 1865, ч. II, стр. 266.

6) вакфы освободить от всех сборов, а доходы с них употреблять по назначению»[1].

Это прошение отражало стремление местной светской и духовной знати сохранить свое господствующее положение и привилегии и обрести себе надежную классовую опору в лице царизма для беспрепятственной эксплуатации местных трудящихся.

Перед отъездом из Ташкента Крыжановский передал Черняеву три документа: обращение к жителям Ташкента, приказ по войскам и письмо бухарскому эмиру. В этих документах объявлялось, что Ташкент с прилегающей к нему областью до Сыр-Дарьи должен составить независимое государство, находящееся под покровительством русского императора. Однако Черняев не опубликовал эти документы и не отправил письмо бухарскому эмиру с объявлением независимости Ташкента. При этом он исходил из того, что бухарский эмир, основываясь на заявлении Крыжановского, имел бы формальное право требовать освобождения города.

Вскоре Крыжановский узнал, что Черняев не обнародовал его обращения к ташкентцам, не отправил письмо к эмиру и, не считаясь с указанием Крыжановского о недопущении бухарского посланника в Оренбург, все-таки отправил его с обещанием, что он будет допущен в Петербург. Тогда Крыжановский, сославшись на «явное неповиновение и превышение власти» Черняевым, стал требовать его смещения. В феврале 1866 г. Крыжановскому сообщили, что Черняева вызывают в Петербург для личного доклада императору о всех недоразумениях. Весьма довольный этим обстоятельством Крыжановский назначил туркестанским военным губернатором генерала Романовского. Черняеву пришлось «добровольно» уйти с занимаемого поста. 25 марта 1866 г. он подал рапорт об увольнении, а через 2 дня выехал в Петербург.

Между тем бухарский эмир, захватив Ходжент и Коканд, объявил «газават» (священную войну) и двинулся к Ташкенту. Отдельные бухарские отряды стали часто появляться в окрестностях Ташкента, на правом берегу Чирчика, а также на дороге между Чиназом и

[1] См. А. Г. Серебреников, указ. соч., 1865, ч. II, стр. 266—268.

Ташкентом. Но 8 мая 1866 г. при Ирджаре отряды эмира были разбиты русскими войсками. 5 тыс. бухарских сарбазов сложили там свои головы, а сам эмир еле спасся бегством.

В Ташкенте наступило спокойствие. К этому времени Крыжановский успел отказаться от идеи учредить «самостоятельное» ханство в Ташкенте. Как видно из адресованной оренбургскому генерал-губернатору записки военного министра Милютина (одобренной царем) Крыжановскому в отношении Ташкента было дано право принимать решения по своему усмотрению[1].

16 апреля 1866 г. Крыжановский сообщил Романовскому, что явно враждебные действия бухарского эмира и его желание завладеть страной, занятой уже русскими войсками, вызывают необходимость перейти к более решительным мерам относительно Ташкента и некоторых других городов, занятых русскими. Ходжент после его занятия должен остаться за Россией; если Коканд и Наманган после этого не покорятся добровольно, то придется завладеть ими силой. Что же касается принятия жителей Ташкента в российское подданство, то желательно, чтобы они от своего имени составили адрес с просьбой принять их в подданство России.

17 августа Крыжановский прибыл в Ташкент. Жители города преподнесли ему адрес, в котором просили принять город в состав России. 29 августа 1866 г. Крыжановский объявил жителям города о принятии их в русское подданство. Итак, через 14 месяцев после захвата города царскими войсками Ташкент был официально включен в состав России.

УПРАВЛЕНИЕ ГОРОДОМ ДО ОБРАЗОВАНИЯ ТУРКЕСТАНСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА

До образования Туркестанского генерал-губернаторства и принятия проекта «Положения» 1867 г. Туркестанская область управлялась на основании временного «Положения» 1865 г. По этому «Положению» все органы и функции управления — администрация, полиция, взыскание налогов и сборов, разбор претензий жи-

[1] А. Г. Серебренников, указ. соч., 1866, ч. I, стр. 32—33.

телей, суд — были сосредоточены в руках управляющих «туземным населением», назначаемых из русских чиновников.

До образования Туркестанского генерал-губернаторства территорией правобережья Чирчика (Ташкент, Ниязбек, Зитысуга, Зенги-Ата, Чиназ) и Зачирчикской стороны (Аблык, Теляу, Балгалы, Ак-Курган, Той-Тюбе, Паркент) управлял заведующий местным («туземным») населением Ташкентского района. В круг его обязанностей входили: взыскание поземельных податей; сбор таможенных, базарных и других пошлин; сдача в аренду переправы через Сыр-Дарью в Чиназе, а также весов в Ташкенте и Зачирчикской стороне; утверждение письменных свидетельств о продаже домов, земель и т. п.; наем перевозочных средств для отрядов; наблюдение за порядком в городе и заготовкой топлива; организация работ по исправлению мостов, канав, плотин и дорог; разбор заявлений «туземного» населения (иногда с представлением на утверждение военного губернатора)[1].

Все прежние представители ханской администрации — раис (мухтасиб), курбаши, аксакалы и т. п. — продолжали выполнять свои обязанности. Черняевым были оставлены также на прежних должностях казикалян Хаким Ходжа и шейхульислам Айходжа[2].

В конце 1865 г. для каждой из четырех частей города были выбраны дехкан-аксакалы и городские аксакалы[3]. Местная администрация состояла из старшего аксакала, трех младших, четырех помощников старшего аксакала и 40 ночных стражей.

К представителям местной администрации относился и главный зякатчи с пятью помощниками. Деятельность их контролировали наблюдавшие за сбором зяката особые лица, назначавшиеся царскими властями[4].

[1] ЦГИА УзССР, ф. 450, д. 16, л. 30—31.

[2] Н. П. Остроумов, Последние по времени Шейхуль-ислам и Казы-калян города Ташкента, стр. 13.

[3] ЦГИА УзССР, ф. 450, д. 2, л. 31. Обязанности дехкан-аксакала в документах архива не указаны. Очевидно, он ведал организацией сельскохозяйственных работ, а «городской аксакал»—организацией городского хозяйства.

[4] ЦГИА УзССР, ф. 450, д. 11, л. 1, 8, 13, 20, 21 и 25.

Главное наблюдение за порядком в городе было возложено на двух раисов, при которых было по 10 полицейских[1].

Для рассмотрения вопросов административного характера и разбора различных дел местного населения 30 августа 1866 г. было создано специальное учреждение — махкама (фактически разбор дел в махкаме был начат уже в июле 1865 г.[2]).

В одном документе махкама названа просто махкамой, в других — «городским управлением»[3], «советом, думой»[4], «городским присутствием»[5]. Махкама была учреждена и в селении Той-Тюбе, она подчинялась заведующему местным населением Ташкентского района, который утверждал все ее решения[6].

Махкама состояла из председателя, трех членов из местных жителей и одного непременного члена — казы[7]. Первые члены махкамы были «выбраны» следующим образом: через заведующего местным населением и доверенных лиц было приглашено 200 почетных жителей города, которые и выбрали членов махкамы[8].

Председателем махкамы военный губернатор назначил русского чиновника, бывшего одновременно заведующим местным населением Ташкентского района. Старший советник Сеид-Азим был назначен русской администрацией, а младшие советники — выбраны им самим[1].

По утверждению тогдашнего военного губернатора Туркестанской области Романовского, учредившего этот институт, махкама представляла собой «народный суд». «В этом отношении оно есть постоянное учреждение. Но при настоящем еще неустройстве управления мехкаме... служило иногда и муниципальным учреждением для проверки и наблюдения за податями, налогами, для устройства в городе общеполезных учреждений, как, например, больницы, для раздачи пособий и т. п. (разрядка наша. — *Ф. А.*). Впрочем, — как сказано, — это делалось лишь временно, и вообще ни административного, ни полицейского характера мехкаме положительно не имело и не имеет»[2].

При махкаме имелось особое отделение, состоявшее из представителей кочевого населения — биев. Оно разбирало исключительно судебные дела казахов. Махкама рассматривала дела, руководствуясь шариатом и адатом. Председатель ее наблюдал за правильностью вынесенных решений, и в случае несогласия с ними представлял дело военному губернатору. Все решения махкамы заносились в особую книгу[3].

Учреждением махкамы военный губернатор Романовский стремился, помимо всего прочего, сломить своевольный и «независимый» дух кази-каляна и лишить ташкентское духовенство возможности использовать свои права против русских властей. Впоследствии кази-калян стал меньше вмешиваться в дела заведующего местным населением. Однако он продолжал играть большую роль в жизни города; важнейшие духовные и судебные должности находились в руках его родственников.

Из четырех казиев города в махкаму входил один с тремя советниками, они заменили прежних четырех казиев и муфтиев. Три других казия сохраняли свое звание без судебной власти[4].

---

1 ЦГИА УзССР, ф. 17, д. 15, л. 7—8.

2 А. И. Добросмыслов, указ. соч., стр. 499; М. А. Терентьев, указ. соч., стр. 362.

3 ЦГИА УзССР, ф. 450, д. 16, л. 39.

4 Туркестан и туркестанцы, «Вестник Европы», сентябрь 1875 г., т. 5, стр. 83.

5 ЦГИА УзССР, ф. 450, д. 36, л. 64, Отметим, что на территории Октябрьского района г. Ташкента до недавних пор была махалля, носившая название «Махкама». Вероятно, она получила свое наименование от названия учреждения, когда-то находившегося на этом месте.

6 Там же, л. 1.

7 В дальнейшем, по-видимому, состав членов махкамы изменился: в ведомости расходов по содержанию гражданских управлений Туркестанской области за 1867 г., в разделе «Городское управление (миякаме) в Ташкенте», кроме председателя, в качестве членов махкамы упомянуты: один старший и три младших советника из местных жителей, один старший и два младших советника из казахов, один казы и один муфтий (ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 16, д. 10, л. 8—10).

8 Д. И. Романовский, Заметки по среднеазиатскому вопросу, стр. 259.

1 О наших внутренних и внешних делах в Средней Азии в 1865—1866 гг., «Биржевые ведомости», 1867, № 186, 187.

2 Д. И. Романовский, указ. соч., стр. 259—261.

3 А. И. Добросмыслов, указ. соч., стр. 499. (В ЦГИА УзССР такая книга нами не обнаружена).

4 В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Ташкент, 1913, стр. 178.

Махкама разбирала различные споры, возникавшие между жителями, денежные иски и семейные дела и рассматривала вопросы административного порядка. Так, был обсужден приказ военного губернатора Романовского о понижении стоимости местной монеты с 20 до 15 коп. (было решено просить военного губернатора отменить этот приказ). По вопросу о нерадивом отношении к своим обязанностям сборщика зяката Кулубтаева и его помощника было вынесено решение назначить вместо них благонадежного и могущего быть полезным казне человека с наложением на махкаму обязанности следить за правильным поступлением зяката. 9 апреля 1867 г. был рассмотрен вопрос об организации больницы для местных жителей города[1].

Махкама обсудила и сообщение заведующего местным населением Ташкентского района о появлении кокандского отряда в Кураминской долине и об уличении той-тюбинского аксакала и одного местного жителя в переписке с Худояр-ханом. Заведующему населением Зачирчикской стороны было предложено разобрать это дело и сообщить свое решение махкаме[2]. В махкаме производились также регистрация и засвидетельствование документов о купле-продаже местным населением домов, пахотной земли и садов.

Созданием махкамы русские власти «поставили против себя духовенство и возбудили крайнее недовольство в туземцах за наше вмешательство в их обычаи и законы»[3]. В ноябре 1866 г. «200—300 почетных лиц пришли к военному губернатору с жалобой на беспорядки в мехкаме и выразить свое недовольство им. Но когда... грозно и резко было выражено этой толпе, что по русским законам их всех следовало бы за это, как за бунт, по меньшей мере сослать в Сибирь, — тогда действительно один сарт, видя, что дело принимает дурной оборот, заявил, что пришел поздравить губернатора с победами над бухарцами»[4].

Хотя о махкаме и ее функциях сохранилось мало сведений и поэтому нельзя дать ей детальную характеристику, можно утверждать, что махкама была учреждена царскими властями для укрепления своего господства в недавно завоеванном крае. Поставив во главе махкамы представителей местной знати, царское правительство опиралось на них в проведении своей политики.

[1] ЦГИА УзССР, ф. 450, д. 12, л. 1—3; д. 30, л. 1—4.
[2] Там же, д. 2, л. 149.
[3] О наших внутренних и внешних делах в Средней Азии в 1865—1866 гг., «Биржевые ведомости», 1867, № 174.
[4] О наших внутренних и внешних делах в Средней Азии в 1865—1866 гг., «Биржевые ведомости», 1867, № 186.

С укреплением власти царизма в Туркестане институт махкама уступил место хозяйственному общественному управлению, организованному в 1868 г. в связи с проектом «Положения» 1867 г. об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областями.

ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ГОРОДОМ ПО ПРОЕКТУ «ПОЛОЖЕНИЯ» 1867 ГОДА

В 1865 г. царским правительством была создана специальная «Степная комиссия», в обязанности которой входило изучение положения в Казахской степи и во вновь завоеванном крае и подготовка материалов для составления руководящего положения по управлению краем. В 1867 г. соображения, представленные комиссией по этому вопросу, обсуждались Особым комитетом.

11 июля 1867 г. было утверждено образование Туркестанского генерал-губернаторства в составе Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей.

Особый комитет утвердил следующие основные начала устройства новых владений в Средней Азии.

1) создание управления краем с объединением в одних руках военной и гражданской власти;

2) предоставление местному населению внутреннего управления по всем делам, не имеющим политического характера, применяясь к его нравам и обычаям;

3) упразднение в туземном управлении, его законах и обычаях всего того, что приносит вред интересам государства;

4) возможно полное отделение суда от администрации[1].

Степная комиссия, руководствуясь указанием Особого комитета, разработала проект «Положения» об

[1] К. П. Кауфман, Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана 1-го по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства, 7 ноября 1867 — 25 марта 1881 гг., СПб., 1885, стр. 43.

управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областями, который, однако, не был утвержден в законодательном порядке.

Первым туркестанским генерал-губернатором был назначен генерал-адъютант К. П. фон-Кауфман, получивший право, в соответствии с проектом «Положения», принимать все необходимые, по его усмотрению, меры. Полномочия генерал-губернатора были неограниченными; он мог отменять «в туземном управлении, его законах и обычаях все то, что оказывалось решительно вредным в интересах государства»[1].

В руках генерал-губернатора и военных губернаторов областей была сосредоточена вся военная и гражданская власть в Туркестане. Так было выработано своеобразное сочетание военной администрации с «выборной» низовой властью, получившее официальные название «военно-народного управления».

Таким образом, царское правительство создавало такой аппарат управления, который обеспечил бы упрочение власти царизма в крае и подавление, в случае необходимости, любого освободительного движения народных масс Туркестана.

Организация городского управления была тесно связана с организацией управления края в целом.

Согласно проекту «Положения», г. Ташкент выделялся в особую административную единицу; на правах уездного начальника учреждалось управление начальника города в составе начальника города, его помощника, городского врача и др. Первым начальником города был назначен в январе 1868 г. статский советник Россицкий[2], который принял дела от заведующего местным населением Ташкентского района Серова.

Для устройства управления азиатской частью Ташкента была образована организационная комиссия из 12 русских чиновников и 40 представителей местного населения под председательством правителя канцелярии генерал-губернатора генерала Гейнса. Этой комиссии, работавшей с января по март 1868 г., Кауфман преподал инструкцию, в которой рекомендовал соблюдать большую осторожность в деле руссификации города[3].

[1] К. П. Кауфман, указ. соч., стр. 43.
[2] ЦГИА УзССР, ф. 17, д. 47, л. 3.
[3] Там же, ф. 36, д. 170, л. 9.

Организационная комиссия провела выборы уполномоченных — пятидесятников (по одному от каждых 50 домов), которые, в свою очередь, должны были избрать аксакалов, наделенных полицейской властью, и их кандидатов, а также арык-аксакалов, казиев и членов общественного хозяйственного управления — по пять человек от каждой из четырех частей азиатского города. Для проведения выборов пятидесятников было достаточно участия в сходке 2/3 избирателей.

Выборам предшествовала известная подготовка: совершался обход всех улиц, выяснялось число домов и избирателей. Дома, принадлежавшие вдовам и малолетним, равно как и отсутствовавшим лицам, также включались в число избирательных[1]. Было оставлено разделение города на четыре части и учрежден съезд казиев[2]. Комиссия установила порядок выборов низовой администрации через представителей населения, что, по ее мнению, придавало надлежащее значение выборам и способствовало ослаблению прежней роли аксакалов.

«Выбранные народом» аксакалы были облечены полномочиями на три года. Ранее этого срока они не могли быть отстранены от должности. Кандидатуры утверждались генерал-губернатором. Аксакалы, непосредственно подчиненные начальнику города, зависели по существу только от царских властей[3].

Всего было избрано и утверждено военным губернатором в должностях четыре аксакала с четырьмя их кандидатами, четыре арык-аксакала[4], четыре казия и 18 членов хозяйственного общественного управления. Председателем хозяйственного общественного управления был избран и утвержден военным губернатором Шарафий-бай Зейналгабидинов (из казанских татар)[5]. В помощь аксакалам были назначены без выплаты содержания 36 таугачей[6]. В конце января 1868 г. был на-

[1] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 16, д. 55, л. 8—14.
[2] Там же, л. 8.
[3] Там же, л. 1.
[4] Арык-аксакалом Шейхантаурской части был избран Иногамходжа, впоследствии старший помощник начальника города, обвиненный в подстрекательстве к восстанию 1892 г. в Ташкенте.
[5] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 16, д. 55, л. 16.
[6] А. И. Добросмыслов, указ. соч., стр. 98, Таугачи — лица, через которых аксакалы приводили в исполнение все распоряжения властей. Таугач был главой махалли.

значен начальник города, два его помощника и другие чины канцелярии.

27 февраля 1868 г. на заседании организационной комиссии военный губернатор объявил об утверждении выборных лиц и образовании с этого времени нового управления городом. Так было положено начало «военно-народному» управлению в г. Ташкенте, призванному обеспечить прочное господство царизма в Туркестане.

Организационная комиссия, создавая управление города, почти полностью отстранила от этого дела представителей местного населения. Об отношении представителей местных жителей к деятельности комиссии свидетельствуют отдельные сохранившиеся документы. В журнале заседания комиссии Кокчинской части города от 8 февраля 1868 г. указывалось, что «некоторые лица туземной администрации, т. е. аксакалы и их помощники, или таугачи, мало содействуют успеху занятий, а некоторые из них вовсе не являются к выборам» и что «... в бездействии некоторых должностных лиц комиссия не может не видеть как бы немого протеста...»[1].

В «сведениях о деятельности некоторых лиц из сартов, участвовавших в работах Шейхантаурского отдела Ташкентской организационной комиссии», где перечислено 16 человек, указывалось, что они отнеслись к порученному делу «совершенно равнодушно» и что в этой реформе они видят лишь чужеземное нововведение»[2]. Равнодушие этих людей проявлялось в нежелании способствовать проведению выборов, хотя, зная местность и условия жизни населения, они легко могли обнаружить неучтенные дома и даже целые улицы[3].

Между прочим, в числе упомянутых 16 человек первым фигурирует Сеид-Азимбай. Комиссия указывала, что Сеид-Азимбай не только не заслужил упрека в апатии, но, наоборот, приходилось скорее «умерить его ревность»[4]. Проработав в комиссии первые два дня, Сеид-Азимбай стал продвигать в качестве выборных угодных ему людей. Он собирал по ночам самых влиятельных избирателей, которых просьбами и дешевыми подкупами уговаривал избрать ту или другую личность[5]. Комиссия считала, что деятельность Сеид-Азимбая приносит гораздо больше вреда, чем пользы.

[1] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 16, д. 55, л. 29.
[2] Там же, л. 61.
[3] Там же, л. 62.
[4] Там же.
[5] Там же, л. 64.

В делах организационной комиссии имеются и другие данные, свидетельствующие об отношении ее членов из местных жителей к организации и проведению работы. Указывалось, в частности, что одни члены (Ходжа Алим Юнусов) относились к делу равнодушно, почти всегда опаздывали, старались лавировать между местными жителями, правительством и духовенством. Другие (Имам Зайнутдин, Шарафей Казы, Иноятов) вообще ни разу не были на занятиях комиссии под предлогом болезни[1]. Но были и лица, активно участвовавшие в работе комиссии; их даже представили к поощрению.

«Апатия» и «равнодушие» к работе комиссии со стороны представителей местного населения были, очевидно, своеобразной формой пассивного протеста против вмешательства царских властей в жизнь населения.

Вероятно также, что члены комиссии слабо участвовали в ее работе потому, что боялись навлечь на себя гнев трудового населения, которое безусловно отрицательно относилось к таким мероприятиям, как составление списков, учет дворов и т. д.

Возможно, наконец, что члены комиссии, принадлежавшие к верхушечным слоям городского населения, видели (и вполне справедливо) в мероприятиях царских властей стремление ущемить интересы феодально-клерикальной верхушки, подорвать ее экономическую и политическую силу. Поэтому они либо самоустранялись от участия в работе комиссии, либо саботировали ее мероприятия.

Следует отметить, что после проведения организационных работ в Аулие-Атинском, Перовском, Казалинском уездах, прежде чем начать работы в других уездах с оседлым населением, было решено провести в качестве опыта составление списков в Ташкенте. Это мероприятие встретило много затруднений. «При опасении возбудить открытое противодействие и при нежелании нарушить народные обычаи комиссия даже избегала входить внутрь дворов»[2].

Перед началом работы организационной комиссии,

[1] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 16, д. 55, л. 62.
[2] Туркестан и туркестанцы, стр. 79.

22 января 1868 г., на совещание к генерал-губернатору Кауфману были приглашены улемы, казии, аксакалы и другие почетные жители города.

Во время обсуждения отдельных пунктов проекта «Положения» улемы особенно настойчиво возражали против выборов казиев народом, как противоречащих якобы шариату. Они стремились тем самым восстановить право кази-каляна назначать казиев по своему усмотрению. Улемы считали противоречащим шариату и лишение казиев права приговаривать преступников к смертной казни и телесным наказаниям, истязанию, отсечению частей тела, а также проводить народную перепись. Однако эти возражения были отклонены[1]. Улемы просили также ходатайствовать перед начальством об освобождении представителей высшего духовенства от уплаты хираджа и танап-пули. Но эти просьбы тоже не были приняты во внимание.

Следует отметить, что хотя большинство членов комиссии (40 человек) было из местных жителей, решения принимались по усмотрению представителей царской власти.

Введение местного «самоуправления», «выборы» и перепись внешне прошли спокойно. «Русская партия» одержала верх. В ее руках оказалась вся хозяйственная жизнь многолюдной азиатской части Ташкента. Купеческая олигархия стала хозяйничать в городе, выбирая на административные должности угодных ей людей и перекладывая налоговое бремя на бедноту.

Успешное окончание работ организационной комиссии, несмотря на недовольство местного населения, явилось результатом проводившейся царскими властями политики лавирования и заигрывания с местной знатью.

Представители власти — члены организационной комиссии — добивались поддержки своей деятельности мусульманским духовенством. Когда в комиссии стали высказываться мнения о том, что реформа противоречит шариату, организационная комиссия подыскала соответствующий ривоят и добилась фатвы улемы, согласно которой проект «Положения» был признан отвечающим требованиям и духу мусульманской веры. Но главным фактором, обеспечивающим возможность проведения указанной реформы, была оккупация Туркестана войсками «белого царя». Власть колонизаторов опиралась прежде всего на штыки и пушки царской армии.

[1] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 16, д. 55, л. 3—8.

В своем отчете Кауфман писал: «Несмотря на открытое противодействие оппозиционных элементов в городском населении, руководимых казиями, улемами и другими святошами города, и явную враждебность, высказанную народом к делу переписи, которую предстояло исполнить для введения «Положения», Комиссия благополучно и вполне успешно закончила здесь эту главную свою работу — перепись домов и основанные на ней выборы должностных лиц»[1].

Создание новых органов управления в Ташкенте имело большое значение для укрепления власти царизма во всем крае, так как провал реформы в Ташкенте мог вызвать открытый протест со стороны жителей всего Туркестана[2].

Однако внутри ташкентского общества происходила скрытая, но сильная борьба по вопросу об отношении к новой власти вообще.

Начальник города Россицкий через своих тайных агентов был хорошо осведомлен, что наружному спокойствию нельзя доверять. Некоторые жители города были обвинены в распространении среди населения различных слухов и высланы в г. Верный[3].

Неизвестный автор работы «Туркестан и туркестанцы» (по-видимому, член организационной комиссии) отмечал, что «в больших городах, каковы Ташкент, Джизак, Ходжент и т. п., где множество мечетей, а следовательно, и мулл, комиссии встречали не только затаенное противодействие, но иногда и явное сопротивление.

То же явление встречено и в уезде: Пскент и Старый Чиназ, как наиболее населенные центры, выказали некоторое противодействие»[4].

Царские власти подвергали различным наказаниям тех жителей, которые проявляли «неуважение» к администрации. Наконец население не выдержало и устроило внушительную демонстрацию, которая испугала генерал-губернатора и его чиновников. В самом нача-

[1] К. П. Кауфман, указ. соч., стр. 50.
[2] См. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 20, д. 1094, л. 6—7; А. К. Гейнс, Литературные труды, т. II, СПб., 1898, стр. 725.
[3] См. ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 6, л. 12.
[4] Туркестан и туркестанцы, стр. 83.

ле августа 1869 г. «огромная» толпа, по выражению Кауфмана, собралась перед домом генерал-губернатора и предъявила ему жалобу о том, что население под видом казенных податей облагается различными незаконными сборами, не предусмотренными проектом «Положения», и что это делается по распоряжению хозяйственного общественного управления якобы для покрытия издержек по сбору налогов и по хозяйственному управлению. Кауфман назначил комиссию для расследования дела.

Вскоре после этого начальнику города было подано прошение, скрепленное 100 печатями и 287 подписями (с припиской, что «еще многие не подписались за неимением места в прошении»). Это прошение, явившееся своеобразной реакцией имущих классов на выступление трудящихся в начале августа 1869 г., было подано от имени духовенства, всех почетных лиц города и якобы «всех без изъятия жителей». Составители его просили городские власти не обращать внимания на то, что говорят «некоторые неблагонамеренные люди, желающие нарушить своими беспокойными характерами общественную тишину и спокойствие». Лица, подписавшие этот документ, считали сборы правильными, были готовы их платить и просили, «чтобы дурные люди подверглись примерному наказанию».

Вполне понятно, что трудовые массы города не имели никакого отношения к этой петиции, составленной эксплуататорской верхушкой, которая стремилась войти в доверие к колониальным властям. Царские же чиновники охотно «поверили» в то, что прошение исходит от народа, который якобы по собственной воле признавал правильными мероприятия городских властей.

Назначенная Кауфманом комиссия установила, что денежная отчетность в хозяйственном общественном управлении поставлена очень плохо; многие расходные документы не оправданы расписками получателей (якобы ввиду их неграмотности); нередко в перечне расходов указывались суммы, не соответствующие действительным затратам.

Далее комиссия выяснила, что приговор выборных о раскладке расходов на общественные нужды соответственно экономическому положению плательщиков, подписанный членами хозяйственного управления и некоторыми «почетными лицами», был составлен без всякого совещания со сходом выборных, и распределение жителей по разрядам вовсе не отвечало действительному положению вещей. В частности, разница между окладами по разрядам богатых и бедных хозяйств не соответствовала различию в их имущественном положении.

Было обнаружено составление подложных «приговоров выборных» в интересах более состоятельных жителей, стремившихся переложить тяжесть налогов на трудящиеся массы.

Как выяснила комиссия, бюджетные сметы составлялись самим начальником города, а роль хозяйственного общественного управления ограничивалась перепиской материалов, присылаемых начальником города.

Что же касается верноподданнического заявления, направленного начальнику города зажиточной верхушкой, то комиссия установила, что мысль о подаче этой петиции была внушена самим начальником города Россицким и осуществлена Сеид-Азимом и Шарафием и что первые 60 подписей были сделаны самими членами хозяйственного общественного управления — аксакалами, казиями, родственниками Сеид-Азима и Шарафия, а другие подписи и печати были получены под давлением со стороны членов хозяйственного управления; имелись также случаи, когда один человек расписывался за несколько десятков жителей, не имея на то никаких полномочий.

В своем заключении комиссия вынуждена была констатировать, что «источник всех беспорядков в городском хозяйстве, злоупотреблений власти и произвола как должностных, так и почетных лиц берет свое начало в том ложном направлении, которое приняла сама, поставленная во главу городского управления, русская власть».

Доклад комиссии был по существу настоящим обвинительным актом против хозяйственного общественного управления и начальника города Россицкого.

Россицкий в своем ответе старался опровергнуть каждый пункт обвинения. Кауфман удовольствовался отпиской Россицкого, и дело не получило дальнейшего хода. Ведь любые решительные меры, направленные на разоблачение и привлечение к ответственности виновных в злоупотреблениях, поставили бы Кауфмана во враж-

дебные отношения с теми лицами, которые служили опорой колониального господства царизма в Туркестане.

Система «военно-народного управления» не требовала больших материальных затрат, ибо все должности низовой администрации содержались за счет населения. Царское правительство, стремясь выкачать из завоеванного края как можно больше доходов, видело в «военно-народном управлении» выгодное предприятие.

Должностные лица управления получали определенную долю (5—10%) от собранных ими с населения податей и сборов. Средства на содержание аксакалов, арык-аксакалов взимались с жителей города. Таугачи (ночные сторожа) также содержались за счет населения[1]. Все это открывало широкий простор для всевозможных злоупотреблений.

Хозяйственное общественное управление азиатской части Ташкента в 1868 — 1870 гг. состояло из 20 членов, а в последующие годы (до 1877 г.) — из 12 членов, т. е. от каждой части «старого города» выбиралось по три человека.

Как уже указывалось, первым председателем этого управления был «избран» Шарафий-бай Зейналгабитдинов, давно уже тесно связанный с русскими властями. Он получил звание потомственного почетного гражданина. Такое же звание было присвоено члену хозяйственного общественного управления Ходже Юнусову. Именно они во многом содействовали тому, что значительная часть улемов и муфтиев положительно отнеслась к реформе и поддерживала мероприятия царской власти. Прочие члены общественного хозяйственного управления (богатые купцы Мухаммед Расулев, Мухаммед Сагитбай и др.) также неоднократно получали награды за преданность русской власти.

В 1870 г. было открыто хозяйственное общественное управление европейской части Ташкента, состоявшее из пяти чиновников «военно-народного управления» и четырех домовладельцев данной части города[2], назначавших-

[1] См. ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 13, л. 7—8. По неточным данным, для оплаты туземной администрации с населения азиатской части Ташкента взыскивалось в то время ежегодно по 23 тыс. руб. (см. там же, л. 16, 29).

[2] А. И. Добросмыслов, указ. соч., стр. 111; М. Бродовский, К 35-летию Ташкентского городского общественного управления, стр. 2.

ся военным губернатором. Председателем управления был начальник города.

На обязанности этих управлений лежали раскладка и взимание с населения государственных налогов, земских и общественных сборов и ведение общественного хозяйства города.

Хозяйственные общественные управления Ташкента не могли самостоятельно проводить никаких мероприятий по организации городского хозяйства. Все делалось по распоряжению и с разрешения начальника города либо других вышестоящих административных лиц.

Эти учреждения, по отзыву самих русских чиновников, продемонстрировали «несостоятельность своего существования»[1]. Члены хозяйственного управления европейской части не могли чувствовать себя самостоятельными представителями городского общества. Находясь на государственной службе, они, разумеется, уделяли больше внимания своим прямым служебным обязанностям, нежели общественным интересам, а от этого страдало хозяйство города и его население.

Население европейской части Ташкента непрерывно увеличивалось как за счет вновь прибывающих, так и за счет местных жителей. С ростом населения расширялась и территория города, повышались общественные потребности и расходы, а вместе с тем увеличивался и круг действия общественного хозяйственного управления.

Кроме того, многое из городского хозяйства и статей расходов было настолько общим для обеих частей города, что выделить их в распоряжение того или другого управления просто не представлялось возможным. Сюда относились, например, содержание лиц, заведующих ирригационными сооружениями, полиции, устройство и ремонт улиц и дорог, освещение города и т. д. Точно так же не представлялось возможным разделить и некоторые из источников городского дохода (например, сбор с документов на право торговли, промысловые сборы и т. д.). Искусственное разделение управления и общих интересов двух частей Ташкента оказывало вредное влияние на городское хозяйство.

Это разделение было вредным и потому, что одно из управлений состояло исключительно из местных жителей, не знакомых с новыми порядками ведения го-

[1] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 16, д. 1133, л. 39.

родского хозяйства, с действующими законами и даже с русским языком, тогда как другое управление имело в своем составе только русских, не знакомых с местными законами и обычаями. При таком порядке вещей между обоими управлениями не могло быть единства действий в проведении мероприятий, необходимых для всего города.

Больше того, этим искусственным разделением управлений и интересов двух частей Ташкента в известной степени намеренно поддерживалась национальная рознь между русскими и местными жителями. Разделение мешало сближению двух народов, что было выгодно царизму, русским помещикам и капиталистам.

ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ТАШКЕНТОМ ПО ГОРОДОВОМУ ПОЛОЖЕНИЮ 1870 ГОДА

Превращение Ташкента в центр Туркестанского генерал-губернаторства способствовало дальнейшему росту этого крупнейшего города Средней Азии. Однако созданные царскими властями хозяйственные общественные управления не удовлетворяли самых насущных нужд растущего населения и хозяйства Ташкента. Поэтому в 1871 г. был поднят вопрос об организации для управления городским хозяйством думы на началах общероссийского городового положения 1870 г.

В 1872 г. этот вопрос рассматривался общим присутствием Сыр-Дарьинского областного правления, которое выработало проект применения городового положения 1870 г. (с изменениями и дополнениями) к г. Ташкенту. Однако этот вопрос не получил окончательного разрешения до 1877 г.

В 1877 г. туркестанский генерал-губернатор создал специальную комиссию по введению в Ташкенте городового положения 1870 г. Председателем ее был назначен военный губернатор Сыр-Дарьинской области. На эту комиссию были возложены предварительные работы по введению в Ташкенте городского управления, которые начались с июня 1877 г. Применение городового положения означало прежде всего образование в Ташкенте единого городского общественного управления.

Комиссия должна была заняться составлением списков избирателей, провести выборы городского общественного управления и т. п.

Право участия в выборах гласных предоставлялось жителям Ташкента, достигшим 25 лет, являющимся русскими подданными, владеющим в городе недвижимой собственностью, платящим городской налог по торговым и промысловым свидетельствам, не имеющим за собой недоимок по городским сборам и не опороченным судом или следствием[1].

Все избиратели вносились в списки в том порядке, в каком они следовали по сумме причитающихся с них налогов. Они делились на три разряда: к первому причислялись крупнейшие налогоплательщики, вносившие вместе ⅓ часть сборов, следующих со всех избирателей; ко второму разряду принадлежали менее крупные налогоплательщики, также вносившие ⅓ сборов, а к третьему — остальные избиратели.

Каждый разряд составлял особое избирательное собрание под председательством городского головы и выбирал ⅓ гласных в городскую думу. Лица нехристианского вероисповедания могли избирать из своей среды не более ⅓ гласных думы, а остальные должны были быть избраны из христиан-русских. Число гласных определялось в количестве не более 72 человек[2].

Согласно выработанным комиссией положениям, правом голоса на городских выборах пользовались (через своих представителей) также мечети, медресе или другие учреждения, владеющие в городе недвижимостью, включая вакуфы, с которых взимались сборы. Одна треть членов городской управы должна была избираться из местных жителей, знающих русский язык[3].

Пассивным избирательным правом пользовались только жители соответствующей части города. Русские, переселившиеся в азиатскую часть, по активному и пассивному избирательному праву приравнивались к местным жителям. Городского голову назначал генерал-губернатор.

Эта система самоуправления, сохранившаяся до 1917 г., была построена, как мы видим, на классовых началах; избиратели распределялись по куриям в соответствии с имущественным цензом; каждая курия вне

---

[1] См. ст. 17 городового положения, ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 16, д. 1650, л. 5.

[2] ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 1328, л. 18—19.

[3] Там же, ф. 1, оп. 16, д. 1133, л. 17—18.

зависимости от числа лиц, входивших в нее, избирала одинаковое число представителей в городскую думу. Это обеспечивало преобладание в думе представителей состоятельных групп населения — домовладельцев, заводчиков, купцов.

Кроме того, городовое положение 1870 г. было применено к Ташкенту так, что оно обеспечивало сохранение всей власти в городе в руках царской администрации. Предоставление же 1/3 мест в городском самоуправлении представителям коренного населения объяснялось стремлением царизма превратить имущее меньшинство местного населения в опору своей колониальной власти в Туркестане.

Царскими медалями и другими наградами был создан, по словам Наливкина, класс «почетных туземцев». Эти люди занимали все должности так называемой туземной администрации и безнаказанно грабили народные массы.

В лице «народных избранников» царская власть получила, таким образом, даровую низовую администрацию, которая служила проводником всей системы мероприятий колониальных властей.

9 августа 1877 г. генерал-губернатор назначил городским головой начальника города полковника Пукалова.

16 августа 1877 г. начались выборы гласных в Ташкентскую городскую думу. В ее состав были избраны:

а) гласными 1-го разряда — 24 человека, из них 6 местных жителей;

б) гласными 2-го разряда — 23 человека, из них 8 местных жителей;

в) гласными 3-го разряда — 24 человека, из них 7 местных жителей;

г) кандидатами в гласные — 44 человека, из них 32 местных жителя[1].

30 августа 1877 г. состоялось открытие Ташкентской городской думы.

5 сентября 1877 г. были проведены выборы шести членов городской управы. Было выбрано четыре человека от русского населения (Максимович, Зуев, Келлер, Розенфельд) и два — от местных жителей (Батыршин и Мулла Юльчи Тойчибаев). Все они принадлежали к

[1] М. Бродовский, К 35-летию Ташкентского городского общественного управления, стр. 7—12.

верхушке городского общества. Фактически местных жителей в управе представлял один Тойчибаев, ибо врач Батыршин прибыл из России в Ташкент после его завоевания. Вскоре Батыршин и Розенфельд отказались от службы в городской думе, и с того времени состав членов управы (в количестве 4 человек) оставался неизменным до 1 июля 1907 г.[1].

Несколько позднее было избрано 11 совещательных членов управы, в том числе два местных жителя.[2]

На вновь созданное Ташкентское городское общественное управление, согласно городовому положению 1870 г., возлагалось «попечение и распоряжение по городскому хозяйству и благоустройству»[3]. Городское общественное управление состояло из: а) городских избирательных собраний, б) городской думы и в) городской управы.

Городское избирательное собрание выбирало уполномоченных (гласных) в состав думы, которая избирала членов городской управы.

Городская дума имела распорядительную власть, городская управа — исполнительную. Общий надзор за правильностью и законностью действий этих учреждений по тем делам, которые не подлежали решению гражданских судов, осуществлял военный губернатор, а решение дел, подлежащих ведению гражданских судов, — особое областное по городским делам присутствие[4].

Думе предоставлялись права:

1) назначения должностных лиц по общественному управлению в состав городской управы;

2) назначения этим лицам содержания;

3) установления и уменьшения размеров городских сборов и налогов;

4) определения городских расходов и утверждения городских смет;

5) рассмотрения и утверждения отчетов о сборе и употреблении городских сумм, о заведовании городскими имуществами и вообще о действиях управы;

6) установления правил для заведования городскими имуществами, сооружениями, заведениями;

[1] М. Бродовский, указ. соч., стр. 34.
[2] Там же.
[3] ЦГИА, УзССР, ф. 36, д. 1328, л. 18.
[4] Там же.

7) определения общего порядка действий управы и т. д.[1]

Но в правилах о применении городового положения к Ташкенту указывалось, что решения думы об отдаче земель в чье-либо исключительное пользование, установление новых сборов, определения о заимопоручательствах или гарантиях от города и т. п. могут осуществляться только после утверждения их генерал-губернатором[2]. Это фактически сводило на нет всю самостоятельность думы.

В фондах Ташкентской городской думы, управы и некоторых других фондах ЦГИА УзССР сохранилось немало решений по различным вопросам городской жизни. Но эти решения не были осуществлены из-за противодействия начальника края или военного губернатора Сыр-Дарьинской области.

Городская управа состояла из избранных думой членов. На нее возлагалось непосредственное заведование делами городского хозяйства и общественного управления, исполнение определений думы, сбор необходимых сведений, составление проектов городских смет, взимание и расходование городских сборов на установленных думой основаниях и предоставление думе отчета о своей деятельности[3].

Должности городского головы и председателя думы совмещал начальник города, благодаря чему почти вся власть в Ташкенте находилась в его руках. Это было сделано в целях ограничения прав и полномочий городского общественного управления.

Такая практика, по существу лишавшая городское общественное управление и без того куцых прав, предоставленных ему положением 1870 г., служила укреплению в крае власти царизма, тормозила развитие города.

Все это вызвало неодобрение и противодействие со стороны самих гласных городской думы, и в 1880 г. начальник города Пукалов вынужден был просить военного губернатора освободить его от обязанностей городского головы, но не получил положительного ответа. В начале 1881 г. он повторил свою просьбу, и генерал-губернатор был вынужден предоставить городскому об-

[1] ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 1328, л. 18—19.
[2] Там же, ф. 1, оп. 16, д. 1133, л. 19—20.
[3] Там же, ф. 36, д. 1328, л. 18—19.

ществу дело назначения городского головы. Эта уступка, очевидно, явилась результатом не только противодействия со стороны самих гласных, но и недовольства широких слоев населения Ташкента.

До выборов городского головы исполнение его обязанностей было возложено на члена управы Максимовича. Однако генерал-губернатор просил Пукалова руководить организацией выборов. Пукалов принял это предложение и продолжал именоваться городским головой.

Такое своеобразное «двоевластие» совершенно справедливо возбудило в населении «толки и недоразумения». Тогда все обязанности городского головы в ноябре 1881 г. были снова возложены (до окончания выборов) на Пукалова. Вообще же в это время военный губернатор не раз ходатайствовал о том, чтобы и впредь право назначения городского головы было сохранено за ним.

Наконец, в конце 1882 г. городским головой был избран Максимович, но вскоре его отстранили от этой должности и привлекли к суду за злоупотребления в деле строительства почтовых станций. Затем примерно в течение двух лет должность городского головы временно исполнял купец Кожевников.

«Деятельность городского общественного управления за это время почти приостановилась и все функции незаметно для него самого перешли к начальнику города»[1]. «Начальник города, — как указывалось в докладе военного губернатора Сыр-Дарьинской области от 15 сентября 1884 г., — взимает все налоги в пользу города, а управа только принимает платежи. Он заведывает ирригацией в туземном городе..., многое производится непосредственно по его распоряжению..., часть санитарная поддерживается единственно полицейскими мерами, под руководством начальника города»[2].

«Городской голова в глазах туземцев,—писал военный губернатор, —есть не что иное, как бай, купец, между тем, начальник города есть хаким, тюра[3]» (правитель. — *Ф. А.*). Население в случае необходимости

[1] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 16, д. 1133, л. 78.
[2] Там же, л. 79.
[3] Там же.

обращалось не к городскому голове, а к начальнику города.

В 1884 г. генерал-губернатор снова назначил городским головой начальника города (полковника Путинцева). Таким образом, жизнь города была поставлена в полную зависимость от административно-полицейской власти.

В 1886 г. было утверждено новое «Положение» об управлении Туркестанским краем, по которому городское общественное управление в Ташкенте не было предусмотрено. Но правительствующий сенат решил сохранить в Ташкенте существовавшее городское общественное управление впредь до законодательного утверждения особого «Положения» для Ташкента.

31 января 1889 г. последовал указ правительства о распространении на Ташкент городового положения 1870 г. с некоторыми изменениями и дополнениями, согласно которым 1/3 гласных городской думы должна была избираться отдельно азиатской частью города из среды его населения, а 2/3 — русской частью, исключительно из русских жителей. Городской голова должен был назначаться властями с последующим утверждением военным министром. Положение предусматривало также, чтобы при избрании членов городской управы из местных жителей (в количестве одной трети) преимущество отдавалось знающим русский язык[1]. Арык-аксакалы должны были назначаться по выбору думы.

Городской голова должен был председательствовать на избирательных собраниях, в думе и в управе (ст. ст. 30, 48, 70); причем в управе как в коллегиальном и постоянно действующем учреждении занятия должны были происходить ежедневно. Присутствие городского головы на заседаниях управы было обязательным, ибо сношения управы с губернским начальством должны были производиться не иначе, как через городского голову (ст. 81 «Положения»).

Совершенно очевидно, что при таких условиях неминуемо должны были быть упущения по той или другой части управления и все дела исполнялись бы только формально.

С 1868 г. во главе полиции стоял начальник города, при котором находились два помощника. Трудно представить себе, чтобы лицо, одновременно соединявшее в себе и начальника города и городского голову, могло бы в момент исполнения своих обязанностей начальника полиции отстаивать интересы населения города (что входило в обязанности городского головы), которые зачастую шли вразрез с интересами полиции.

[1] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 16, д. 1995, л. 80; ф. 17, д. 2034, л. 21.

В январе 1883 г. генерал-губернатор Черняев учредил должность младшего помощника начальника города из местных жителей. Учреждение этой должности он мотивировал часто повторяющимися в азиатской части города случаями воровства, грабежа и разбоя, что свидетельствовало якобы о неудовлетворительности полицейского надзора, осуществляемого четырьмя городскими аксакалами.

В обязанности младшего помощника начальника города входили «охрана спокойствия и безопасности города, преимущественно в ночное время, а также надзор за ненадежными и временно пребывающими в городе людьми, розыск преступников и подозреваемых лиц»[1]. При этом с аксакалов не слагались полицейские обязанности, и в этом отношении они находились в прямом подчинении младшего помощника; по другим же вопросам (сбор податей, исполнение решений казиев и т. п.) аксакалы находились в непосредственном подчинении начальника города.

В распоряжении младшего помощника были 4 конных стражника, 8 конных и 68 пеших джигитов, а в непосредственном распоряжении аксакалов осталось лишь 7 джигитов вместо прежних 15.

Все расходы по содержанию младшего помощника и его подчиненных, составлявшие в год 12 тыс. руб., были отнесены на счет населения азиатской части Ташкента.

Первым младшим помощником начальника города из местного населения был один из состоятельных жителей Ташкента Надыр Мухамедов[2].

В 1883 г. генерал-губернатор Черняев упразднил существовавшее со времени Кауфмана ирригационное

[1] Приказы по военно-народному управлению Туркестанского генерал-губернаторства, Приказ от 6 января 1883 г., № 3, «Туркестанские ведомости», 1883, № 2.

[2] ЦГИА УзССР, ф. 17, д. 675, л. 2; Приказы по военно-народному управлению Туркестанского генерал-губернаторства, Приказ от 6 января 1883 г., № 3, «Туркестанские ведомости», 1883, № 2.

управление г. Ташкента и Кураминского уезда. Вместо него было учреждено так называемое арычное управление, ведавшее орошением земель по правую сторону Чирчика, отдельно от Кураминского уезда. Вся эта местность была разделена на шесть арык-аксакальств: Киргизское, Шейхантаурское, Себзарское, Кокчинское, Беш-Агачское и арык-аксакальство русской части города.

Согласно распоряжению генерал-губернатора, все арык-аксакалы, кроме арык-аксакала русской части города, должны были избираться населением, а мирабы назначались самими арык-аксакалами. Для решения наиболее важных вопросов орошения арык-аксакалы составляли постоянную арычную комиссию. Споры и тяжбы о воде разбирались арык-аксакалами; если же их решение не удовлетворяло спорщиков, дело передавалось в комиссию арык-аксакалов, а в случае особой необходимости — начальнику города.

Выборы лиц «туземной» администрации производились чисто формально; при этом широко практиковались подкупы пятидесятников[1] «влиятельными» лицами —баями, стремившимися провести на должности «туземной» администрации угодных им лиц. Например, в 1880 г. за день до выборов казия Шейхантаурской части некто Сеид Азимбай подкупил 32 пятидесятника, раздав им по 25 руб. и больше[2].

Вначале на каждую должность «туземной» администрации выбирались по два кандидата; тот, кто получил большинство голосов, утверждался в соответствующей должности. С 1882 г. был утвержден новый порядок, предусматривавший выбор трех кандидатов на каждую должность. Если раньше кандидаты на должности, помимо угощения, дарили непосредственно выборщикам халаты и деньги, то теперь подарки стали отдавать постороннему лицу, которое раздавало их выборщикам лишь после утверждения кандидата в должности. Таким образом, получаемая должность обходилась кандидату еще дороже, ибо он вынужден был не только подкупать выборных, но и давать взятку начальнику или лицу, от которого зависело его утверждение. После своего утверждения в должности кандидаты с лихвой возмещали эти расходы путем повышения сборов с населения. Итак, вся тяжесть «выборной кампании» в конечном счете ложилась на плечи трудового народа.

Как отмечала газета «Туркестанские ведомости», соперничавшие партии при выборах пускали в ход различные интриги, чтобы провести своих кандидатов. «Подкупы, шантажи, закармливание выборных — все считается в этих случаях дозволенным. Выборы — это праздник пятидесятников, которые не стесняясь торгуются, иногда берут вперед с обоих кандидатов и потом возвращают взятые прокаченному на вороных»[1].

В феврале 1884 г. Черняев был назначен членом Военного Совета и переведен в Петербург. Место генерал-губернатора Туркестана занял Розенбах, который в том же году ввел новые правила выборов, обеспечивавшие назначение на должности «туземной» администрации лиц по выбору генерал-губернатора, причем на более длительный период (на пять лет вместо трех). Согласно этим правилам, народ стал «выбирать» четырех кандидатов в волостные, трех — в казии и двух — в бии. Из них власти утверждали в должности наиболее подходящих лиц. Однако все эти правила не были узаконены при утверждении окончательной редакции «Положения» 1886 г.

Следует отметить, что царские власти первоначально были склонны оставить полицейский надзор в туземной части Ташкента в ведении местных жителей. Даже «Положение об управлении Туркестанским краем» 1886 г. ограничилось переименованием аксакалов (старост) в старшины. Высший полицейский надзор вверялся назначенному военным губернатором старшему аксакалу, которому были подчинены низшие полицейские чины из местных жителей. В 1892 г. это положение было изменено, но не ради обеспечения городского благоустройства, а вследствие возникшего неожиданно для властей волнения 24 июня 1892 г. («холерный бунт»).

Слухи о том, что «толпой», выкрикивавшей лозунги «священной войны», руководили два ишана (эти слухи на суде остались недоказанными), послужили поводом к изъятию полицейских функций у аксакалов и передаче их

[1] Пятидесятников избирали лишь для выборов аксакалов и казиев, а затем они не должны были нести никаких служебных и общественных обязанностей, См. ЦГИА УзССР, ф. 17, д. 4193, л. 5.

[2] ЦГИА УзССР, ф. 17, д. 3673, л. 1.

[1] На выборах в узбекской волости, «Туркестанские ведомости», 1883, № 12.

русскому полицмейстеру с двумя приставами и двумя их помощниками. Должность старшего аксакала была упразднена.

Обычно полицмейстер азиатской части назывался помощником начальника города; местные жители называли его, как и уездных начальников, хакимом (правителем). Штат полиции и в азиатской и в русской части города состоял в основном из местных жителей. В русской части города полицейскими делами с 1868 г. до января 1887 г. ведали городничий и его помощники — приставы (до 1884 г. — один, а с 1884 г. до 1887 г. — два). В 1892 г. к ним были добавлены два помощника пристава, а число полицейских определено в 89 человек.

С самого начала применения городового положения 1870 г. к Ташкенту круг действия городского общественного управления, как уже отмечалось, был ограничен различными изменениями и добавлениями. Еще тогда генерал Кауфман не счел возможным предоставить право самостоятельных действий ташкентскому городскому обществу. Кауфман нарушал основной принцип самоуправления, устанавливая собственной властью такие обязательные для города расходы, которые вообще не предусматривались городовым положением. Эти расходы не приносившие ничего хорошего городскому хозяйству, в период ревизии края сенатором Ф. К. Гирсом (1882) составляли 1/5 всех городских доходов[1]. Дорожное и строительное хозяйство в Ташкенте содержалось в несравненно худшем состоянии, чем в других городах края. Причины этих беспорядков генерал-губернатор Вревский видел в осуществлении городского самоуправления[2].

По утверждению Вревского, гласные думы состояли из «растленной среды» разночинцев, мелких торговцев, чиновников, потерявших свое служебное положение, адвокатов и разного рода дельцов, искавших в звании гласного лишь средства для удовлетворения своих личных интересов; среди них не было якобы благонадежных элементов, достаточно зрелых в понимании политического и гражданского долга[1].

Здесь уместно отметить, что сама система управления, основанная на военном произволе царской администрации и на подкупности местных «народных» властей, открывала широкий простор для всяких злоупотреблений.

После занятия Ташкента и присоединения других районов Туркестанского края к России сюда на службу приезжали различные люди. Одни ехали в Ташкент, прельстившись повышенным содержанием и сокращением срока службы, необходимого для получения пенсии, другие — в надежде легко нажить богатства. Большая часть лиц приезжала в Ташкент в надежде поправить расшатанное долгами состояние; многих выслали за долги. В отдельных случаях причиной приезда в Туркестан были разного рода неприятности по службе или личного порядка, не позволявшие отдельным лицам жить в других местностях империи. Военнослужащие, случайно попавшие в край, быстро достигали «степеней известных». На Ташкент в то время смотрели как на исправительное заведение.

Вот что писал, например, А. И. Добросмыслов о чиновниках Ташкентской городской управы: «Членами городской управы за 33 года ее существования состояли, в большинстве, люди случайные, не подготовленные к ведению городского хозяйства. В числе членов было много бывших чиновников..., имевших иногда крупные темные пятнышки в прошлом... за весь период существования управы в должности членов было не менее 40 человек, но из них только не более четвертой части соответствовали своему назначению, а остальные больше суетились и аккуратно получали содержание»[2].

Бывали случаи, когда члены управы привлекались к судебной ответственности за бездействие и превышение власти.

По мнению царских сатрапов, все звенья управления должны были быть сосредоточены в руках генерал-губернатора и его чиновничьего аппарата. Само существование городского самоуправления рассматривалось генерал-губернатором Вревским и подобными ему лицами как явле-

[1] См. Ф. К. Гирс, указ. соч., стр. 17. Значительная часть городских доходов расходовалась на обстановку мебелью помещений уездных начальников, ремонт зданий, награды и добавочное жалование чинам уездных управлений, на строительные нужды в уездах и т. д. См. циркуляр и. д. туркестанского генерал-губернатора Колпаковского, «Туркестанские ведомости», 1882, № 10.

[2] См. «Всеподданнейший отчет по Туркестанскому генерал-губернаторству, 1889—1895 гг.», СПб., 1895, стр. 48.

[1] См. «Всеподданнейший отчет по Туркестанскому генерал-губернаторству, 1889—1895 гг.», стр. 48—49.

[2] А. И. Добросмыслов, указ. соч., стр. 120.

ние, ущемляющее их неограниченную власть в крае, а следовательно, как недопустимый демократизм.

Генерал-губернатора и его окружение больше всего беспокоила возможность «развращающего влияния самоуправления на умы местного населения». В существовании Ташкентской городской думы, как и не зависимого от администрации народного суда, введенного «Положением» 12 июня 1886 г., они усматривали подрыв своего авторитета и опасались, что самоуправление вызовет активизацию общественной жизни, что, разумеется, не входило в планы царских колонизаторов. Поэтому барон Вревский всячески старался не допустить создания в крае даже такой жалкой карикатуры на самоуправление, как Ташкентская городская дума. В свое время Вревский (1889 — 1898), выражая точку зрения реакционных кругов, стремившихся в интересах русских помещиков и капиталистов превратить народы Туркестана в безропотных рабов, вошел даже с ходатайством в правительство об упразднении думы[1] или, по крайней мере, о замене городового положения 1870 г. положением 1890 г. Поднят был также вопрос о подчинении суда администрации или, по крайней мере, о введении по образцу внутренней России положения о земских начальниках. Вревский считал необходимым уничтожить выборный порядок замещения должностей туземных судей — казиев и биев.

Гласные думы состояли в основном из лиц, угодных царской администрации; среди них были своекорыстные дельцы, настоящие «господа ташкентцы», которые использовали думу только для удовлетворения своих личных интересов. Они-то главным образом и превращали думу в арену порой довольно бурных, но совершенно беспредметных «словопрений», что, безусловно, мешало думе занять подобающее ей место.

Большинство гласных рассматривало свою должность как дополнительный источник дохода. Тяжбы, вопросы откупа весовых сборов и т. д. они решали по принципу «кто больше даст».

Что же касается гласных из местного населения, то они являлись представителями богатейшей верхушки и клерикальных слоев Ташкента и, естественно, были весьма далеки от защиты интересов трудящихся. Отстаивая

[1] См. «Всеподданнейший отчет по Туркестанскому генерал-губернаторству, 1889—1895 гг.», стр. 48.

свои узкоклассовые интересы, они, если это было нужно, блокировались с представителями царизма и, легко забывая о нуждах и запросах местных трудящихся, помогали проводить в жизнь мероприятия, выгодные и угодные русским капиталистам, местным баям и купцам.

Однако мы не должны забывать, что некоторые гласные были действительно заинтересованы в организации думы на уровне, более или менее отвечающем элементарным требованиям городского общественного хозяйства.

Именно эти гласные чаще выступали с предложениями, направленными на улучшение общественного хозяйства города, требовали более целесообразного расходования городских средств, протестовали против расхищения городского имущества, злоупотреблений, введения обременительных налогов и сборов, настаивали на улучшении медицинского обслуживания местного населения, призывали уделять больше внимания вопросам благоустройства города и т. д.

По существу эти выступления прогрессивной части гласных в защиту прав городского самоуправления означали в тот период и борьбу за политические права народа.

Таким образом, рост русского населения в европейской части Ташкента, все возрастающее административное, политическое и культурное значение города привели к тому, что Ташкент через 12 лет после присоединения к России, в отличие от других среднеазиатских городов, получил самоуправление, хотя и ограниченное.

Предоставление самоуправления Ташкенту, с одной стороны, было вызвано усиливающимся значением города, а с другой — оно было осуществлено по требованию крупной буржуазии русской части населения города.

Надо иметь в виду и тот факт, что введение положения о городском самоуправлении в России явилось результатом осуществления в стране после 1861 г. ряда буржуазных реформ, сыгравших немаловажную роль в развитии российского капитализма.

Система управления, введенная царскими властями в Туркестане, в том числе и в Ташкенте, несмотря на ее колонизаторскую сущность, создавала известные условия для развития производительных сил и проникновения в народное хозяйство края элементов капиталистических отношений.

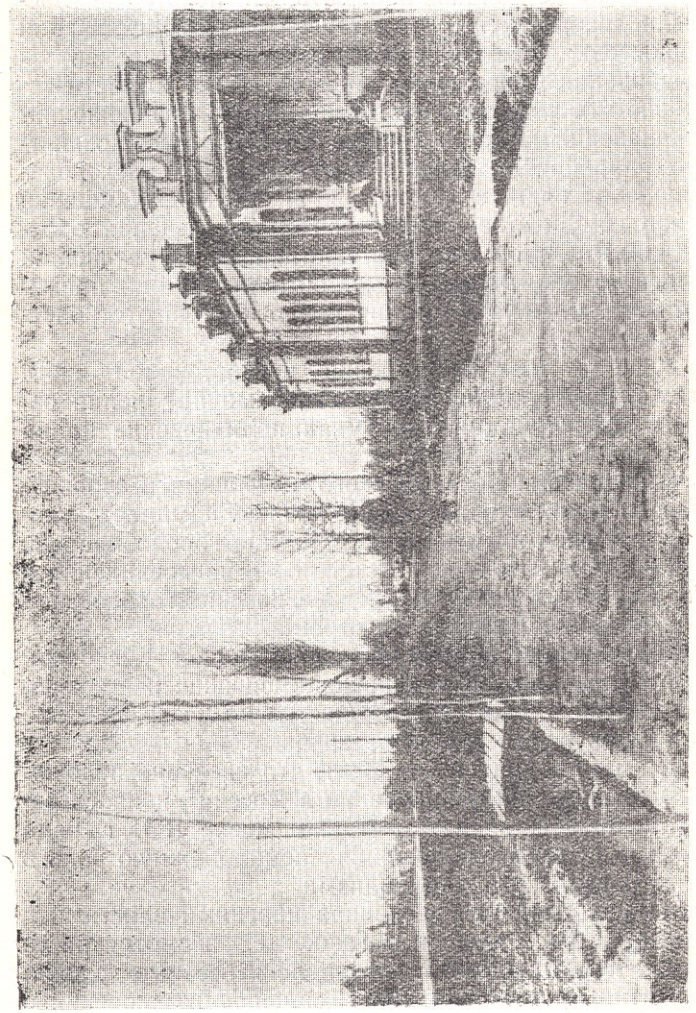

Рис. 7. Лагерный проспект (ныне ул. Пушкина) в „новом городе". Здание Статистического отдела (рядом с нынешним почтамтом).

Предоставление самоуправления Ташкенту, учреждение выборного органа — городской думы,— участие в ней представителей коренного населения, даже при их малочисленности и принадлежности к эксплуататорским классам, выборы низовой («туземной») администрации положили начало привлечению коренного населения к общественной жизни, создавали некоторые условия для его политической активности и способствовали сближению местного населения с представителями прогрессивных слоев русского буржуазного общества.

С введением «Положения» 1886 г. население края впервые получило писаный закон, хотя и продиктованный царскими властями и далекий от защиты интересов трудовых масс.

СУД

Принятое в 1865 г. «Положение об управлении Туркестанской областью» узаконило суд казиев с некоторыми ограничениями и изменениями.

Изменения в структуре этого суда состояли в правовом уравнении всех казиев между собой путем упразднения должности кази-каляна, во введении выборности казиев на определенный срок (три года) и разграничении сферы деятельности казиев по территориальному признаку.

Ограничение власти казиев выразилось в отнесении некоторых важных уголовных преступлений к ведению русского суда и в лишении их права приговаривать преступников к смертной казни и другим тяжким наказаниям, сопряженным с истязаниями.

Как видно из разъяснения генерал-губернатора, данного им в 1879 г. (когда был возбужден вопрос о круге обязанностей и степени власти так называемых народных судов),[1] «народные суды» могли приговаривать виновных к аресту сроком до 3 месяцев; в случае же надобности, по ходатайству «народных судей», военный губернатор мог увеличивать срок заключения.

«Народные суды» имели право налагать и денежные штрафы размером до 300 руб., а для несостоятельных лиц заменять штраф трехмесячным арестом, пригова-

[1] Это разъяснение было дано генерал-губернатором еще в 1877 г. в предписании военному губернатору Ферганской области. См. ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 1584, л. 5—6.

ривать их к общественным работам или заработкам[1]; «народным судам» предоставлялось также право, ходатайствовать о высылке «опасных лиц» в отдаленные места, по усмотрению высшей администрации края.

Таким образом, по проекту «Положения об управлении Сыр-Дарьинской и Семиреченской областями» от 11 августа 1867 г. суд казиев имел две инстанции: 1) казий, решающий гражданские иски окончательно на сумму до 100 руб. (§ 221, 226), и 2) съезд казиев для решения исковых дел на сумму свыше 100 руб. и для уголовных дел, не подведомственных русскому суду.

Этот порядок подсудности отличался от прежних главным образом тем, что в ханские времена одному казию передавались все гражданские дела и уголовные дела меньшей важности, а преступления, сопряженные с тяжкими наказаниями, и тогда разрешались на съездах казиев, созываемых беком по мере надобности под председательством кази-каляна, который в сущности был вершителем судебных дел. Эти съезды казиев не носили тогда характера периодических учреждений, как это стало теперь.

Проект «Положения» от 11 августа 1867 г., коснувшись лишь в общих чертах организации «народного суда», ввел в суде три новшества: выборное начало, съезды «народных» судей и ограничение наказаний. Теперь казии, назначение которых в известном отношении зависело от избирателей, постепенно стали терять свой прежний авторитет.

Вследствие этого, как отмечал в своем докладе К. К. Пален, широко распространилась система подкупа избирателей, и в судьи стали попадать более ловкие люди. «...народный суд стал ареною для сведения личных счетов и орудием эксплуатации населения его же избранниками, стремящимися за время своего нахождения судьей вернуть с избытком подчас весьма крупную сумму, затраченную на выборную агитацию»[2].

В целом же суд казиев был оставлен без существенных изменений, ибо колониальные власти боялись, что их

[1] Арестом заменялись только штрафы не менее 15 руб., поэтому отдача на заработки могла быть допущена взамен штрафов до 15 руб.

[2] К. К. Пален, Народные суды Туркестанского края, СПб., 1909, стр. 8.

вмешательство в дела мусульманского суда может вызвать недовольство духовенства и находившегося под его влиянием населения. Поэтому на первых порах было решено ограничиться приспособлением суда казиев к установленному царизмом режиму.

Степная комиссия в своем проекте «Положения» предусматривала создание русского суда и суда «народного». В устройстве русского суда, как указывалось в объяснительной записке к проекту «Положения» об устройстве судебной части в Туркестанском крае, было предусмотрено отделение суда от администрации. Однако на практике этого не получилось. По существовавшему «Положению», например, приговор военно-судной комиссии не мог быть приведен в исполнение без утверждения его соответствующей административной властью, в частности военным губернатором и другими уполномоченными на это лицами.

Осуществляя непосредственный надзор за уездными судьями, областное правление налагало на них все дисциплинарные взыскания, без предания суду; возбуждая вопрос о предании уездных судей суду, оно само же и судило их. Предоставляя уездным судьям надзор и контроль за деятельностью всех судей, проект «Положения» без всяких оснований уничтожил гарантию независимости последних. Соединение же в областном правлении права надзора и всех дисциплинарных взысканий, права привлечения к ответственности по суду и самих судей, при полном отсутствии прокурорского надзора, ставило правление в положение судьи в собственном деле и смешивало в одном органе права административного характера с судебными.

Подобный характер суда вскоре показал свою несостоятельность. Число дел, подлежащих рассмотрению в русском суде, постепенно возрастало, на имя начальства поступали бесчисленные жалобы на крайнюю медлительность в исполнении решений.

Судебная часть, таким образом, получила в Туркестане временное устройство и вошла в состав областного правления — административного учреждения, состоявшего при этом в ведомстве не Министерства юстиции, а Военного министерства. Права губернских прокуроров были присвоены военным губернаторам. С 1878 г. туркестанский генерал-губернатор принял на себя функции

кассационного суда и начал отменять решения областных правлений.

Циркуляр от 29 января 1880 г. (№ 1244) предоставил военным губернаторам право делать выговоры и замечания судебным следователям и уездным судьям за разные упущения. Это ставило работников суда в полное подчинение военной администрации края.

Не избежал вмешательства генерал-губернаторской канцелярии и так называемый народный суд. Как отмечала ревизия Гирса, бывали случаи «... вмешательства генерал-губернатора в сферу деятельности народного суда, вмешательства не только незаконного, но и не оправдываемого никакими нравственными соображениями»[1].

Это вмешательство выразилось в отмене окончательных решений съездов «народных» судей, при этом некоторые решения передавались для нового рассмотрения на другой съезд, а некоторые «оканчивались» прямо в канцелярии генерал-губернатора. «Кассация решения народного суда зависела исключительно от личного усмотрения генерал-губернатора или от доклада канцелярии»[2].

Согласно циркуляру генерал-губернатора от 17 февраля 1877 г. (№ 1507) военные губернаторы получили право пересмотра всех приговоров «народного» суда по уголовным делам, по которым определялось наказание свыше трехмесячного ареста.

В сентябре 1874 г. была учреждена должность судебного пристава азиатской части города, а в 1877 г.— должность следователя г. Ташкента. Между прочим, Ташкент занимал первое место в области по количеству следственных дел. В течение первых трех лет 80-х годов в городе возникло 400 следствий, т. е. в среднем по 133 в год.

Участок судьи г. Ташкента по количеству дел также был наиболее загруженным. За то же трехлетие в нем возникло 4637 дел, из них 3536 гражданских и 1101 уголовных. В 1880 г. возникло 1463 дела, а в 1882 г.— 1764.

Местным жителям предоставлялось право разбора их дел в русском суде (по обоюдному желанию истца и ответчика). Однако местные жители очень редко обращались к русскому суду: за три года было только три подобных случая[1]. С 1885 г., согласно циркуляру генерал-губернатора от 19 марта 1885 г. (№ 9), за так называемые «ложные доносы» местные жители стали судиться русским судом.

[1] Ф. К. Гирс, указ. соч., стр. 112.
[2] Там же, стр. 23.

В «Положении об управлении Туркестанским краем» 1886 г. название «казий» было заменено званием «народный судья». Согласно «Положению», «народными судьями» могли быть даже неграмотные лица. «Такое отсутствие требования грамотности народного судьи, — как указывала ревизия К. К. Палена, — чрезвычайно понижало умственный уровень судей, а выборное начало уничтожало и нравственный уровень»[2]. Выборы «народных судей», как и должностных лиц «туземной» администрации, производились не непосредственно населением, а пятидесятниками, что значительно облегчало подкупы и интриги при выборах судей.

Бывали случаи, когда «энергичный соискатель на должность народного судьи насильно тащит к себе во двор пятидесятников и держит их у себя несколько недель до самых выборов, на которые и приводит с собою. До чего доходит цинизм подкупа, ярко свидетельствует одно дело Ташкентского окружного суда, к которому в качестве вещественного доказательства приобщен документ, выданный пятидесятнику лицом, стремившимся попасть в народные судьи. Документом этим этот человек обязывался, за подачу голоса в его пользу, уступить пятидесятнику все доходы от дел, которые будут поступать по трем сельским обществам той волости, куда он будет избран в судьи»[3].

Кроме того, отсутствие в «Положении» 1886 г. градаций мер взыскания, хотя бы по родам преступлений, предоставляло «народным судьям» слишком широкий простор в выборе наказаний, и они наказывали обвиняемых по своему усмотрению.

По «Положению» стороны, недовольные единоличным решением судьи, могли в двухнедельний срок обжаловать это решение на съезде «народных судей». При этом «Положение» устанавливало совершенно чуждое «народному суду» различие между окончательными и неокончательными решениями, предоставив право обжа-

[1] Ф. К. Гирс, указ. соч., стр. 105.
[2] К. К. Пален, указ. соч., стр. 11.
[3] Там же.

лования лишь для последних[1]. На практике «народные судьи» использовали это правило в корыстных целях. Судья, принимавший из тех или иных побуждений сторону ответчика, лишал правого истца возможности обжаловать решение, присуждая в его пользу 5 или 10 руб., хотя предъявленный иск выражался в несколько сотен и даже тысяч рублей.

По тем делам, по которым допускались обжалования, апелляционной инстанцией служили съезды «народных судей». Однако они усматривали цель своего участия на съезде в поддержании круговой поруки. Утверждая решения своих коллег, они тем самым обеспечивали неотменяемость и своих приговоров, ограждали своим авторитетом безответственность единоличного судьи за неправосудие и ошибочное решение.

Отсутствие же установленного законом содержания и предельной нормы вознаграждения «народным судьям» создавало широкую возможность скрывать под видом «обычного» вознаграждения принимаемые судьями взятки и притеснять людей, не дававших им мзды и не имевших влиятельной поддержки.

По справедливому замечанию А. И. Добросмыслова, «несправедливость, подкупность судей, лицеприятие и другие пороки сделались явлениями обыкновенными». Жалоб на «народный суд» было очень много, но большинство оставалось «без последствий»[2].

Русский суд по отношению к местным жителям часто заменялся административным распоряжением военного губернатора и начальника города (это особенно характерно было для генерала Головачева и полковника Мединского), которые заключали в тюрьму не только без суда и следствия, но и без всякого письменного решения — достаточно было одного устного распоряжения. Таким же порядком заключенных освобождали из тюрьмы. Эта судебная система, установленная царизмом в Туркестане, имела своей целью укрепление колониальной власти царизма в завоеванном крае и подавление классовой борьбы трудящихся масс против своих угнетателей.

---

[1] Решение судьи, присуждавшее не более 30 руб. штрафа и не свыше 7 дней ареста, признавалось окончательным и обжалованию не подлежало (К. К. Пален, указ. соч., стр. 22).

[2] А. И. Добросмыслов, указ. соч., стр. 108.

Однако следует отметить, что уничтожение должности кази-каляна, уравнение прав казиев, выборность их на определенный срок, ограничение сферы деятельности казиев по территориальному признаку, лишение их права приговаривать к смертной казни и другим тяжким наказаниям, передача русскому суду некоторых важных уголовных дел, введение съездов «народных» судей — все эти новшества были шагом вперед по сравнению с ханскими временами, они в известной степени ограничивали произвол казиев.

Глава третья

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТАШКЕНТА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА. КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ГОРОДЕ

НАСЕЛЕНИЕ

Для определения количества и состава населения Ташкента после присоединения города к России (до конца XIX в.) в нашем распоряжении имеется несколько литературных и архивных источников, но все они, за исключением материалов первой всеобщей переписи 1897 г., дают различные и приближенные сведения.

Эти сведения собирались разными путями; чаще всего аксакалы частей города давали их по памяти, в крайнем случае после дополнительных уточнений состава семей отдельных хозяйств у глав махалля. Так называемые однодневные переписи основывались главным образом на показаниях местных жителей, причем приемы исчисления не были разработаны, а в ряде случаев эта работа проводилась небрежно.

Учрежденное в 1868 г. хозяйственное общественное управление азиатской части Ташкента для сбора налогов с населения должно было выяснить число плательщиков и их экономические возможности. По данным аксакалов четырех частей города, в Ташкенте насчитывалось 11 518 домов[1]. Насколько неправильна эта цифра, показывают более надежные данные переписи, проведенной в том же году организационной комиссией, насчитавшей в Ташкенте 15 500 домов[2] и 76 053 жителя[3]. В возникшей рядом со старым Ташкентом новой, так называемой европейской части города в 1868 г. насчитывалось уже 302 дома[4].

[1] ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 449, л. 21—26.
[2] Там же, ф. 1, оп. 16, д. 55, л. 85—86.
[3] Русский Туркестан, вып. 1, стр. 5.
[4] ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 449, л. 41.

Более подробные сведения о составе и численности населения города дает статистическая перепись 1870 г., согласно которой население обеих частей Ташкента в 1870 г. исчислялось в 78 981 человек, в том числе 75 374 узбека, 420 казахов, 266 евреев, 459 индийцев и цыган. В европейской части города проживало всего 2462 человека гражданского населения, из них 1022 иностранных подданных[1].

По данным начальника города, в азиатской части Ташкента в 1872 г. из 19 164 мужчин, имевших, как говорят источники того времени, «самостоятельное занятие», насчитывалось 6640 земледельцев, 5340 промышленников и ремесленников, 3736 чернорабочих, 3147 торговцев и 301 духовное лицо[2]. Правда, эти данные не совсем верно отражают действительное количество населения, но зато приблизительно показывают социальный состав жителей и их экономическое положение.

В 1872 г. была произведена новая перепись населения Ташкента. Несколько русских чиновников объезжали определенные участки, бывали лично в каждом дворе и отмечали у себя в тетради количество душ, их имущество, род занятий и т. п. Этой переписью было установлено наличие в азиатской части города 12 143 или 12 863 домов и 41 805 или 41 799 жителей[3].

Новая перепись говорит о резком сокращении численности местного населения. Во-первых, это объясняется тем, что в период между двумя переписями от Ташкента отошла прилегающая к городу значительная часть Кураминского уезда, где ташкентцы занимались земледелием. Во-вторых, перепись велась неаккуратно, продолжалась более двух лет и при подведении ее итогов была допущена большая путаница. Поэтому данные этой переписи оказались неточными.

Надо полагать, что многие жители города, занимавшиеся различными видами ремесленного производства

[1] ЦГИА УзССР, ф 1, оп. 16, д. 515, л. 78.
[2] Там же, д. 564, л. 319—320.
[3] ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 963, л. 140—146; д. 175, л. 1—2. Полного комплекта тетрадей переписи 1872 г. не сохранилось; по Бешагачской части нет ни одной тетради; по Кокчинской—сохранилось 5 тетрадей (№ 1—5), где зарегистрировано 1750 домовладельцев; по Себзарской—5 тетрадей (№ 1—4, 8), где зарегистрировано 3317 домовладельцев; по Шейхантаурской — 4 тетради (№ 2—5), где зарегистрировано 1989 домовладельцев (ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 861—870).

и торговлей и одновременно обрабатывавшие небольшие участки под городом, настолько расширили свои земледельческие хозяйства, что должны были переселиться на свой пригородные земли и прекратить побочные занятия.

Дело в том, что в начале 1870 г. хирадж и танапули были заменены поземельной податью. Это, естественно, вызывало расширение запашки, так как постоянная сумма сбора раскладывалась на количество земли и при увеличении земельной площади за каждую единицу ее приходилось платить меньше[1].

Тем не менее, пользуясь данными сохранившихся тетрадей этой переписи, можно выяснить в известной степени и экономическое положение населения Ташкента.

В тетрадях, например, указаны фамилии и имена домовладельцев, количество семей, число жителей мужского и женского пола, число родившихся и умерших, количество скота, размеры обрабатываемой земли, наличие мастерских и лавок, занятия жителей, их «оборотный капитал» и сведения о грамотности населения.

Отдельные графы не совсем понятны. Неясно, за какой период дается число родившихся и умерших; непонятно, что следует подразумевать под «оборотным капиталом». Тут, скорее всего, имелась в виду либо стоимость недвижимого имущества этих лиц, либо размер денежных средств, которые домовладелец мог употребить для занятия торговлей.

Конечно, сообщенные жителями сведения об их «оборотных капиталах» отражают состояние каждого из них лишь приблизительно, ибо данные об «оборотном капитале» давались явно преуменьшенными. Однако данные переписи 1872 г. могут быть использованы для сравнения экономического положения различных слоев городского населения, что даст некоторое представление и о происходившем в то время процессе классового расслоения среди населения Ташкента.

В тетради № 1, содержащей материалы переписи по Кокчинской части города, зарегистрировано 462 домовладельца, проживавших в четырех махалля[2], в том числе:

[1] К. П. Кауфман, указ. соч., стр. 405.
[2] ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 863, л. 1—24.

Сапожников	102	Продавцов халатов	19
Приказчиков	25	Бакаллы (мелкий торговец продуктами питания)	11
Торговцев	84	Работников (?)	11
Мелких торговцев	20	Портных	7
Арбакешей	16	Кузнецов	6
Маклеров	12	Кожевников	5
Шелкомотальщиков	12	Плотников	5
Земледельцев	11	Слесарей	4
Шорников	10	Продавцов кож	7
Мардикеров	10		

Кроме того, перечисляются представители многих других специальностей: продавцы шкур, дров, ичиг, скота, шуб; маслобойщики, штукатуры, красильщики, золотых дел мастера, лудильщики, медники, менялы, жнецы, шелкопряды, подрядчики, вышивальщики, самоварщики (чайханщики), духовные лица (муфтий, имам, азанчи, учителя) и др.

Словом, ознакомление с данными переписи показало, что все эти 462 домовладельца были заняты 72 видами промысла. Оборотный капитал их составлял от 30 до 100 руб., а у отдельных лиц—до 300—400 руб. Среди них были владельцы мастерских, лавок, земельных участков, скота; были и такие лица, которые не имели ничего, кроме жилья. Более 75% этих жителей располагали оборотным капиталом до 200 руб.

Все земельные участки указанных 462 домовладельцев, занятые под садами, хлопчатником, рисом, клевером, составляли около 450 танапов, причем более крупные участки находились в руках торговцев, а остальные хозяйства располагали ничтожными клочками земли[1].

По количеству имеющейся земли эти домовладельцы распределялись следующим образом:

До 1 танапа	115
1—3 „	87
3—5 „	9
5—8 „	5
8—10 „	3
10—15 „	4
15—26 „	4

Из 462 домовладельцев, кроме дома, ничего не имели 140, владели различными мастерскими (по одной) —

[1] ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 863, л. 1—24.

13, маслобойнями — 9, лавками — 85 (из них имели по 2—4 лавки — 29, владели 2—3 домами — 95).

Наличный скот всех 462 домовладельцев состоял из 838 голов (лошадей, рогатого скота, овец, верблюдов и др.) Не имели рогатого скота 359 домовладельцев, лошадей — 192, имели по одной лошади — 235, от 4 до 9 лошадей — 12 домовладельцев и т. д.[1]

Анализ тетрадей с материалами переписи по Себзарской и Шейхантаурской частям дает приблизительно такую же картину имущественного расслоения. Но тут мы видим и лиц, располагающих оборотным капиталом в несколько тысяч рублей. Например, житель Себзарской части купец Махмудбай Касымбаев, имевший оборотный капитал в размере 8 тыс. руб., владел 2051 головой скота (из них 2000 овец, 8 лошадей) и 54 танапами земли (под садами — 6¼ танапа, под пашнями — 26, под клевером — 12, под хлопком — 10 танапов)[2].

В хозяйстве купца Касымбая Пулатбаева, оборотный капитал которого определялся в 3 тыс. руб., насчитывалось 32 головы разного скота (в том числе 10 лошадей), маслобойня, 4 лавки, а земельный участок равнялся 76 танапам, из которых 60 находились под пашнями[3]. В хозяйстве землевладельца Саидбая Пулатбаева, оборотный капитал которого составлял 1000 руб., было 13 голов различного скота (в том числе 4 лошади), 43 танапа земли, в том числе под садами — 3, под пашнями — 16, под клевером — 4 танапа и т. д.[4]

Все эти данные проливают свет на социально-экономическое положение жителей города; они свидетельствуют о том, что зажиточные хозяйства составляли небольшую часть населения, а большинство жителей имели экономически слабые хозяйства.

Из материалов переписи видно, что часть жителей Ташкента, правда незначительная, занималась только земледелием: в Кокчинской части — 12 из 462 домовладельцев, в Себзарской — 17 из 518, в Шейхантаурской — 15 из 524[5].

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 863, л. 1—24.
[2] Там же, д. 870, л. 9—10.
[4] Там же, л. 18—19.
[5] Там же.
[3] Там же, з. 863, тетрадь №1; д. 870, тетрадь № 2; д. 861, тетрадь № 4, стр. 1—24.

Оборотный капитал земледельцев Кокчинской части колебался от 180 до 3 тыс. руб., Себзарской — от 200 до 1 тыс. руб., Шейхантаурской — от 100 до 600 руб. Земельная площадь всех 12 земледельцев Кокчинской части составляла 129,5 танапа (на каждого из них приходилось от 3 до 25,5 танапа); 17 земледельцев Себзарской части имели 273¾ танапа (по 7—30 танапов на каждого); 15 земледельцев Шейхантаурской части — 170 танапов (по 4—38 танапов на каждого).

Изменения, происходившие в составе населения Ташкента со времени его присоединения к России до конца 90-х годов XIX в., можно было бы проследить более детально, если бы статистические данные, относящиеся к этому периоду истории города, были полными.

Статистические сведения (за исключением переписи 1897 г.) о занятиях жителей страдают неопределенностью, ибо статистики в ряде случаев по собственному усмотрению определяли квалификацию того или иного жителя. Они могли, например, назвать и сапожником и земледельцем лицо, занимавшееся сапожным ремеслом и в то же время засевавшее несколько танапов земли.

Например, в сохранившихся тетрадях переписи 1872 г. в отдельных случаях дается указание на два занятия, но все же неизвестно, какое из них можно назвать основным, а какое—подсобным. Под рубрикой «род занятия» у некоторых отмечено: земледелец и продавец масла, торговец клевером и серебряник, продавец халатов и шорник, портной и торговец, мардикер и ткач и т. п. При анализе отдельных тетрадей переписи выяснилось, что под рубрикой «земледелец» значились даже домовладельцы, которые располагали очень небольшими земледельческими хозяйствами. Так, у одного земледельца под пашней находилось ½ танапа, у некоторых лиц под садами, хлопчатником, рисом — всего 3 танапа и т. д.[1] В то же время многие домовладельцы, зарегистрированные как торговцы и купцы, имели гораздо бо́льшие земельные участки (по 30—80 танапов)[2].

Но все же материалы переписи 1872 г. содержат сравнительно подробные сведения о занятиях жителей Ташкента.

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 861, 863, 870.
[2] Там же, д. 870, л. 18—20, 22, 23.

Население города непрерывно росло. В 1877 г., по данным одних аксакалов, население азиатской части составило 51 769 человек, в том числе 49 835 узбеков (сартов), 77 казахов, 1057 индийцев, евреев, татар, иностранцев[1]; по данным других аксакалов, в азиатской части проживало 51 016 человек[2]. Кроме того, имеется еще указание, что в европейской части проживало 2309 узбеков, казахов, евреев. Разница между данными аксакалов (758 человека) не так уж значительна, чтобы повлиять на представление о росте населения Ташкента, и эти сведения вполне возможно признать близкими к истине. Таким образом, с 1872 по 1877 г. численность местного населения Ташкента возросла более чем на 23%.

Все население Ташкента в 1877 г. определялось в 64 795 человек, в том числе 8100 военнослужащих. Население европейской части города выросло (без учета войск и местных жителей) с 2852 человек в 1873 г. до 4926 человек в 1877 г. При этом насчитывалось: 2318 мещан, 473 купца, 1620 отставных военных, 301 жена военных и др.[3]

В это время мы уже замечаем весьма существенное изменение в национальном составе населения европейской части города. В прежние годы там проживали лишь отдельные представители местного населения, а в 1877 г. в этой части города уже было много узбеков (1325 человек) и казахов (707 человек)[4].

Через десять лет, в 1887 г., по данным канцелярии начальника города, в азиатской части Ташкента проживало 105 862 человека, в том числе 41 185 торговцев, 35 437 промышленников, 6471 ремесленник, 4343 земледельца, 14 182 чернорабочих[5].

Н. С. Лыкошин сообщает, что в том же году, по указанию начальника города, была проведена первая так называемая поименная перепись населения на основе расспросных сведений о составе каждого семейства. Для этого жители каждой махалля (прихода) собирались в мечеть, и аксакалы путем опроса глав семейства устанавливали количество членов каждой семьи. В результате было установлено, что население азиатской части составляет 81 504 человека[1].

Разница между данными канцелярии начальника города и данными Н. С. Лыкошина выразилась в весьма солидной цифре (105 862 — 81 504) — 24 358 человек. Учитывая, что в течение одного десятилетия число жителей азиатской части Ташкента не могло увеличиться вдвое и что вторая цифра была установлена в результате поименной переписи, надо полагать, что данные так называемой поименной переписи более близки к действительности. Всего в обеих частях города в 1887 г. проживало 93 504 человека гражданского населения и 14 289 военнослужащих.

Если в 1868 г. в азиатской части Ташкента было 15 500 домов, то в 1889 г. в азиатской части насчитывалось 17 555 жилых зданий, а в европейской — 3697[2].

По данным первой всеобщей переписи населения Российской империи (1897), в Ташкенте в 23 974 хозяйствах насчитывалось 155 673 жителя, в том числе 88 214 мужчин и 67 459 женщин. Местные жители составляли 83,1% населения, уроженцы других уездов Сыр-Дарьинской области — 2,5, других губерний — 13,7, иностранные подданные — 0,7%. Из 155 673 жителей на различных работах было занято 55 350 человек, в том числе 5545 женщин. Из 23 974 хозяйств города наемных работников или прислугу имели всего 2279, или около 10,5% всех хозяйств[3].

Приведенные данные говорят об относительно быстром росте населения Ташкента в рассматриваемый период, причем оно увеличивалось в основном за счет военных, чиновников, купцов и других предпринимателей, выходцев из различных губерний России, а также лиц, прибывавших из разных районов края в поисках работы.

По своему национальному составу население Ташкента было разнородным. Тут проживали узбеки, русские, казахи, татары, таджики, персы, турки, индийцы и другие иностранные подданные.

---

1 ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 1457, л. 70—90.
2 Там же, д. 1528, л. 117—118.
3 Там же, д. 1457, л. 67, 114 и др.
4 Там же, л. 67.
5 Там же, д.2956, л. 263.

1 Н. С. Лыкошин, Население и смертность в туземной части Ташкента, Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, т. 2, Ташкент, 1892, стр. 400.
2 ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 449, л. 77, 78; д. 3912, л. 260—261.
3 Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., под ред. Н. А. Тройницкого, вып. XXXVI, Сыр-Дарьинская область, СПб., 1905, стр. I, VII.

Если допустить, что подавляющее большинство жителей, говоривших на узбекском и таджикском языках, представляло собой коренное население города, то изменения в его составе за период 1872 — 1897 гг. можно проследить частично по данным табл. 1, составленной нами по сведениям переписи 1897 г. о распределении населения Ташкента по группам занятий.

Таблица 1

Род занятий	По данным однодневной переписи 1872 г.*		По данным переписи 1897 г.**	
	количество лиц (без членов семьи)	в % к общему числу (19 164) занятого в различных отраслях мужского населения	количество лиц (без членов семьи)	в % к общему числу (40 806) имевших самостоятельное занятие
Промышленники и ремесленники-кустари	5340	28	15 455	37,9
Торговцы	3147	16	8047	19,7
Земледельцы	6640	35	4137	10,1
Чернорабочие***	3736	19	?	—
Духовенство	301	2	472	1,1

*ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 16, д. 564, л. 319—320.

**Первая всеобщая перепись 1897 г., указ. вып., стр. 4—5 116—117.

***Здесь данные о количестве чернорабочих приводятся только за 1872 г., где они были учтены отдельно. В материалах переписи 1897 г. чернорабочие отдельно не фигурируют. Там имеются данные о лицах, занятых „деятельностью и службой частной, прислуга, поденщики" (8966 человек, из них 7549—из коренного населения). Однако не все лица, вошедшие в это число, были чернорабочими, наемными работниками. К тому же данные о количестве лиц, занимавшихся различной работой, например занятых обработкой металлов (1144 человека), включают также чернорабочих.

Как видно из данных всеобщей переписи 1897 г., подавляющее большинство населения Ташкента состояло из промышленников и ремесленников-кустарей. За ними по своей численности шли занятые «деятельностью и службой частной, поденщики», на третьем месте были торговцы и на четвертом — лица, занимавшиеся земледелием. Городское население еще довольно крепко было связано с землей, совмещая работу в городе с земледельческой работой на своих участках, расположенных как в черте города, так и вне ее. В этом, в частности, проявлялся признак феодального города.

Эти данные позволяют говорить также о проникновении капитализма в Туркестанский край, в том числе в жизнь коренного населения Ташкента. Представители местных трудящихся постепенно втягивались в промышленность и на транспорт, что имело огромное значение в деле формирования местного пролетариата и установления его интернациональных связей с русскими рабочими.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Кустарная промышленность

После присоединения Ташкента к России в ремесленном производстве города не сразу произошли заметные изменения.

По данным М. А. Терентьева, в 1870 г. в Ташкенте насчитывалось до 775 ткацких мастерских с 1550 работниками (стоимость производства этих мастерских составляла тогда 232 500 руб.); красильных — 95, кожевенных — 89 с 890 рабочими и годовой производительностью на сумму 133 500 руб.; мельниц — 174, толчей — 73, кирпичных заводов — 30, мыловаренных — 14[1].

Следует отметить, что данные М. А. Терентьева не совсем точно отражают действительность. По сведениям организационной комиссии, работавшей в начале 1868 г., в Кокчинской части города имелась 341 кожевенная мастерская и 218 сапожных и скорняжных мастерских[2]. В 1872 г. в городе насчитывалось до 500 маслобойных заведений, оборудование которых было весьма примитивным и обходилось не дороже 30 руб.[3]

Авторы «Обзора города Ташкента за 1878 г.» писали, что в Ташкенте имеется очень много различных заведе-

1 См. М. А. Терентьев, Статистические очерки Среднеазиатской России, приложение № 7.

2 ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 16, д. 155, л. 75—77.

3 М. Бродовский, указ.. соч., стр. 82.

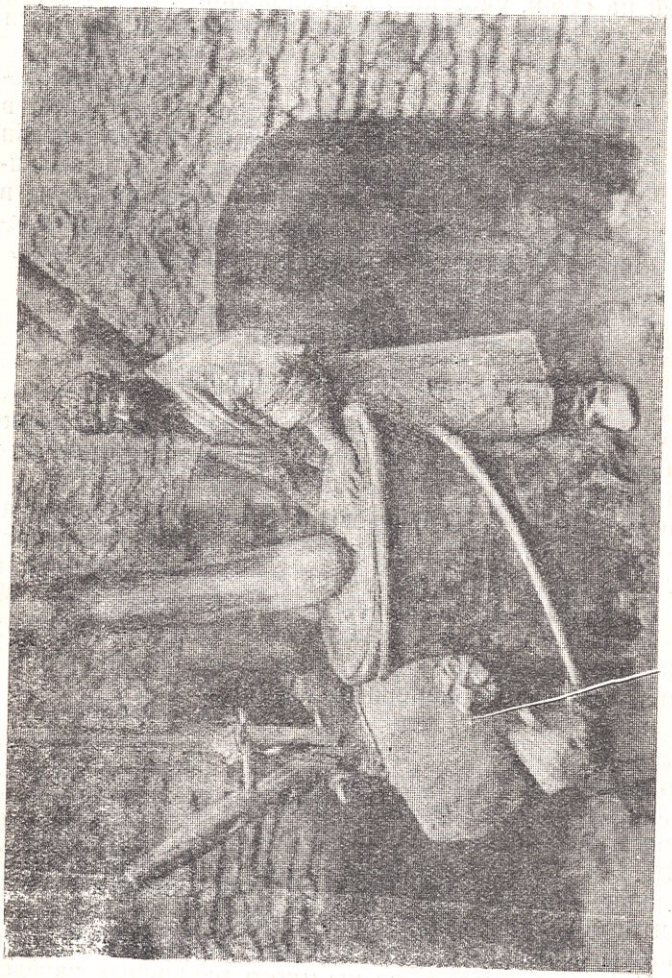

Рис. 8. Кустарное маслобойное производство. Выжимка масла.

ний, и содержатели их являются мастеровыми людьми, работающими самолично и получающими незначительный доход[1]. Ремесленное производство было отсталым в техническом и организационном отношениях; оно велось при ничтожных средствах и несовершенных орудиях труда, причем во многих заведениях был занят один работник.

Это не значит, однако, что кустарная промышленность Туркестана не подвергалась никаким изменениям. После присоединения края к России в жизни и деятельности ремесленников и кустарей произошли заметные изменения, вызванные проникновением капитала из метрополии и развитием в крае капиталистических отношений.

С появлением более крупных заведений мелкие кустарные мастерские приходят в упадок; в некоторых отраслях ремесла, не выдержавших конкуренции с промышленностью метрополии, началось сокращение производства. Уже в «Обзоре города Ташкента за 1879 г.» мы встречаем замечания официальных чиновников о том, что в азиатской части города промышленные заведения то вновь открываются, то закрываются (особенно мельницы, кожевенные, ткацкие, гончарные заведения)[2].

Действительно, что мог сделать владелец местной маслобойни, суточная производительность которой редко превышала 5 фунтов масла, против маслобоен, построенных в 80-е годы русскими предпринимателями, с суточной выработкой до 100 — 150 пудов масла (до 30 тыс. пудов в год). Первая такая маслобойня была построена в 1872 г.[3]

Официальные документы последующих годов (например, отчет генерал-губернатора за 1898 г.) свидетельствуют об усиливающемся с каждым годом проникновении в край продукции фабрик и заводов России и даже заграничных товаров и об упадке отдельных отраслей местной кустарной промышленности[4].

С 80-х годов XIX в. местные кустари начинают производить ткани по образцам русских материй, выписывая для этого пряжу из центральных губерний России.

---

1 ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 1528, л. 141.
2 Там же, ф. 17, д. 3686, л. 5.
3 А. И. Добросмыслов, указ. соч., стр. 392—393; М. Бродовский, указ. соч., стр. 82.
4 ЦГИА УзССР, ф. 269, д. 141, л. 40.

Со временем возрастает привоз тканей из России, и произведения местных мастеров все больше вытесняются с рынка. Занятие ткача стало невыгодным, заработок его оказался ниже заработка чернорабочего, мардикера. Это заставило многих местных ткачей (бузчи) променять свой ткацкий станок на кетмень[1]. Сократились и другие промыслы, связанные с ткачеством; так, резко уменьшилось количество астарчей (подкладочников).

Иногда, правда, местные кустари выходили победителями в этой неравной борьбе. Например, среди местного населения большим спросом пользовались привозные сундуки, обитые раскрашенной жестью. Ташкентские кустари быстро освоились с требованием рынка, нашли способ получать на месте раскрашенную жесть, и их изделия начали успешно конкурировать с привозным товаром.

Жертвами конкуренции стали кустари-кожевники. В кожевенном производстве особое место занимало изготовление зеленой шагрени (местной кожи). Местные шагренщики умели придавать своему товару особую прочность. Но с поступлением на рынок русской кожи и российского кожевенного товара спрос на зеленую шагрень значительно снизился.

Таким образом, как указывал в свое время И. Гейер, некоторые отрасли ремесленного производства в крае были «потрясены до основания и почти уже всосаны фабричной промышленностью Европейской России, выбросившей на местный рынок массу товаров, по дешевизне и по качеству далеко превосходящих изделия туземных кустарей»[2].

К концу 90-х годов сагирчей (шагренщиков) оставалось в городе менее 40 человек и они вполне удовлетворяли спрос местного рынка. Зарабатывал сагирчи не более 30 коп. в день; как и упомянутый выше астарчи, он часто брался за кетмень, считая заработок чернорабочего более выгодным.

Производство халатов, которым в Ташкенте было занято более 1000 семей[3], на рубеже XX в. сильно отли-

[1] Если заработок ткача в день снизился до 20 коп., то поденная плата мардикеру доходила до 80 коп.

[2] И. И. Гейер, Кустарные промыслы в Ташкенте, III, «Русский Туркестан», 1902, № 192.

[3] И. И. Гейер, Весь русский Туркестан, стр. 114. (Швейные машины впервые появились в Ташкенте в 80-х годах.— *Ф. А.*).

налось от их производства лет 20 назад, когда в этом промысле господствовал ручной труд. Теперь первенствующее место заняла швейная машина. Эта эволюция отразилась даже в самом названии лиц, занимавшихся изготовлением халатов: прежние т и к у ч и теперь стали называться м а ш и н а ч и.

Значительные изменения произошли и в распределении труда в этой отрасли. Если раньше главную роль в производстве халатов играли женщины, а мужчины занимались только кройкой и продажей халатов, то теперь первенствующая роль перешла к мужчинам. Машинная работа производилась обыкновенно в лавке на базаре, на виду у всех; поэтому считалось, что шитье на швейной машине приличествует якобы только мужчине.

Машиначи успевал сшить за день три-четыре халата по 20 — 30 коп. за штуку. Часть заработка машиначи отдавал особым швеям — дузанда, которые приготовляли ему работу, приметывая и простегивая подкладку, и гульдар-джигачи — женщинам, обшивавшим халат тесьмой[1].

В то время среди местных кустарей появилось много столяров, плотников, кровельщиков, каменщиков, которые, по признанию авторов «Обзора города Ташкента за 1898 г.», успешно конкурировали с русскими мастеровыми[2].

Таким образом, после присоединения Ташкента к России в ремесленном производстве происходят существенные сдвиги. С одной стороны, началось разорение кустарей в некоторых отраслях, так как произведения промышленности метрополии вытесняли их изделия с рынка, а с другой стороны, происходит усовершенствование работы кустарей, которые стали применять новые инструменты и приемы труда.

В материалах первой всеобщей переписи 1897 г. отмечалось разнообразие кустарных промыслов, производивших почти все необходимые для местного населения предметы; особым спросом пользовались всевозможные деревянные и медные (чеканные) изделия, местные бумажные и шелковые ткани и гончарная посуда.

В изучаемый период в кустарной промышленности Ташкента возникают сравнительно крупные мастерские,

[1] И. Гейер, Весь русский Туркестан, стр. 112—114.

[2] ЦГИА УзССР, ф. 269, д. 141, л. 40.

что свидетельствует о переходе к более высокой форме производства.

В связи с этим уместно вспомнить, «...что капитализм в более развитой области страны или в более развитой области промышленности прогрессирует тем, что стягивает мелких кустарей на механическую фабрику, тогда как в захолустных местностях или в отсталых отраслях промышленности процесс развития капитализма только начинается, проявляясь в возникновении новых производств и промыслов»[1]. С другой стороны, здесь рост капиталистических отношений проявляется уже в вытеснении мелкого промысла фабрикой метрополии[2].

Для ведения производства в относительно широких размерах, с большим числом рабочих требуется довольно значительный капитал. Размер этого капитала и определял форму личного участия хозяина в производстве: если капитал невелик, то сам хозяин работал вместе со своими наемными рабочими. Владелец же более или менее крупного капитала не принимал личного участия в производстве.

В 1891 г. в европейской части Ташкента насчитывалось 12 швейных мастерских[3]. В небольших мастерских число наемных работниц не превышало семи-восьми человек; они трудились вместе со своим хозяином и членами семьи. В более крупных заведениях весь труд выполнялся только наемными рабочими.

На примере этих мастерских можно проследить здесь явления, которые отмечал В. И. Ленин в своем труде «Развитие капитализма в России», говоря о капиталистической простой кооперации, о степени участия хозяина в предприятии в зависимости от величины его капитала[4].

Известно указание К. Маркса о том, что «капиталистическое производство начинается на деле с того момента, когда один и тот же индивидуальный капитал занимает одновременно большее число рабочих... Действие большего числа рабочих в одно и то же время, в одном и том же месте (или,если хотите, на одном и том же поле труда), для производства одного и того же сорта товаров, под командой одного и того же капиталиста, составляет исторически и логически исходный пункт капиталистического производства»[1].

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 2, стр. 354.
[2] См. В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 292, примечание.
[3] Н. Васильев, Швейные мастерские в Ташкенте, стр. 430—431.
[4] В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 308—309.

Такие мастерские в этот период могли быть и среди многочисленной массы кустарных заведений в так называемой азиатской части города. Первые капиталистические заведения как бы тонули в общей массе мелких заведений. И так как «отличие капиталистической мастерской от мастерской мелкого промышленника состоит сначала только в числе одновременно занимаемых рабочих»[2], очень трудно провести это различие, не имея точных данных о наличии подобных заведений в азиатской части Ташкента.

В 90-е годы в Туркестанском крае появились новые отрасли кустарного производства, новые специальности, не известные здесь до присоединения к России. Открылись часовые мастерские, заведения по производству красок, белошвейные, мебельно-обречные и драпировочные, живописные, бондарно-бочарные, рамочные и багетные, мебельные, слесарные (европейские), стекольные мастерские, лесопилки; появились фотографы, кровельщики, маляры и пр.

Хотя некоторыми из этих промыслов занималось не коренное население, а русские мастера, тем не менее эти заведения постепенно становились частью того производства, в котором была занята трудовая часть населения города.

Вообще, по данным статистического комитета Сыр-Дарьинской области, в 1898 г. в Ташкенте насчитывалось 1699 кустарных заведений, где работало 3333 человека. Они производили товаров на сумму 6 756 990 руб.[3] Производительность одного заведения в среднем определялась немногим более 3977 руб.; на одно заведение приходилось в среднем по 1,9 работника; годовой заработок каждого из них выражался в 227,3 руб.

Приведенные цифры рисуют состояние кустарного промысла лишь приблизительно и являются минимальными, ибо при определении производительности и суммы доходов того или иного заведения как их хозяева, так и аксакалы давали преуменьшенные цифры.

[1] К. Маркс, Капитал, т. 1, М., Госполитиздат, 1952, стр. 328.
[2] В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 308.
[3] ЦГИА УзССР, ф. 269, д.. 141, л. 17.

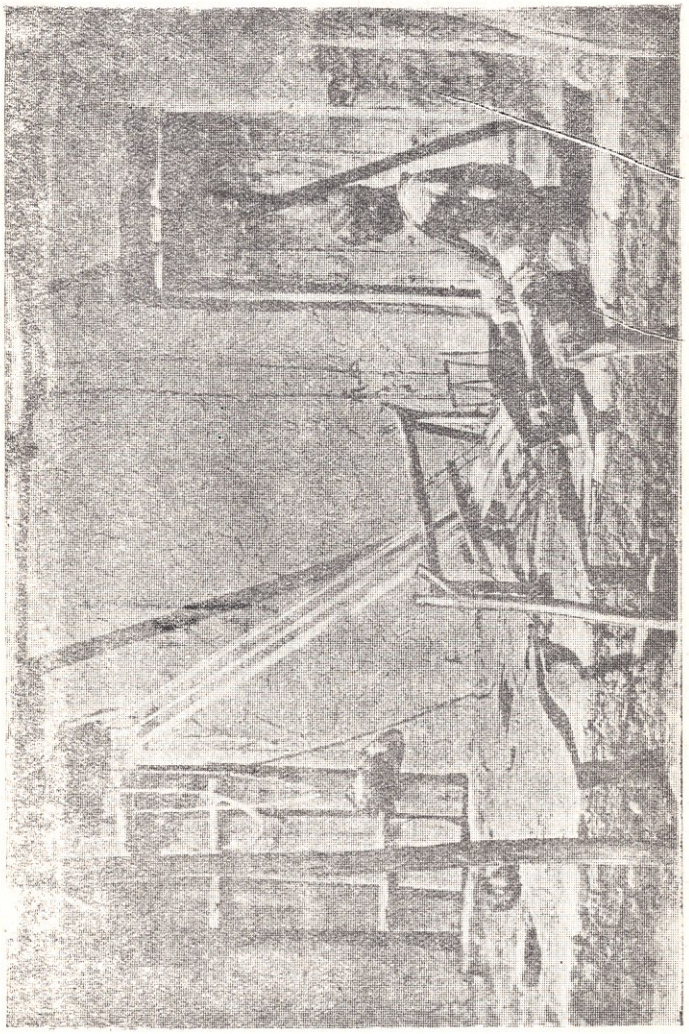

Рис. 9. Ткач за работой.

Для характеристики состояния кустарной промышленности и положения кустарей Ташкента после его присоединения к России известный интерес представляют следующие данные о красильных, кожевенных и гончарных заведениях в 1874 — 1898 гг.

Заведения	1874 г.	1898 г.
Красильные[1]	71	8
Кожевенные[2]	105	65[3]
Гончарные[4]	56	23

Приведенные данные свидетельствуют о том, что количество этих заведений в течение указанного периода значительно сократилось.

Изменение количества кустарных заведений и их производительности по указанным отраслям и по соответствующим годам происходило не совсем равномерно (см. приложение 2).

Если в 1879 г. годовая производительность каждой из 26 гончарных мастерских составляла в среднем 200 руб., то в 1882 г. 12 мастерских выработали продукции на сумму около 242 руб. каждая, в 1884 г. 17 мастерских — 150 руб., в 1885 г. 10 — по 150 руб., в 1889 г. 19 — по 248 руб., а в 1891 г. производительность 32 мастерских составляла по 107 руб. Эти колебания были результатом то роста, то сокращения привоза из метрополии соответствующих видов товаров, конкурировавших с произведениями местных кустарей. Кроме того, данные эти весьма приблизительны, так как статистика того времени обычно ограничивалась расспросами аксакалов (старшин), тех или иных ремесленников, старост рядов.

Эти цифры еще раз подтверждают указание В. И. Ленина о том, что «...пресловутая «самостоятельность» кустарей нисколько не гарантирует от подчинения торговому капиталу, от эксплуатации в ее худшей форме, что *на деле* положение громадной массы этих «самостоятельных» кустарей зачастую *более жалкое*, чем положение наемных рабочих у кустарей, что заработки их поразительно ничтожны, условия труда (по санитарной обстановке и длине рабочего дня) крайне неудовлетворитель-

[1] ЦГИА УзССР, ф. 17, д. 18316, л. 22—27; ф. 269, д. 148, л. 29—30.

[2] Там же, ф. 1, оп. 1, д. 1526, л. 2; ф. 36, д. 3298, л. 95.

[3] Данные за 1891 г.

[4] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 1, д. 1526, л. 2; ф. 269, д. 148, л. 31—32.

Рис. 10. Ремесленное производство. Окраска тканей.

ны, производство раздроблено, технически первобытно и неразвито»[1].

Мы уже приводили указание В. И. Ленина о том, что при научном исследовании надо строго отличать ремесленников (людей, работающих на заказчиков) от кустарей (работающих на рынок — товаропроизводителей).

В. И. Ленин требовал отличать не только кустарей от ремесленников, но и строго отличать от них группу кустарей, работающих на скупщиков (фабрикантов).

Установление и строгое различие кустарей по указанным группам сразу выяснило бы степень развития «кустарной» промышленности, позволило определить наличие и процент зависимых кустарей, степень развития капиталистических отношений в данной отрасли промышленности. Это дало бы возможность установить, насколько «рост товарного производства оттесняет на задний план ремесло, ведет к развитию капитализма и к переходу промысла в руки неземледельцев, т. е. к отделению промышленности от земледелия (или, быть может, к концентрации промыслов в неземледельческом населении)»[2]. К сожалению, имеющийся в нашем распоряжении статистический материал по Туркестану, в частности по Ташкенту, не позволяет провести четкого разделения кустарей и ремесленников.

Кроме того, о степени развития элементов капитализма в кустарной промышленности в тот период трудно говорить определенно и потому, что почти невозможно установить развитие или сокращение того или иного производства точно по годам, ибо составители ведомостей по этим предприятиям не всегда учитывали, какие предприятия работали в прошлом году, а какие временно не работали и потом возобновили свою работу. Поэтому при определении количества тех или других предприятий, хотя мы исходили из тех же источников, эти данные не всегда можно принимать за абсолютно достоверные.

Зарождение и рост фабрично-заводской промышленности

Хотя царизм после завоевания Туркестана стал проводить реакционную колониальную политику, тормозившую промышленное развитие края, тем не менее Туркестан

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 2, стр. 416.
[2] Там же, стр. 338.

был включен в сферу влияния народного хозяйства России, а затем приобщен и к мировому рынку.

После присоединения Туркестана к России сюда в поисках легкой наживы стали приезжать русские военные, гражданские чиновники, капиталисты и иностранцы, которые и развернули на местах свою частную предпринимательскую деятельность.

Этот приток промышленников и ремесленников из центральных, экономически наиболее развитых губерний метрополии в Среднюю Азию был одним из проявлений процесса развития товарного производства, отделения земледелия от промышленности, роста торговли и промышленности вообще, происходившего в пореформенной России. Как указывал В. И. Ленин, — «крестьянин-промышленник..., чувствуя усиление конкуренции вместе с ростом населения и угрожающий мелкому производству рост капиталистической мануфактуры и фабрики, уходит на юг, где «мастеровых» людей еще мало, заработки высоки, а жизнь дешева... Центральные местности страны, обладающие вековой промышленной культурой, помогали таким образом развитию такой же культуры в начинающих заселяться, новых частях страны. Капиталистические отношения... переносились таким образом на всю страну»[1].

Россия в то время переживала промышленный переворот и находилась на пугях капиталистического развития, а потому процесс зарождения капиталистических отношений на территории Туркестанского края происходил в тесной связи с развитием капитализма в Центральной России.

Прибывшие из России промышленники, стремясь получить больше прибылей, стали создавать в Ташкенте и других городах края различные предприятия и заведения, начали разводить новые сорта хлопчатника, табака и др. В первую очередь, частные предприниматели направили свои усилия на организацию винокуренных и пивоваренных заводов, для бесперебойной работы которых на месте имелось необходимое сырье и дешевая рабочая сила.

Такие частнопредпринимательские заведения появлялись в Ташкенте еще до 70-х годов[2]. В 1867 г. в Ташкенте компанией из пяти человек (инженер-технолог Н. В. Ульянов, Н. П. Писаревский, Н. Н. Касьянов, О. И. Плавицкий и Яблонский) была построена первая водяная мельница европейского типа для перемола пшеницы на крупчатку, суточный помол которой достигал 720 пудов. Вторую такую мельницу построил в 1868 г. штабс-капитан Какурин, а третью — купец Ф. Д. Зуев (1877). В 1868 г. известный русский предприниматель и крупный купец Хлудов построил на р. Салар первый кожевенный завод европейского типа.

По данным канцелярии начальника города, в 1868 г. в Ташкенте было 5 винокуренных заводов и шелкомотальная фабрика Первушина. Но эти предприятия работали нерегулярно. В 1870 г. шелкомотальная фабрика Первушина прекратила работу. В 1873—1874 гг. был построен второй кожевенный завод европейского типа.

Однако все это было только началом частнопредпринимательской деятельности русских купцов, коммерсантов и царских чиновников. В последующие годы число таких предприятий увеличилось, появились новые, совершенно не известные здесь ранее заводы и фабрики. Значительная часть продукции, вырабатываемой этими предприятиями, потреблялась на месте и только небольшая доля ее отправлялась в метрополию. Но впоследствии появляются и такие предприятия (например, хлопкоочистительные, сантонинные заводы), которые работали исключительно для нужд метрополии.

Количество винокуренных и пивоваренных заводов быстро возрастало. В 1870 г. в Ташкенте было уже 6 винокуренных заводов, построенных русскими коммерсантами; их годовые обороты (при 88 рабочих) достигали 200 541 руб.[1] Так как сырьем для винокурения служил только виноград, оно пока не оказывало никакого влияния на развитие хлебопашества, но зато вызывало интенсивное развитие виноградарства.

В 1871 г. газета «Туркестанские ведомости» поместила заметку о строительстве купцом Первушиным шелкомотальной фабрики, для которой он выписал из Оренбурга мальчиков-рабочих[2]. Первушин был одним из первых русских промышленников-коммерсан-

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 292.
[2] См. ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 944, л. 8, 14, 18, 24. Об этом же сообщает А. И. Добросмыслов (указ. соч., стр. 372—385).

[1] М. А. Терентьев, Статистические очерки Среднеазиатской России, стр. 46.
[2] Известия и заметки, «Туркестанские ведомости», 1871, № 15.

тов, прибывших в Ташкент вскоре после занятия его русскими войсками. Ему принадлежали каменноугольные копи в окрестностях Ташкента (по-видимому, в районе современного Ангрена), свинцовые рудники в горах Каратау и винокуренный завод, где производилась перегонка спирта из фруктов, приобретенных на месте[1].

При анализе статистических данных о фабриках и заводах, например за 1872 г., выясняется, что общая годовая производительность семи действовавших предприятий (винно-водочных, пивоваренных, шелкомотальной фабрики и кирпичного завода) составляла 738 612 руб. 28 коп., при наличии в них 83 рабочих[2].

Все эти небольшие предприятия и заведения принадлежали русским, кроме винокуренного завода, принадлежавшего бухарскому еврею Абдурахманову.

Наряду с представителями русской буржуазии в Туркестане стремились обосноваться и иностранные подданные.

Так, с сентября 1873 г. начала работать фабрика французского подданного Гурдэ, выпускавшая в среднем по 250 аршин торбочной маты в день. По разрешению генерал-губернатора фабрика работала беспошлинно[3].

В начале 1873 г. коллежский ассесор Гальченков в компании с полковником Жемчужниковым открыли в Ташкенте две ткацкие фабрики, причем эти предприятия были на один год освобождены от пошлин[4]. Одна из них была построена по Малому проспекту, другая — у арыка Бурджар.

Однако все вновь организованные в Ташкенте предприятия, кроме винокуренных, существовали очень недолго. Открытая в 1872 г. шелкомотальная фабрика крестьянина Ярославской губернии Андреева-Фаденчева через 5 месяцев прекратила свою работу, очевидно, как не оправдавшая себя[5].

Работа этих заведений была основана на эксплуатации наемного труда русских и местных рабочих, как

[1] Известия и заметки, «Туркестанские ведомости», 1871, № 15.
[2] ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 944, л. 23, 25, 27, 30, 31, 33, 34, 36, 38, 39, 42, 44—46, 51.
[3] Там же, л. 52; ф. 1, оп. 16, д. 637, л. 5.
[4] Там же, д. 633, л. 3; ф. 36, д. 944, л. 54.
[5] Там же, л. 23.

взрослых, так и детей. Наемный труд применялся здесь уже систематически.

Все это особенно наглядно видно на примере ткацкой фабрики французского подданного Гурдэ.

На этой фабрике работало 144 человека, в том числе: у 60 станков — 60 рабочих (из них трое русских); у двух крутильников в 100 веретен каждый — 8 взрослых и 20 мальчиков; у одного мотальника с 40 шпулями — 2 взрослых и 20 мальчиков; у 15 шатальников для размотки утка — 15 мальчиков; у трех сновальщиков — 3 человека. На фабрике был один надсмотрщик (русский), один столяр, один слесарь-механик, около 10 чернорабочих (разнорабочих) и 3 караульщика[1]. Оплата труда рабочих была весьма низкой.

На примере фабрики Гурдэ мы наблюдаем появление в крае промежуточного звена «между ремеслом и мелким товарным производством с примитивными формами капитала и между крупной машинной индустрией (фабрикой)», каким является мануфактура, имевшая важное значение в развитии капиталистических форм промышленности[2].

В «капиталистической мастерской» Гурдэ работали десятки наемных рабочих, а в основе производства, как видно, лежал ручной труд[3].

На ткацких мануфактурах России, как указывал В. И. Ленин, между отдельными рабочими распределялись следующие операции: 1) окраска пряжи; 2) мотанье пряжи (на этой операции специализировались часто женщины и дети); 3) снование пряжи; 4) ткачество; 5) наматывание утка для ткачей (большей частью эту операцию выполняли дети). На мануфактуре практиковалось, как отмечал В. И. Ленин, обыкновенно не только детальное, но и потоварное разделение труда, т. е. ткачи специализировались на производстве отдельного сорта тканей[4].

[1] ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 944, л. 52; ф. 1, оп. 16, д. 637, л. 5.
[2] В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 336. Под мануфактурой разумеется, как известно, кооперация, основанная на разделении труда; по своему возникновению мануфактура непосредственно примыкает к «первым стадиям капитализма в промышленности» (там же, стр. 335).
[3] В. И. Ленин указывал, что «...с мелкими промыслами мануфактуру сближает то, что ее базисом остается ручная техника...» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 336).
[4] В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 337.

Аналогичное распределение отдельных операций между рабочими наблюдалось и на «фабрике» Гурдэ.

Мы видим здесь большое число одновременно занятых одним и тем же капиталом рабочих, что, по указанию К. Маркса, и отличает мануфактурный способ производства от цехового ремесленного производства[1].

В промыслах, организованных по типу мануфактуры, масса рабочих несамостоятельна, они подчинены капиталу, получают только заработную плату, не владея ни сырьем, ни готовым продуктом.

В 1876 г., кроме многочисленных кустарных предприятий и заведений, расположенных в азиатской части Ташкента, действовало, по данным начальника города, 9 предприятий (5 винокуренных, 2 пивоваренных, 1 кирпичное, 1 табачное) с 96 рабочими, не учитывая сезонных[2].

Винокуренные, пивоваренные и кирпичное предприятия оказались самыми устойчивыми. Развитию винокурения и пивоварения благоприятствовало наличие на месте дешевого сырья, постоянный рост количества потребителей их продукции, отсутствие конкурирующих предприятий у коренного населения. Расширение же кирпичного производства непосредственно было связано с ростом европейской части города.

Хозяева кирпичных заводов, освоив европейский прием обжига кирпича, вскоре свободно стали удовлетворять и потребности нового города. Так, в январе 1872 г. комитет по устройству ярмарки и караван-сарая заключил с местным жителем Мулла Абдураимом контракт о доставке «хорошо обожженного русского кирпича» для строительных работ, производимых на территории ярмарки. Подобные контракты заключались и с другими предпринимателями[3].

О развитии винно-водочных заведений свидетельствуют следующие данные. В 1870 г. 6 заведений произвели продукции на 200 541 руб., а в 1880 г. 16 заведений дали продукции на 417 905 руб.[4]

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. 1, стр. 328.

[2] ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 1279, л. 13. По данным канцелярии генерал-губернатора, в это время здесь действовало 10 предприятий (там же, ф. 17, д. 18379, л. 51).

[3] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 16, д. 340, л. 29 и др.

[4] Там же, ф. 17, 18316, л. 22—26; ф. 1, оп. 1, д. 1193, л. 25; д. 1422, л. 86; д. 1526, л. 2; д. 19416, л. 46.

С проникновением в край капиталистических отношений происходит дальнейшее развитие промышленных предприятий в Ташкенте и появление новых производств. С 1874 по 1885 г. возникло 43 различных предприятия, с 1885 по 1895 г. — 28, а в последующие пять лет — еще 12 предприятий (см. приложение 3).

В 1883—1884 гг. в городе возникло несколько новых видов промышленности. Так, были открыты заводы: хлопкоочистительный, маслобойный, сантонинный, круподерня, была начата выделка картона. В 1884 г. на одной из шелкомотален Ташкента размотка шелка стала производиться европейским способом на специальных машинах.

Открытие в Ташкенте сантонинного завода (первый такой завод был построен в 1883 г. в Чимкенте), который занимался выделкой сантонина из цитварного семени, имело большое значение. До открытия завода в Чимкенте цитварное семя (весьма ценное лекарственное средство) вывозилось в необработанном виде в Германию и Англию. Теперь вывоз этого сырья за границу прекратился и его стали перерабатывать на месте.

В то время когда почти все промышленные предприятия вырабатывали предметы, потребляемые в границах области или, в лучшем случае, в пределах края, сантонинные заводы выпускали продукцию, предназначенную главным образом для вывоза.

В 1898 г. в Ташкенте насчитывалось 333 различных предприятия и заведения с годовой производительностью свыше 1000 руб. (см. приложение 4)[1], в том числе[2]:

Годовая производительность, тыс. руб.	*Число заведений*	*Количество рабочих*
1— 2	240	518
2— 3	6	18
3— 5	57	304
5—10	2	39
10—20	16	627
20—40	12	374

---

[1] Уместно отметить, что вычисленные нами и приведенные здесь цифровые данные почти совпадают с данными областного статистического комитета о том, что в Ташкенте насчитывалось 336 фабрик и заводов (под этой рубрикой значились все предприятия и заведения с годовой производительностью более 1 тыс. руб.) с 1893 рабочими и с годовой производительностью на сумму 1 557 600 руб. (см. ЦГИА УзССР, ф. 269, д. 141, л. 22).

[2] ЦГИА УзССР, ф. 269, д. 143, л. 29—30.

По количеству занятых работников указанные 333 предприятия и мастерские распределялись следующим образом:

Количество работников	*Число предприятий*
1— 2	133
3— 5	145
6— 7	26
10—14	4
15—20	10
21—40	12
Свыше 100	3

Из приведенных данных явствует, что количество предприятий в городе, в которых было занято по 10 рабочих и более, к 1898 г. увеличилось до 29 против трех в 1872 г.[1] Из 1880 рабочих, занятых на 333 предприятиях и мастерских с производством на сумму более 1000 руб. каждое, 1016 человек (более 50%) было сконцентрировано именно в этих 29, а менее половины рабочих (864) было разбросано по остальным 304 заведениям города.

Сумма годовой производительности всех 333 предприятий и мастерских равнялась 1 213 302 руб.; из них 631 818 руб. (более 50%) приходится на долю указанных 29 предприятий.

Эти факты свидетельствуют о начавшейся концентрации средств производства в отдельных руках. Этот процесс происходил, что очень характерно, в сфере производств именно капиталистического типа. В 1868 г. в Ташкенте насчитывалось 9 таких предприятий[2], в 1879 г. — 30, в 1887 г. — 37, а в 1899 г. — 39.

Рост численности и производительности винокуренных, водочных и пивоваренных заводов в 1874—1899 гг. характеризуется данными табл. 2[3].

Данные табл. 2 наглядно свидетельствуют о начинавшемся процессе концентрации производства.

Со временем предприниматели, имевшие по одному-два предприятия, становятся владельцами нескольких промышленных заведений, появляются «торговые дома» и различные товарищества. Так, купец Н. И. Иванов в 1878 г. владел двумя заводами (винокуренным и пивоваренным), а в 1887 г. — уже семью различными заведениями (винокуренный, водочный, винодельный, пивоваренный заводы, заведения по изготовлению искусственных минеральных вод, уксуса) с общей годовой производительностью 209 910 руб. На предприятиях Иванова работало 7 мастеров, 2 механика, 2 медника, 165 рабочих (из них только трое русских)[1].

Таблица 2

Год	Количество предприятий	Количество мастеровых и рабочих	Стоимость годовой продукции, руб.
1874	9	44*	226 056
1885	11	138	386 226
1896	12	178	425 627
1899	8	153	464 055

* Из них 9 местных жителей.

Купцу И. А. Первушину в 1878 г. принадлежали винокуренный завод и табачно-папиросная фабрика. В 1884 г. он имел уже пять заводов и заведений (винокуренный и винодельный заводы, табачная и папиросная фабрики и заведение по изготовлению искусственных минеральных вод) с годовой производительностью на сумму 102 684 руб.[2]

Годовая производительность хлопкоочистительного, круподерного и картонного заводов С. И. Лахтина и его типолитографии составила в 1877 г. 193 750 руб.[3] В документах 90-х годов упоминается уже «Торговый дом Первушиных», которому в 1896 г. принадлежали: табачная фабрика, винокуренный, спиртоочистительный и винодельный заводы с годовой производительностью в 231 900 руб.[4]

В Туркестане существовали также предприятия «Торгово-промышленного товарищества Ярославской боль-

[1] ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 944, л. 23—51.

[2] В том числе: пять винокуренных заводов, одна шелкомотальная фабрика, две водяные мельницы европейского типа, один русский кожевенный завод.

[3] Таблица составлена по данным: ЦГИА УзССР, ф. 17, д. 18316, л 22—27; д. 1879, л. 49; ф. 1, оп. 1, д. 1932, л. 13; ф. 36, д. 3745, л. 170—171; ф. 269, д. 187, л. 6—23, 27—41, 43.

[1] Данные за 1878 г. см. ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 1528, л. 151—152; за 1884 г. — д. 2482, л. 87—88.

[2] Там же.

[3] Там же, д. 2956, л. 169—184.

[4] Там же, ф. 269, д. 114, л. 49—103.

шой мануфактуры», «Среднеазиатского торгово-промышленного товарищества», «Торгового дома Ф. и Г. бр. Каменских» и др.

С конца первой половины 80-х годов среди владельцев более крупных предприятий появляются лица из коренного населения. В статистических материалах 1884 г. встречаются имена кожевенных заводчиков: купца Бадалбая Каримбаева (на заводе которого работало 4 мастера и 4 рабочих), Мирагзама Мираюпова (на заводе которого с годовой производительностью в 30 тыс. руб. был занят 1 русский мастер и 12 рабочих, в том числе 4 русских); владельцев кирпичных заводов Якубджана и Таджибая Юсупова. Т. Юсупов уже в 1878 г. владел кирпичным заводом, где было занято 36 рабочих[1].

В статистических материалах за 1887 г. мы находим сведения и о других предпринимателях из коренного населения — Нармухамедове (на кожевенном заводе которого постоянно работало в среднем 10 рабочих) и Рамазане Казакове (на кожевенном заводе которого постоянно было занято в среднем 8 рабочих). Годовая производительность каждого из этих заводов, работавших круглый год, выражалась в среднем в 20 тыс. руб.[2]

Другой кожевенный завод, принадлежавший тому же купцу второй гильдии Мираюпову, находился на территории азиатской части города. В 1888 г., работая круглый год, этот завод произвел 5 тыс. штук различных кож (яловых черных и красных, сыромятных, подошвенных, стелечных и др.) на сумму 34 250 руб. На заводе было занято 14 рабочих. Продукцию этого завода отправляли даже в Маргелан и Аулие-Ата[3].

В 90-х годах число крупных капиталовладельцев из коренных жителей продолжает расти. Надо полагать, что отдельные предприятия существовали и раньше, но имели небольшой оборот, а затем, с увеличением объема их производства, стали фигурировать в отчетах начальника города и в «Ведомостях» фабрик и заводов.

Из этих «ведомостей» мы узнаем, что купец Шабек Хакимбеков имел в Кокчинской части города хлопкоочистительный и прессовальный завод, основанный в 1885 г.

[1] ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 2482, л. 86—88; д. 1528, л. 151—152. Эти данные приводятся о них как о владельцах предприятий, расположенных в европейской части города.
[2] ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 2956, л. 169—184.
[3] Там же, д. 3085, л. 50—51.

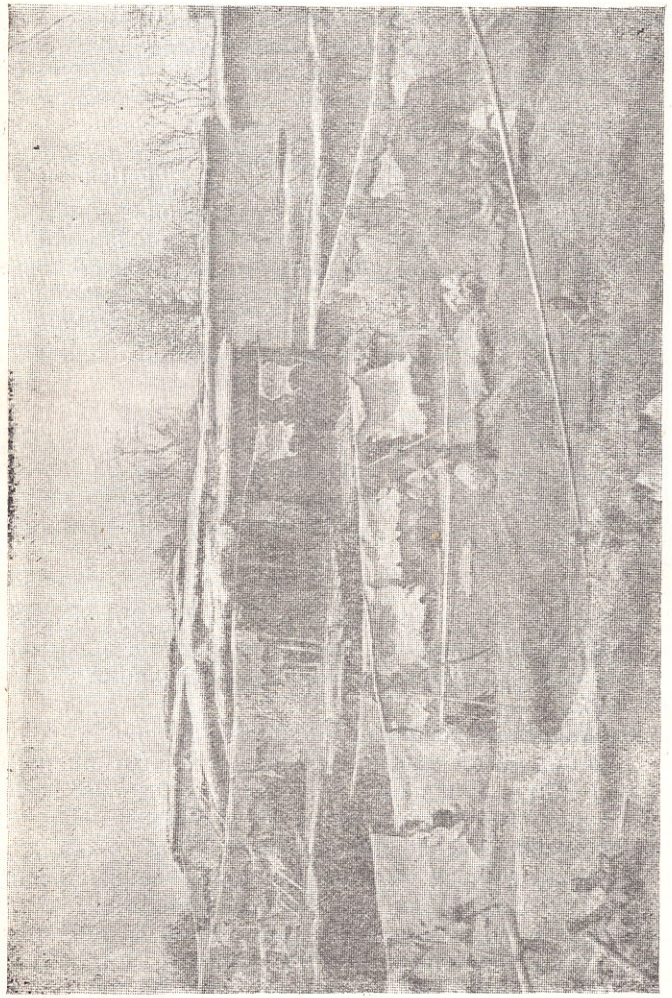

Рис. 11. Частновладельческий кожевенный завод. Сушка кож.

В среднем там было занято 11 рабочих. Мастер был из русских. На заводе действовало три джина, один прессовальный станок и один водяной двигатель. В 1891 г. продукция завода выразилась в сумме 68 400 руб.[1]

В нашем распоряжении имеются данные за 1891 г. о кожевенных заводах, принадлежащих местным жителям и расположенных в азиатской части Ташкента (табл. 3).

Таблица 3

Владелец завода	Сумма производства в 1891 г., руб.	Среднее число рабочих на заводе	Примечание
Рахматбаба Халбабаев	14 500	12	Все рабочие были русскими
Ходжаахмет Абдужаббаров	13 400	12	»
Карымбай Бадалбаев	11 000	14	»
Мухаммад Нигманджан			
Мулла Нармухамедов	32 000	15	
Мирагзам Мираюпов	38 400	20	Русские и местные жители
Инагамбаба Розикбаев	16 900	16	
Риксибай Баймухамедов	нет свед.	10	
Ашур Бабаджанов	8000	6	
Касимбай (фамилия не известна)	8000	6	

В азиатской части Ташкента в том же 1891 г. действовал кирпичный завод Юсупова, где работало 20 рабочих; стоимость продукции этого завода составила в 1891 г. 17 600 руб.[2]

Хлопкоочистительный завод Муллы Юлчибая Тойчибаева (в Кокчинской части, в местности Хотинкуприк) выработал за 5 месяцев 1891 г. 8500 пудов хлопка. На заводе работали русский мастер и 15 рабочих[3].

Расположенный в Шейхантаурской части города хлопкоочистительный завод Муллы Аминбая, где было занято 17 рабочих и один механик (русский), в 1892 г. выработал 10 тыс. пудов хлопка на сумму 60 тыс. руб. Завод Исабека Хакимбекова с 11 постоянными рабочими в 1892 г. за 9 месяцев выработал хлопка на 68 400 руб.[4]

[1] ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 3298, л. 42.
[2] Там же, л. 53, 55, 63, 68.
[3] Там же, л. 77.
[4] Там же, д. 3473, л. 17, 18, 25.

С точки зрения вопроса о появлении владельцев крупных предприятий из среды коренного населения небезынтересен документ (относящийся к 1893 г.) под названием «Список выдающихся владельцев фабрик и заводов, а также земледельческих хозяйств города Ташкента»[1]. В этом списке фигурируют Исабек Хакимбеков, Мирагзам Мираюпов—владельцы хлопкоочистительных и кожевенных заводов; Бадал Мухамадбай Дада Мухамедбаев, Бакижан Дадажанбаев — владельцы хлопковых заводов и общественных бань; 12 местных жителей (Азимбай, Риксибай и др.) — владельцы кожевенных заводов; Мулла Амин — владелец хлопкоочистительного завода и землевладелец; 5 местных жителей — владельцы общественных бань; Абдухамутходжа Шадманходжаев — владелец кирпичного завода и землевладелец и еще 56 «выдающихся землевладельцев».

В конце 90-х годов не ряде ташкентских заводов были установлены локомобили, паровые машины и котлы. В 1891 г. на семи действовавших хлопкоочистительных и прессовальных заводах был установлен 41 джин[2]. В 1896—1899 гг. было зарегистрировано 10 хлопкозаводов, имевших более 50 джинов. Из них действовало лишь 6 заводов при 34 джинах, которые выпустили чистого хлопкового волокна (пудов):

Сезон	*По данным статкомитета*[3]	*По данным И. И. Гейера*[4]
1896/97 г.	181 680	226 680
1897/98 г.	141 260	151 260
1898/99 г.	107 570	126 590[5]

Эти хлопкоочистительные заводы были хорошо оборудованы; их машины приводились в движение водой, па-

[1] ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 3891, л. 432—433.
[2] Там же, ф. 269, д. 187, л. 6—23, 27, 41, 43; ф. 36, д. 3298, л. 42, 69, 75.
[3] Там же, д. 135, л. 163—173, 347. Эти заводы принадлежали купцам Исабеку Хакимбекову, Назарову, Давыдову, Адаминову, Среднеазиатскому торгово-промышленному товариществу и Ярославской большой мануфактуре.
[4] И. И. Гейер, Весь русский Туркестан, стр. 209.
[5] Уменьшение производства хлопка-волокна за указанный период объясняется сокращением площади хлопковых посевов в Сыр-Дарьинской области в результате неблагоприятных климатических и конъюнктурных условий.

ром или керосиновыми двигателями, работали гидравлические прессы и т. п.[1]

Итак, к концу XIX в. Ташкент превратился в главный промышленный центр Туркестанского края и всей Средней Азии.

Основание в Ташкенте частными предпринимателями различных заведений положило начало зарождению и росту фабрично-заводской промышленности, появлению предприятий типа капиталистической мануфактуры, куда постепенно втягиваются рабочие из коренного населения; капитализм приступил здесь к выполнению своей «миссии», выражавшейся в постепенном обобществлении труда и формировании местного пролетариата и национальной буржуазии.

Во многих предприятиях и мастерских, принадлежавших как местным, так и прибывшим из России предпринимателям, вследствие дальнейшего роста применения наемного труда, укрупнения предприятий, где одним и тем же индивидуальным капиталом было занято одновременно сравнительно большое число рабочих, часть средств производства (постройки, склады, инструмент и т. д.) стала потребляться теперь в процессе труда сообща.

Здесь, таким образом, начинается процесс не только повышения производительности труда путем кооперации индивидуальной производительной силы, но и процесс создания новой производительной силы[2].

В промышленности Ташкента наблюдается первое изменение самого процесса труда вследствие подчинения его капиталу—возникает кооперация, представляющая собой специфическую форму капиталистического процесса производства, в противоположность процессу производства независимых работников или мелких хозяйчиков.

Мы видим здесь также мануфактуру, отличавшуюся по отношению к способу производства «в своем зачаточном виде от цехового ремесленного производства едва ли чем другим, кроме большего числа одновременно занятых одним и тем же капиталом рабочих»[3].

Тут налицо и отдельные факты, показывающие капиталистическую работу на дому за сдельную оплату, — до

[1] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., вып. XXXVI, Сыр-Дарьинская область, стр. XV.
[2] К. Маркс, Капитал, т. 1, М., Госполитиздат, 1951, стр. 332.
[3] Там же, стр. 328.

машняя переработка материала, полученного от предпринимателя, которая «встречается на всех стадиях развития капитализма в промышленности, но наиболее характерна она именно для мануфактуры»[1].

Подтверждением этому служит, например, свидетельство П. И. Пашино о том, что текстильное производство в Ташкенте в середине 60-х годов было организовано в форме распыленной мануфактуры, где использовался труд рабочих-надомников[2].

Рис. 12. Кустарь-медник за работой.

Наряду с отдельными крупными мастерскими капиталистического типа в городе встречается весьма значительное количество мелких заведений. Численно мелкие заведения преобладают, играя, однако, совершенно подчиненную роль в общей сумме производства.

«Это сохранение (и даже как мы видим выше, развитие) мелких заведений, — писал В. И. Ленин,—при ману-

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 386.
[2] П. И. Пашино, указ. соч., стр. 140.

фактуре есть явление вполне естественное. При ручном производстве крупные заведения не имеют решительного преимущества перед мелкими; разделение труда, создавая простейшие детальные операции, облегчает появление мелких мастерских. Поэтому *типичным* для капиталистической мануфактуры является именно небольшое число сравнительно крупных заведений наряду с значительным числом мелких»[1].

Таким образом, в конце XIX в. в Ташкенте начинает развиваться капиталистическая промышленность, растут капиталы кучки крупных предпринимателей (в том числе из местных жителей), усиливается эксплуатация рабочих как русских, так и местных коренных национальностей.

ТОРГОВЛЯ

Как мы уже отмечали, в экономической жизни Ташкента значительное место занимала торговля. Часть ташкентских купцов вела торговые операции в центральных районах России и с сопредельными странами Востока. Во внутренней торговле участвовало гораздо больше лиц, но, как отмечал Л. Ф. Костенко, она давала здесь до того малый доход, что некоторые лица занимались ею исключительно с целью поддержать свое существование[2].

После присоединения Ташкента и других районов Туркестана к России торговля, как и другие отрасли народного хозяйства края, оказалась в условиях, более благоприятных для ее дальнейшего развития, хотя эти условия сложились не сразу.

В конце 1865 г. оренбургский генерал-губернатор вошел с ходатайством в правительство по вопросам налаживания торговли с Туркестаном. В этих целях в Москву был командирован генерал-майор Романовский для совещания с московским купечеством.

В ходе совещания 14 купцов, в большинстве своем представители крупных торговых домов (сыновья Хлудова, сыновья Саввы Морозова, Иван Лямин, А. Каретников с сыновьями, Д. И. Романовский и др.), изъявили готовность учредить особое товарищество.

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 384.
[2] Л. Ф. Костенко, Среднеазиатская торговля, «Туркестанские ведомости», 1871, № 5.

В январе 1866 г. с разрешения императора было создано Московско-Ташкентское торговое товарищество и учрежден особый временный торговый комитет этого товарищества. Товариществу было разрешено входить по своим делам с ходатайствами прямо в Министерство финансов и Московское и Оренбургское генерал-губернаторства[1]. Оренбургскому генерал-губернатору предписывалось оказывать всемерное содействие товариществу (непосредственно и через подведомственных начальников); туркестанским властям разрешалось в необходимых случаях отпускать товариществу из казны крупные денежные суммы — до 100 тыс. руб.[2]

Кроме того, товариществу были предоставлены льготы: оно освобождалось на первое время от платежа гильдейских сборов и от взятия установленных билетов; русские товары, отправляемые товариществом из России в Ташкент и другие пункты Средней Азии, пропускались без таможенного досмотра[3].

Все эти мероприятия, осуществлявшиеся в интересах русских капиталистов и купцов, в то же время способствовали развитию Ташкента как крупнейшего торгового центра Средней Азии.

В 1867 г. вывоз из Ташкента различных товаров (хлопок, хлеб, чай, бумага, кожа выделанная, краски, бумажные изделия, шелковые изделия, мягкая рухлядь, шелк, шерсть, фрукты и овощи) составил 867 870 руб., а ввоз из России в Ташкент превысил даже ввоз в Бухару более чем на 1,5 млн. руб. Так, если из России в Бухару было ввезено товаров на сумму 4 310 214 руб., а в Хиву на 486 897 руб., то ввоз в Ташкент увеличился до 5 478 177 руб.[4] Больше всего было завезено в Ташкент бумажных изделий — на сумму 3 857 207 руб.[5]

К началу 70-х годов ташкентские, самаркандские и кокандские купцы установили непосредственные сношения с русскими фабрикантами мануфактурных товаров и

[1] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 16, д. 195, л. 1—3.
[2] Там же.
[3] Там же, л. 3, 4.
[4] Л. Ф. Костенко, Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности, с картою Средней Азии, СПб., 1871, Приложения «Д», «Н».
[5] Там же.

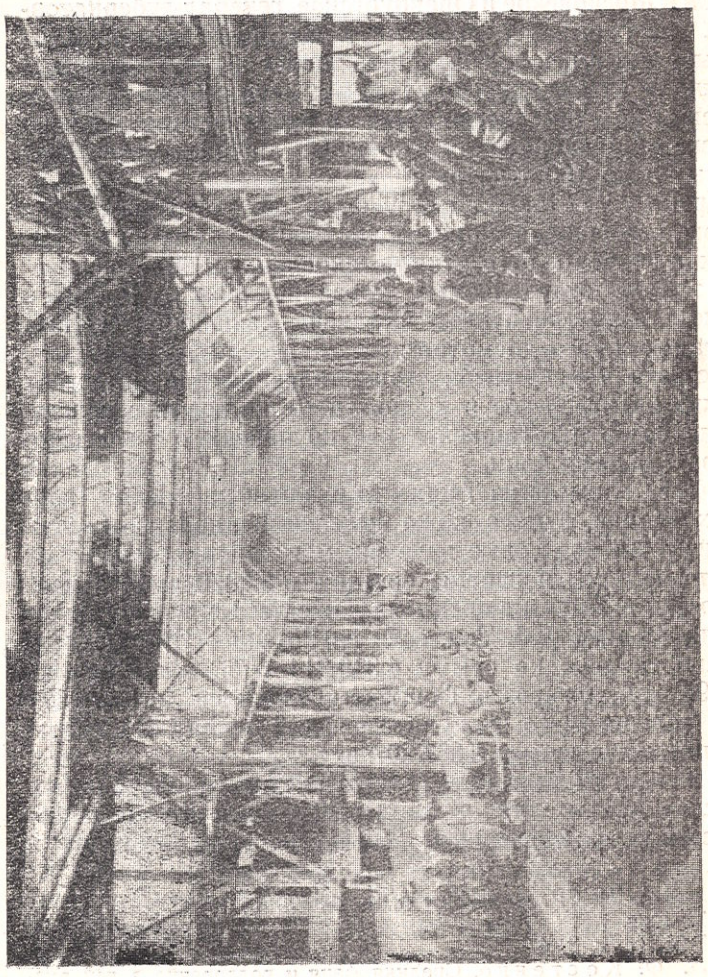

Рис. 13. Крытый рынок в Ташкенте.

стали получать нужные товары прямо с фабрик, минуя Нижегородскую ярмарку.

Вследствие многочисленных жалоб, поступавших от новых русских подданных на обременительность таможенной пошлины[1], 22 апреля 1868 г. была упразднена Оренбургско-Сибирская линия, и русско-среднеазиатская торговля получила бóльшую свободу. Однако в силу действовавшего проекта «Положения об управлении Туркестанским краем» прежние торговые порядки остались без изменения.

В том же 1868 г. в целях защиты от иностранной конкуренции в Туркестанском генерал-губернаторстве была разрешена беспошлинная торговля кяхтинским чаем и установлена пошлина на чай, привозимый из сопредельных ханств, взимание которой продолжалось до 1875 г.

Росту русско-среднеазиатской торговли мешала, даже после завоевания края, конкуренция английских торговых кругов, стремившихся укрепить свои позиции в Средней Азии. На кокандских рынках продавалось много английских кисей, миткаля, бязи, которые проникали и в Сыр-Дарьинскую область. Англичане, не ограничившись импортом индийского чая в Среднюю Азию[2], стали завозить его даже в Нижний Новгород и в Москву.

В 1868 г. царское правительство запретило ввоз английских (и вообще европейских) товаров в Туркестанский край[3] и не разрешало даже пропускать их транзитом в соседние ханства[4]. Однако английские товары продолжали проникать в Среднюю Азию[5].

---

[1] Среднеазиатские товары облагались по таможенному тарифу 1817 г. пошлиной от 10 до 20 %, а хлопок и шелк-сырец (кроме бухарских)—карантинным сбором по 23 коп. и 2 руб. 30 коп. с пуда. (Объяснительная записка к положению и штатам военно-народного управления Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей, см. А. К. Гейнс, Литературные труды, т. II, приложение, стр. 69).

[2] К середине 70-х годов в Коканд из Индии ежегодно доставлялось до 559 720 фунтов чая (ЦГИА УзССР, ф. 1 оп. 16, д. 984, л. 21).

[3] Л. Ф. Костенко, Среднеазиатская торговля, «Туркестанские ведомости», 1871, № 5.

[4] ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 1032, л. 1.

[5] В 1882 г. в Сыр-Дарьинскую область было привезено различных английских товаров (чай, кисея, индиго) на 183 575 руб. 59 коп. (Н. Емельянов, Материалы для торговой статистики Туркестанского края, «Туркестанские ведомости», 1884, № 21).

Общий торговый оборот Ташкента с Россией и соседними ханствами в 1871 г. равнялся 15 039 631 руб. 27 коп., а в 1872 г. — 17 977 917 руб. 80 коп.[1] Вспомним, кстати, что в период ханского владычества торговый оборот Ташкента едва достигал 5 млн. руб. Ташкент, всегда имевший важное торговое значение, со времени занятия края царизмом становится центром торговли среднеазиатских ханств с Россией и Западным Китаем.

Обмен русских мануфактурных товаров на среднеазиатский хлопок и шелк происходил в основном на двух ярмарках—Нижегородской и Ирбитской. Но эти центры были удалены от среднеазиатских владений. Кроме того, сближение потребителей с производителями, прочность цен и торговых сношений значительно усилились бы от приближения центра обмена к среднеазиатским рынкам.

В связи с этим в конце 60—начале 70-х годов возник вопрос об организации в Ташкенте ежегодной ярмарки[2]. Было решено впредь организовывать в Ташкенте ежегодно по две ярмарки—с 1 октября по 1 ноября и с 1 по 15 апреля[3]. В этих целях в 1869 г. был учрежден специальный ярмарочный комитет.

Однако это мероприятие не дало желаемых результатов. Местные торговцы не захотели участвовать в ярмарке. Не помогло и предписание властей о закрытии базаров в азиатской части города на время ярмарки. Местные купцы заявили, что организовывать ярмарку в Ташкенте бесполезно, так как ташкентские цены неизбежно будут регулироваться Нижегородской ярмаркой. Развитию ярмарочной торговли не способствовало даже освобождение местных и иностранных торговцев во время ярмарочной торговли от уплаты зяката[4].

Ежегодный доход ярмарки равнялся в среднем 2258 руб., а на содержание ее с 1870 до 1879 г. было израсходовано казной около 510 тыс. руб. Содержание одного ярмарочного комитета стоило ежегодно 14 500 руб.[5] В начале 1879 г. ярмарочный комитет пришлось упразднить.

[1] Л. Ф. Костенко, Туркестанский край, т. III, стр. 212.
[2] Еще генерал Черняев в своем рапорте от 14 августа 1865 г. ходатайствовал перед оренбургским генерал-губернатором о разрешении на организацию в Ташкенте ежегодных месячных (с 15 апреля по 15 мая) ярмарок (ЦГИА УзССР, ф. 336, д. 12, л. 1).
[3] Там же.
[4] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 16, д. 340, л. 72, 180—181.
[5] А. И. Добросмыслов, указ. соч., стр. 365—368.

Важнейшим результатом этой ярмарки было учреждение в Ташкенте коммерческого съезда русских и азиатских купцов. Первое заседание его открылось 10 ноября 1870 г. Съезд образовал три отделения: по вопросам промышленности, торговли и улучшения путей сообщения в крае[1].

Значительным событием в торговой жизни города явилась отмена зякатного сбора и применение в Ташкенте с 1 января 1875 г. общероссийского положения «о пошлинах за право торговли и промыслов» 1865 г. В соответствии с новыми правилами заведения, владельцы которых не приобрели соответствующих торговых документов, должны были быть закрыты[2].

Эти нововведения, по признанию самих же представителей царской власти, не способствовали развитию торговли и различных промыслов. Исполняющий дела генерал-губернатора в своем рапорте от 19 октября 1874 г. на имя Кауфмана вынужден был признать, что для «... развития и улучшения туземной заводской и фабричной промышленности, следовало бы вовсе освободить туземцев от платежа торговых пошлин, так как производство на этих предприятиях самое незначительное и удовлетворяет лишь местную потребность, а обложение этих заведений торговой пошлиной может повести к закрытию многих заводов и мельниц, ибо доход с некоторых из них едва достаточен для покрытия расходов по уплате пошлин»[3].

На 1875 г. было выдано 2037 свидетельств и билетов на право производства торговли, 1800 билетов на торговые заведения и т. д. (всего 3837 разрешений)[4]. В первый год действия указанного положения в Ташкенте многие лица, занимавшиеся торговлей и различными промыслами, не приобрели этих свидетельств. Одни решили укрыться от уплаты пошлины, другие из-за отсутствия достаточного количества средств не смогли получить необходимых документов в установленный срок, третьи (большинство мелких торговцев)—вообще не смогли при-

[1] Из ташкентской жизни, «Туркестанские ведомости», 1870, № 14.
[2] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 16, д. 894, л. 38. Торговые и промысловые свидетельства в Сыр-Дарьинской области выдавались и до 1875 г. (ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 16, д. 242, л. 35, 36).
[3] Там же, д. 815, л. 12.
[4] Там же, ф. 36, д. 1027, л. 222.

обрести их в силу своей несостоятельности, а некоторые лица были вынуждены вовсе прекратить свою торговую деятельность.

В последующие годы наблюдается рост количества приобретенных свидетельств и билетов лицами, занимавшимися торговлей и различными промыслами (табл. 4)[1].

Таблица 4

Характер свидетельств	Годы			
	1878	1879	1880	1882
Свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям	224	230	229	256
Свидетельства по мелочной торговле	753	821	873	1098
Свидетельства на мещанский промысел	739	573	584	338
Свидетельства приказчиков 1-го и 2-го классов	1268	1778	1728	1559
Билеты на лавки всех наименований	2836	3086	3327	3082
Всего	5820	6488	6741	6333

Приведенные цифры свидетельствуют о том, что во-первых, в Ташкенте в то время торговля получила значительное развитие; во-вторых, большинство торговцев занималось мелкой торговлей, которая, по свидетельству неизвестного автора «Обзора города Ташкента за 1879 г.», «едва обеспечивала труд торговца», а в большинстве случаев он вообще не получал прибыли от своего занятия.

Туркестанский край, в том числе и Ташкент, служил обширным рынком для сбыта хлопчатобумажных товаров, изготовленных на русских фабриках. Для развития этого сбыта здесь действовал покровительственный тариф, не допускавший ввоза через южные границы русских владений европейских, индийских, персидских и турецких товаров. Благодаря этому хлопчатобумажные и другие ткани, выработанные на русских фабриках, расходились

[1] См. ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 1528, л. 142; д. 1677, л. 123; д. 1919, л. 109; д. 2189, л. 132, 175.

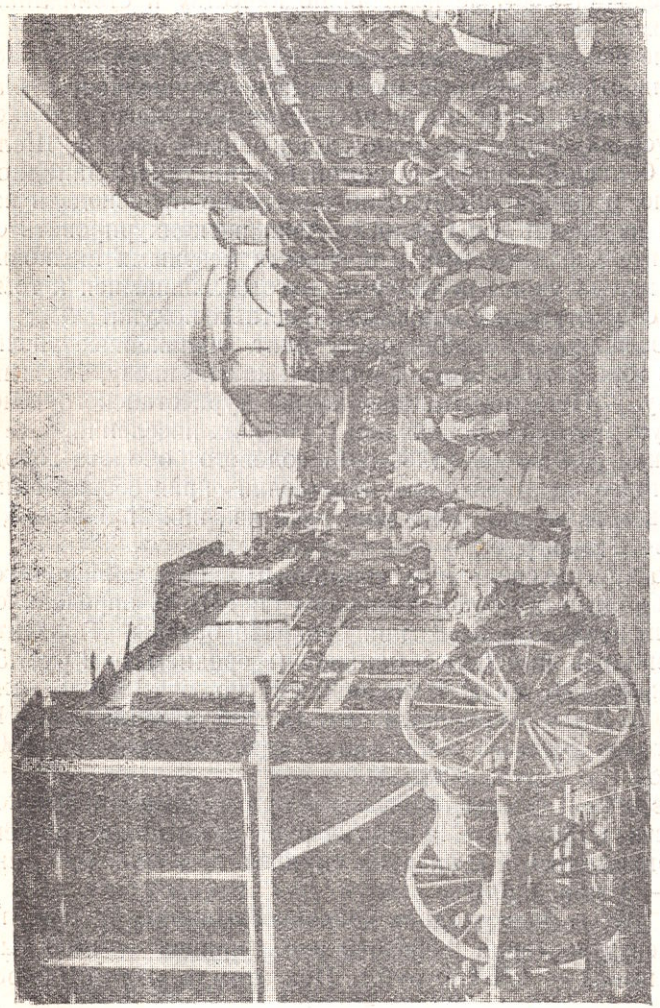

Рис. 14. Торгово-ремесленный ряд в районе мечети Джами.

по краю в огромных количествах. Продукция местных кустарей не могла конкурировать с русскими фабричными товарами. Местные изделия были грубы, непрочны и некрасивы, тогда как товар московских и других фабрик превосходил местные изделия по качеству и стоил лишь немногим дороже их.

Вне всякой конкуренции с русскими текстильными товарами стояли местные шелковые и полушелковые ткани — канаус, адрас и бенарас, которые не изготовлялись на русских фабриках ввиду дороговизны шелка. Шелк имел большой спрос как в самой России, так и в Западной Европе, и фабрикантам было невыгодно производить изделия из шелка для Средней Азии и конкурировать со сравнительно дешевыми и прочными местными шелковыми и полушелковыми тканями, изготовлявшимися к тому же в соответствии с запросами местных покупателей.

После присоединения происходит дальнейшее увеличение торгового оборота Ташкента как по ввозу, так и по вывозу. По данным канцелярии туркестанского генерал-губернатора о положении городских поселений, уже в середине 70-х годов более 50% годового оборота городской торговли и товарного обращения края сосредоточивалось в Ташкенте (5,5 млн. руб., из них привоз—3,5, вывоз—2 млн. руб.)[1].

По другим сведениям, собранным через маклеров, годовой торговый оборот Ташкента в 1876 г. определялся приблизительно в 7—8 млн. руб. На базары Ташкента пригонялось до 400 тыс. баранов (в среднем по 2 руб. 50 коп. каждый), до 34 тыс. лошадей (по 10—15 руб. каждая), до 9 тыс. верблюдов (по 30 руб. каждый), до 12 тыс. голов рогатого скота (по 10 руб. каждая), до 1500 ишаков (по 3 руб. каждый)[2].

Из общей суммы торгового оборота Сыр-Дарьинской области в 1882 г. — 15 669 724 руб. — на долю Ташкента приходилось 7 млн. руб., (привоз — 4 млн. руб., вывоз — 3 млн. руб.)[3].

В 1886 г. оборот одних хлопчатобумажных товаров по Ташкенту составил 2 564 640 руб. (привоз — 1608 тыс. руб., вывоз — 956 640 руб.). При этом торговый оборот

[1] «Туркестанские ведомости», 1876, № 51.
[2] ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 1313, л. 122.
[3] Н. Емельянов, указ. соч., «Туркестанские ведомости», 1884, № 21.

по тому же товару всех городов Сыр-Дарьинской области, включая Ташкент, составлял по привозу 2 100 490 руб., по вывозу — 1 012 400 руб., т. е. всего 3 112 890 руб.[1]. Следовательно, на долю Ташкента приходилось больше половины общего торгового оборота по мануфактурным изделиям.

Главные предметы домашнего обихода местного коренного населения изготовлялись в Ташкенте, откуда степные торговцы доставляли их кочевому и оседлому населению Туркестана и казахских степей. Получаемые взамен товары и сырье степные торговцы привозили в Ташкент, откуда их направляли в промышленные центры России.

Плохое состояние путей сообщения, отсутствие железных дорог препятствовали еще большему развитию торговых связей Туркестана с Россией. Даже в конце 90-х годов товар прибывал на место назначения чуть ли не через полгода после его отправки. При существующих путях сообщения во внешней торговле могло участвовать лишь ограниченное число состоятельных торговцев.

Все это приводило к росту цен на товары. Хотя русские текстильные фабрики потребляли все больше туркестанского хлопка, стоимость их продукции росла из-за больших накладных расходов, связанных с перевозкой.

В 1881 г. в целях дальнейшего улучшения русской торговли в крае исполняющий дела генерал-губернатора Колпаковский принял решение о введении пошлин на индийский чай и некоторые другие товары. Согласно этому распоряжению, разрешался беспошлинный ввоз товаров среднеазиатских ханств. Товары же англо-индийского происхождения (кроме чая, кисеи и индиго), как и вообще европейские, турецкие и персидские товары, ввозить запрещалось под угрозой конфискации[2].

Рост торгового оборота Ташкента в последующие годы характеризовался данными табл. 5 (руб.)[3].

Основными предметами ввоза были галантерейные товары, мануфактура, чай, железо, сталь, чугун и изделия из них. Вывозились главным образом хлопок, шелк, про-

[1] Обзор Сыр-Дарьинской области за 1886 г., Ташкент, 1887, стр. 140.
[2] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 16, д. 1919, л. 1.
[3] Эти данные выбраны из различных дел и обобщены автором. См. ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 2819, л. 247—250; д. 2956, л. 284, 285; д. 3085, л. 275, 296; д. 3167, л. 226; д. 3298, л. 258; д. 3662, л. 51; ф. 269, д. 99, л. 32; д. 141, л. 18, 24; Обзор Сыр-Дарьинской области за 1890 г., стр. 73.

дукты скотоводства и разные товары местного производства.

Из приведенных данных видно, что с конца 80-х годов происходит резкое увеличение торгового оборота Ташкента, что, несомненно, является основным показателем дальнейшего развития торговых связей Ташкента с Россией, соседними ханствами и другими государствами. Эти данные свидетельствуют также о возрастающем экономическом значении Ташкента в жизни всей Средней Азии.

Таблица 5

Год	Привоз	Вывоз	Всего
1886	4 831 164	3 917 388	8 748 552
1890	13 227 760	7 976 423	21 204 183
1894	24 930 500	8 784 600	33 715 100
1898	19 570 860	7 559 660	27 130 520

В последующие годы наблюдается дальнейшее развитие торговых связей Ташкента с Россией и соседними государствами. Этому особенно благоприятствовало установление железнодорожного сообщения с Россией. Проведение Закаспийской, а затем Ташкентской железной дороги значительно укрепило связь края с фабричными центрами, дало возможность расширить ассортимент товаров, ускорить доставку их в Ташкент и вывоз в Россию и позволило торговцам приобретать товары не только крупными, но и мелкими партиями.

К концу XIX в. структура вывоза и ввоза существенно меняется. В вывозе начинает играть заметную роль хлопок.

Все это, безусловно, способствовало дальнейшему расширению торгового оборота между Россией и Средней Азией.

Основная часть торгового оборота Сыр-Дарьинской области приходилась на долю Ташкента. Например, в 1893 г. общий торговый оборот области составлял 29 609 700 руб., в том числе Ташкента — 22 178 000 руб., а в 1898 г. — соответственно 45 221 100 и 27 130 520 руб.[1]

Говоря об укреплении экономических связей Средней Азии с Россией, следует подчеркнуть, что до конца 90-х

[1] ЦГИА УзССР, ф. 269, д. 99, л. 32, 35, 36; д. 141, л. 18, 24.

годов эти связи базировались на товарообмене, регулируемом русским промышленным капиталом. Привозились промышленные изделия взамен вывоза различных видов сельскохозяйственного сырья. Средняя Азия была одной из тех окраин России, которые вследствие громадных расстояний и плохого состояния путей сообщения еще слабо были связаны в хозяйственном отношении с Центральной Россией.

Эта связь усиливается в период возрастания роли финансового капитала в народном хозяйстве России. Этот период, как известно, ознаменовался более быстрыми темпами развития капиталистических отношений, укреплением и ростом экономических связей народного хозяйства Средней Азии с метрополией.

Введение указанного выше положения о пошлинах за право на занятия торговлей и промыслами в дальнейшем еще более ухудшило положение торговцев, особенно мелких. Об этом свидетельствует, например, прошение, поданное в конце 1880 г. 104 мелкими торговцами (продававшими фрукты, крупу, муку, ячмень и др.) на имя генерал-губернатора.

Из прошения явствует, что эти лица до 1880 г. торговали, имея только билеты на мелочный торг с оплатой 6 руб. в казну и 10%, т. е. 60 коп., в доход города. А после введения указанного положения о пошлинах за билет и свидетельство вместе с другими расходами надо было заплатить 23 руб. 10 коп.

Все это делалось несмотря на то, что эти торговцы не имели даже специальных лавок, а продавали сидя под навесом, выручая самые незначительные средства. Поэтому увеличение указанной пошлины резко ухудшило их положение. Это признавали и начальник города полковник Пукалов и канцелярия генерал-губернатора[1].

При этом надо иметь в виду, что многие мелкие торговцы лишились своих земель, которые отошли к европейской части города или были отобраны для иных целей. У некоторых торговцев вообще не было земли, и, не имея других источников средств существования, они занимались мелочной торговлей. Поэтому после введения высоких пошлин почти 70% из указанных 104 мелких торговцев должны были прекратить занятие торговлей[2].

[1] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 16, д. 1597, л. 1, 11, 13.
[2] Там же, л. 1.

Когда в 1890 г. всем мясникам Ташкента было предложено вносить в будущем за право торговли не по 6 руб. 80 коп., а по 26 руб., они заявили протест генерал-губернатору (через своего аксакала Мухаммед Эмирбая Суфибаева)[1].

По данным журнала генеральной проверки торговых и промышленных заведений Бешагачской и Шейхантаурской частей, проведенной в 1896 г., можно более или менее правильно представить себе деятельность и экономическое положение торговцев середины 90-х годов и судить о степени происходившего в их среде имущественного расслоения.

Сравнение данных, содержавшихся в журнале генеральной проверки, с данными переписи 1872 г. об «оборотных капиталах» домовладельцев-торговцев также показывает те изменения, которые произошли за четверть века в жизни этих людей.

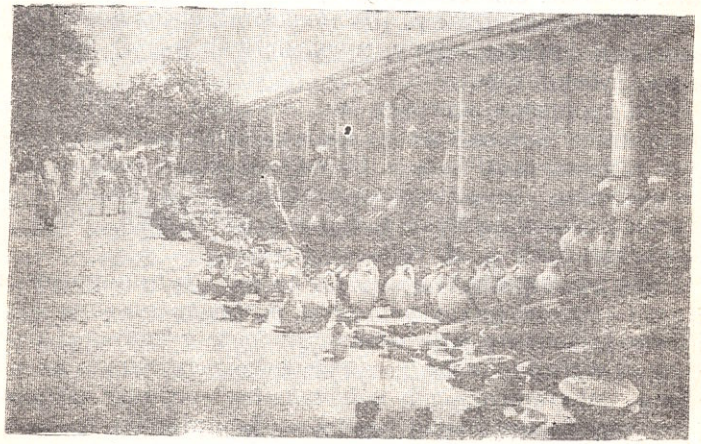

Рис. 15. Гончарный ряд.

По материалам сохранившихся трех тетрадей переписи 1872 г. оборотный капитал мелких торговцев-домовладельцев колебался от 80 до 800 руб.[2] А при генеральной проверке 1896 г. было установлено, что годовой оборот мелких торговцев колеблется от 700 до 2000 руб., а чистая прибыль каждого из них — от 70 до 200 руб.

[1] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 16, д. 2217, л. 1.
[2] Там же, ф.36, д. 861, 863, 870, л. 1—24.

Однако следует учесть, что за это время произошло заметное удорожание продуктов питания и других предметов первой необходимости, увеличилось количество потребителей, что послужило одной из причин роста годового оборота торговцев. Но все же приведенные данные свидетельствуют об известном улучшении материального положения торговцев после присоединения Ташкента к России.

В 1898 г. Ташкентская городская управа выдала только местным жителям 5056 следующих торговых документов:

Документы	*Количество*	*Стоимость документа, руб.*
Свидетельства:		
1-й гильдии	10	772,5
2-й „	131	105
1-й гильдии для членов купеческой семьи	11	15
2-й „ „	19	6
мелкого торга 3-го класса	2878	20
для приказчиков I класса	73	42
то же II класса	153	7,2
Билеты:		
к свидетельствам 1-й гильдии 3-го класса	37	45,5
то же 2-го класса	188	26
мелкого торга 3-го класса	1348	7,2
Свидетельства промысловые:		
II разряда	2	18,2
III „	206	8,4

Эти данные позволяют сделать некоторые выводы о составе торговцев и торговле вообще. Нам не удалось точно установить, входили ли в указанное число документов свидетельства, взятые не коренными жителями; известно лишь, что в это число не вошли документы, взятые русскими. Очевидно, они были выбраны именно местными жителями. А если так, то приведенные данные свидетельствуют о начале формирования торговой буржуазии из коренного населения, т. е. появлении капиталистических элементов внутри самого узбекского общества.

Наряду с этим видно, что бóльшую часть торговцев составляли лица, занимавшиеся мелочным торгом. Среди 5056 торговых документов, взятых в 1898 г., было 2878 свидетельств и 1348 билетов мелочного торга 3-го класса.

Таким образом, в рассматриваемый период в Ташкенте, как и во всем крае, с одной стороны, происходит фор-

мирование крупной торговой буржуазии, а с другой—усиливается разорение мелких торговцев, пополнявших ряды эксплуатируемых масс населения Туркестана.

ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ

Говоря о численности и составе населения Ташкента, мы отметили, что одним из занятий местных жителей было земледелие. С этой точки зрения, Ташкент оставался еще феодальным городом.

По данным переписи 1872 г., из 19 164 человек мужского населения Ташкента земледелием занимались 6640 лиц (35%). Под усадьбами и садами, принадлежавшими жителям города, находилось 22 920 танапов (5730 *га*) земли. Их пахотные земли занимали 30 670 танапов (7667,5 *га*), а пустоши — 17 441 танап (4360 *га*)[1].

Однако эти данные нельзя считать абсолютно правильными. Скорее всего, в число 6640 земледельцев вошли и такие лица, для которых земледелие было только частью его хозяйства. Все это станет более ясным, если обратиться к данным сохранившихся тетрадей переписи 1872 г. Например, из 524 домовладельцев, зарегистрированных в тетради № 4 переписи по Шейхантаурской части, 203 имели земельные участки, размер которых колебался от долей танапа до 38 танапов, но из них только 13 домовладельцев указаны как земледельцы, а остальные 190 зарегистрированы как люди иных профессий (кустари, торговцы и др.)[2]. Из 462 домовладельцев, зарегистрированных в тетради № 1 переписи Кокчинской части только 11 по роду занятий были земледельцами. Для 227 домовладельцев, имевших в своем хозяйстве от 7/8 до 25,5 танапа земли, земледелие было побочным занятием[3].

Данные о земельных участках всех 1504 домовладельцев, зарегистрированных в трех тетрадях переписи по Кокчинской, Шейхантаурской и Себзарской частям, показывают, что в их индивидуальном пользовании было от 3 до 43 танапов земли[4], что позволяет говорить об

[1] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 16, д. 564, л. 319—320; ф. 36, д. 963, л. 184.
[2] Там же, д. 861, тетрадь № 4, стр. 1—24.
[3] Там же, д. 863, тетрадь № 4, стр. 1—24.
[4] Там же, д. 861, 863, 870.

имущественном расслоении между земледельцами и преобладании в их среде мелкого земледельческого хозяйства.

Хотя земледельцы составляли небольшую часть городского населения, многие кустари, торговцы, купцы и промышленники одновременно занимались (как в городе, так и в его окрестностях) садоводством, лесоводством, огородничеством, посевами хлебов, риса, хлопчатника и других сельскохозяйственных культур, продукция которых в основном шла на удовлетворение нужд собственного хозяйства. (Исключение составлял лишь хлопок как сырье для текстильного производства). Подтверждением этому служат приведенные выше цифровые данные переписи 1872 г. о количестве домовладельцев, указания Хорошхина[1] и материалы отчетов по г. Ташкенту за 1880, 1886, 1888 гг., где отмечается занятие большой части коренного населения садоводством, лесоводством и огородничеством[2].

Материалы переписи 1872 г. показывают, что более крупные земельные участки находились не у земледельцев, а у купцов. В распоряжении купцов находились земли площадью до 100 танапов, а один из них, знаменитый купец Сеид Азимбай Мухамедбаев, владел 300 танапами[3]; купец Лахтин имел до 500 десятин земли[4] и т. д.

Это говорит о процессе концентрации земли у торговой буржуазии (которая переживала тогда начальный этап своего развития), что весьма показательно с точки зрения проникновения капиталистических отношений в сельскохозяйственное производство.

Жители Ташкента владели земельными участками и за пределами города. По данным организационной комиссии, работавшей в 1868 г., деревни Куйлюк, Ханабад, Ногай-Курган, Шиш-Тюбе, Зенги-Ата, Ниязбаш были окружены земельными участками жителей Бешагачской части города[5]; отдельные участки земли принадлежали ташкентским жителям в районах арыков Джалангач, Кибрай, Дурман[6].

[1] Хорошхин, Очерки Ташкента, «Русский инвалид», 1867, № 243.
[2] ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 1909, 2819, 3167, л. 181, 264.
[3] Там же, д. 861, тетрадь № 4, л. 14.
[4] Там же, ф. 1, оп. 14, д. 728, л. 5—6.
[5] Там же, оп. 16, д. 55, л. 81.
[6] Там же, л. 71—74.

В урочище Чартаг, где общественное землевладение жителей Бешагачской части возникло в 40-х годах, из 564 десятин пахотной земли около 90% принадлежали в 1875 г. 248 хозяйствам Ташкента[1]. По данным 1882 г., часть жителей Ташкента имела участки засеваемой земли в Ниязбекской волости[2].

Ташкентский житель Бадалмухамедбай Дадамухамедбаев, по данным 1898 г., владел в ауле Джунушкали Гаибатинской волости Сыр-Дарьинской области (под усадьбой, пашней, рисом, выгоном и камышом) 226 десятинами земли[3], а 18 жителей Бешагачской части имели в той же волости «в общем владении» свыше 264 десятин земли[4].

Многие русские купцы, офицеры и чиновники — жители Ташкента — тоже имели большие земельные участки как в городе, так и за его чертой, на территории Кураминского уезда. В 1888 г. 57 русских купцов, офицеров и чиновников владели на территории Кураминского уезда 3976 десятинами земли[5], в том числе:

Волость	*Число владельцев*	*Площадь, дес.*
Акджарская	6	833
Зенги-Атинская	6	307
Китай-Тюбинская	1	47
Ниязбекская	33	1586
Алтыновская	1	2
Гаиб-Атинская	2	105
Булатовская	5	961
Той-Тюбинская	1	20
Чиназская	2	115
Всего	57	3976

Эти данные свидетельствуют об усиленном захвате земель царскими колонизаторами.

Право пользования землей принадлежало только тем местным жителям, которым эти права достались по наследству. С развитием земледелия число свободных земельных участков уменьшалось, и к описываемому периоду не было уже такого клочка земли, который не имел бы своего хозяина. Если раньше мерилом земельного богатства хозяйства служил кош, то постепенно он стал иметь значение только для распределения расходов

[1] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 14, д. 270, л. 37.
[2] Там же, д. 427 (1-я папка), л. 134, 135.
[3] Там же, ф. 17, д. 20904, л. 19.
[4] Там же, д. 21305, л. 1.
[5] Там же, ф. 1, оп. 14, д. 728, л. 5—6.

на ремонт арыков. Размер участка не всегда стал соответствовать числу кошей и тем более величине вносимых податей. Каждый владелец земли пользовался теперь неограниченным правом на свой участок[1]; только общее пользование одним арыком связывало земледельцев одного участка между собой.

Всякая вновь освоенная земля, орошаемая водой одного арыка, должна была составлять достояние владельцев арыка или членов артели и распределялась между ними по числу кошей и по жеребьевке. Каждый участок должен был поливаться водой в определенное время. За правильностью распределения воды наблюдал выборный дехкан-аксакал[2].

Выше указывалось, что накануне завоевания в Ташкенте имелись общественные (чаковые) земли, периодически перераспределявшиеся путем жеребьевки. Но в конце 70-х годов, по данным начальника города, в черте города уже не было чаковых земель. После дележа, проведенного за несколько лет до завоевания Ташкента, у каждого землевладельца остался участок, доставшийся ему по жребию, по существу на правах полной собственности. На тех местах, где раньше высевались различные культуры, были разведены сады и дачи, которыми их хозяева владели как собственники. «Вообще,— указывал начальник города,— ныне в черте города мало земель под посевами (т. е. посевами хлебов. — *Ф. А.*), а всюду сады и клеверные поля»[3].

Заслуживает внимания следующий факт. В 1880 г. между так называемыми ремесленниками и хлебопашцами (315 человек) Бешагачской части города возник спор относительно права пользования земельными участками в местностях Чартак, Канли, Чаля и Канкус. При разборе этого дела сами земледельцы (хлебопашцы) признали спорную землю общественной. Казии, ссылаясь на то, что эта земля является общественной собственностью, потребовали от ремесленников предъявить один общий иск к обществу хлебопашцев. Однако ремесленники отказались выполнить требование казиев. Этого вопроса не мог решить и съезд казиев[4]. Такой же поземельный спор возник между ремесленниками и земледельцами

[1] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 1, д. 55, л. 95, 97.
[2] Там же.
[3] Там же, ф. 36, д. 1687, л. 2—3.
[4] Там же, д. 1910, л. 17—24.

махалля Мерганча. Оба спора были решены генерал-губернатором в пользу земледельцев.

В архивных документах имеется много подобных фактов[1]. Они свидетельствуют, прежде всего, о том, что общественные земли существовали (не известно до какого времени) и после завоевания. Однако ими пользовались только те земледельцы-хлебопашцы, которые, очевидно, остались на этих землях со времени последней жеребьевки. Пользуясь отвлечением от земледельческих работ части членов своего общества — ремесленников, они превратились в собственников этих земельных участков. Бывшие общественные земли фактически стали личной собственностью тех земледельцев, которые жили на этих землях, обрабатывали их и пользовались их плодами.

Эти факты показывают, кроме того, что после завоевания города царизмом часть жителей, прежде занимавшихся и земледелием и ремеслом, стала постепенно терять свою связь с землей, больше занимаясь различными промыслами, которые, видимо, приносили больше дохода, чем земледельческая деятельность.

По данным начальника города (1872), в числе 85 020 танапов земли четырех частей города, занятых садами, виноградниками, огородами, пашнями и паром, общественные (передельные) земли значительно преобладали над наследственными (участковыми)[2]. Но эти «передельные» земли в это время фактически находились в руках тех лиц, которые получили их во время последней жеребьевки.

В «Положении об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях» 1867 г. не было дано никакого детального разъяснения по вопросам устройства и регулирования земельных отношений населения. В докладе правителя канцелярии генерал-губернатора от 11 августа 1869 г. о необходимости ликвидации существующего беспорядка в земельном вопросе указывалось, что «здешнее население, переживая переходную эпоху от азиатского к русскому управлению, вместе с тем переживает в хаотическом беспорядке и переходную эпоху в своем хозяйстве»; что в земельном вопросе не существует никакого руководящего начала; что «толпами являются мнимые собственники на земли, принадлежащие прямо казне, выделяются из среды земель общинных большие и малые участки. Люди, имевшие вековечное право на земли, отпираются от обладания ими и кладут зерно безземельного пролетариата, вредного везде, а в особенности в крае завоеванном»[1].

Неопределенность, временный и непрочный характер местного землевладения со всеми вытекающими последствиями сохранился без изменений до применения «Положения» 1886 г. Об этом свидетельствуют многочисленные прошения жителей Ташкента, поступившие в 1880 — 1882 гг. в канцелярию генерал-губернатора, подавляющее большинство которых касается исключительно вопросов о землях, незаконном захвате или обложении их податями[2].

В 1886 г. был издана закон, по которому за оседлым населением закреплялись земли, фактически находившиеся в его владении. А земли кочевых районов были объявлены государственными и отданы в бессрочное пользование кочевникам. Одновременно особым законом указывалось, что русские переселенцы, при известных условиях, могут получать участки «свободных» государственных земель[3].

Всего в 1875 г. городских земель насчитывалось[4]: под азиатской частью — 15 630 десятин 1200 саженей, под базарами — 177 десятин 550 саженей, в окрестностях азиатской части — 10 742 десятины 2300 саженей, общественных земель — 16 десятин 2100 саженей; под европейской частью — 198 десятин 1900 саженей, под русскими домами — 130 десятин 1500 саженей, земель инженерного ведомства — 594 десятины 1155 саженей.

Частью городских земель на правах вакуфов владели духовные учреждения; в 1876 г. их площадь составляла 4801 танап[5], в 1877 г. — 3682[6], в 1878 г. — 3530[7], в 1879 г. — 2959[8], а в 1886 г. — 6615 танапов[9].

[1] См. ЦГИА УзССР, ф. 17, д. 19286, л. 7; ф. 1, оп. 14, д. 464, л. 33—34.
[2] Там же, ф. 36, д. 857, л. 15.

[1] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 14, д. 25, л. 2.
[2] Там же, д. 444, 449, 476, 504, 514, 537, 540, 562, 566.
[3] В. Вощинин, указ. соч., стр. 14.
[4] ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 1313, л. 79.
[5] Там же, л. 12—14.
[6] Там же, д. 1457, л. 75—90.
[7] Там же, д. 1677, л. 85—94.
[8] Там же.
[9] Там же, д. 2819, л. 203—216.

По данным 1878, 1879 и 1883 гг., городские земли составляли 19 472 десятины удобной земли, в том числе усадебной — 3680 десятин, под садами, огородами и т. д. — 6142, под пашнями — 6242, прочей удобной земли — 3408 десятин[1].

Кроме пшеницы и ячменя, жители города выращивали на своих участках маш, макка-джугары (кукурузу), ак-джугары (сорго), рис, бурчак (русский горох), ясмык (чечевица), нухат (горох), зигир (лен), кунжут, беда, или джунучка (клевер), гуза (местный сорт хлопка), табак, кокнор (опийный мак), руян (марена), тарик (просо), кунак (род мелкого проса), корнеплоды — морковь, репу, лук и др.

В Ташкентском районе после его присоединения к России происходит расширение пахотных земель и увеличение посевов различных сельскохозяйственных культур.

В начале 80-х годов земледелием был занят лишь 1% территории Сыр-Дарьинской области[2]. Ко второй половине 90-х годов в Ташкентском уезде площадь возделанной земли выросла более чем вдвое[3].

В 1872 г., по данным начальника города, в Ташкенте под посевами, не считая клеверных полей и огородов, было занято 29 тыс. танапов (4833,3 дес.) земли[4], а в 1891 г., по сведениям заведующего системой Бозсу, в черте города под различными посевами находилось до 32 121 танапа (5353,5 дес.) земли[5]. В 1898 г. в городе количество облагаемой земли выросло до 7640 дес.[6]

Такой рост пахотных земель был обусловлен главным образом успешным внедрением нового сорта хлопчатника и быстрым увеличением городского населения.

Сразу же после присоединения Ташкента к России царские власти и русские предприниматели обратили особое внимание на создание в Туркестане сырьевой базы для русской текстильной промышленности. Тогда же

[1] ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 1528, л. 136; д. 1677, л. 114; д. 2336, л. 134. Указанные 6242 десятины пахотной (полевой) земли, очевидно, находились не внутри города, а в его окрестностях.
[2] К. П. Кауфман, указ. соч., стр. 212—213.
[3] «Правительственный вестник» за 1898 г., стр. 124 (Туркестанский сборник, т. 432, стр. 124).
[4] ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 857, л. 15.
[5] Там же, д. 3298, л. 5.
[6] Там же, д. 3816, л. 4, 6, 8, 9.

начались опыты по разведению новых сортов хлопчатника. В июне 1866 г. военный губернатор получил от оренбургского генерал-губернатора Крыжановского 12 фунтов семян сорта Sea Island cotton, с инструкцией по его разведению и предписанием начать опыты[1].

Уже в 1867 г. посевы хлопчатника в окрестностях Ташкента были увеличены в пять раз. Купец Хлудов еще тогда засеял несколько десятин семенами американского сорта хлопчатника. Купцу Первушину отводилось под посев хлопчатника 90 квадратных верст земли[2]. В 1877 г. в Ташкенте была организована хлопковая ферма, которая занимала около 18 десятин орошаемых земель.

В 1882 г. отдельные жители Ташкента в черте города засеяли хлопчатником 167,5 десятины, в том числе 5 танапов — местным сортом (гуза), а остальную площадь — американским хлопчатником. На территории Кураминского уезда американским хлопчатником было засеяно 17,5 десятины, местным — 750 десятин земли[3]. В 1885 г. в черте города было занято под американским хлопчатником 180 десятин земли, под местным — 320[4], а в 1888 г. — соответственно 1555 и 630 десятин[5].

Рост посевов хлопчатника вызвал повышение цен на пищевые и кормовые продукты.

Например, в мае 1879 г. одна четверть (7 пудов 10 фунтов) несеяной муки стоила 4 руб. 90 коп., а в конце года цена на нее поднялась до 8 руб. 70 коп. Четверть риса (8 пудов) с 9 руб. 60 коп. в начале того же года дошла до 12 руб. 80 коп. в декабре.

По данным 1882 г., с городских земель ежегодно снималось: озимой и яровой пшеницы — около 2 тыс. четвертей, ячменя — около 500, риса — около 500, проса —около 300, итого почти 3300 четвертей. Кроме того, ташкентские жители получали примерно столько же хлеба и со своих посевов, расположенных в Кураминском уезде[6].

Если, по данным 1880 г., Ташкент мог обеспечить своим собственным хлебом $^1/_{50}$ часть городского населения и дислоцируемого войска, то урожай 1883 г. мог

[1] ЦГИА УзССР, ф. 17, д. 13239, л. 1.
[2] «Голос», 1867, № 298.
[3] ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 1036, л. 25.
[4] Там же, д. 2482, л. 375.
[5] Обзор Сыр-Дарьинской области за 1888 г., Ташкент, 1890, стр. 52—53; ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 1528, л. 140; д. 2819, л. 132.
[6] ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 1715, л. 16, 17.

обеспечить хлебом только $^1/_{76}$ часть населения[1]. Населению приходилось приобретать значительное количество хлеба в ближайших к городу Кураминском, Чимкентском и Аулие-Атинском уездах.

В связи с расширением посевов хлопчатника постепенно сокращались посевы зерновых, люцерны, площадь садов и т. д.

Все это способствовало развитию операций по купле-продаже земли. Нуждаясь в деньгах для организации хлопкового хозяйства, одни хозяева продавали часть своей земли, другие закладывали ее под ссуды, причем нередко заложенная земля переходила в руки заимодавцев. Процесс концентрации земель в руках крупных хозяев сопровождается обезземеливанием бедняцкой части населения. Так, по данным 1870 г., из 39 393 дворов в Кураминском уезде 4266 дворов (11%) были безземельными[2].

Стоимость земельных участков росла с каждым годом. По данным 1879 г., стоимость городских земель почти в 20 раз превышала стоимость их в конце 60-х годов[3].

В начале 80-х годов десятина земли поблизости от городских центров края оценивалась от 100 до 500 руб. В Ташкенте же десятина «пустопорожней» земли продавалась в это время по 1000—1200 руб.[4]

В 1892 г.1 квадратная сажень земельного участка в Ташкенте (подлежащего отчуждению у 123 местных жителей под линию конно-железной дороги) оценивалась от 3 до 25 руб.[5]

Увеличению количества безземельных хозяйств способствовало также отчуждение у местных жителей земельных участков в связи с возникновением и расширением европейской части города, строительством ярмарки, шоссейной дороги, военного лагеря и т. п. Причем эти земли часто раздавались отставным военным и другим лицам. К этому следует добавить и произвол царских чиновников. Пользуясь запутанностью земельного вопроса, царские чиновники и военные стремились завладеть землями местных жителей. Например, 60 семействам, пользовавшимся до того михчегарской землей, было запрещено заниматься хлебопашеством, так как военный губернатор Головачев хотел получить ее за свою службу в крае[1].

В начале 70-х годов у четырех жителей Шейхантаурской части были отняты, под предлогом казенной аренды, участки земли в местности Янги-Арык, которые служили единственным источником существования этих людей[2]; причем арендной платы им не выдали.

Такими способами царские колонизаторы захватили у местного населения значительные земельные участки, которые они стали засевать хлопчатником и другими культурами. Вскоре под Ташкентом появились первые плантаторские хозяйства русских хлопководов и торговых фирм: Белякова — 620 десятин, Большой Ярославской мануфактуры — 400, Тарсина — 200, бр. Никифоровых — 300 десятин и др[3].

Однако в условиях крупного плантаторского хозяйства не удалось обеспечить той степени интенсивности хлопководства, которую достигали мелкие хозяйства. В условиях господства в Средней Азии того времени феодальных методов эксплуатации применение наемного труда и вложение больших капиталов в крупные хозяйства оказались нерентабельными. Немалую роль сыграло и плохое знакомство русских предпринимателей с условиями ведения хлопкового хозяйства, с водным режимом и т. д. В силу этих причин почти все плантации вскоре потерпели крах.

Обработка одной десятины хлопкового поля в Ташкенте в 1888—1895 гг. стоила 55—81 руб.[4] Такая сумма была чрезвычайно высока для скромного бюджета местных крестьян.

С хлопчатником сильно конкурировали зерновые культуры. Стоило только хлебу подняться в цене, как в следующем же году происходило сокращение посевов хлопчатника и увеличение посевов зерновых, доходность которых была близка к доходности хлопчатника.

Кроме того, неблагоприятные погодные условия (поздние весенние и ранние осенние заморозки и т. п.)

---

1 ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 1919, л. 106; д. 2336, л. 137.
2 Статистические очерки Кураминского уезда, «Туркестанские ведомости», 1882, № 25.
3 «Туркестанские ведомости», 1879, № 10.
4 К. П. Кауфман, указ. соч., стр. 241.
5 ЦГИА УзССР, ф. 17, д. 21003, л. 149—150.

1 ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 14, д. 205, л. 4.
2 Там же, д. 396, л. 1.
3 А. П. Демидов, указ. соч., кн. 3, стр. 42.
4 Там же, стр. 60.

нередко наносили большой ущерб хлопководству в Ташкентском районе.

Все это привело к тому, что посевы хлопчатника здесь стали заменяться посевами зерновых и овощных культур. Так, в 1891 г. посевы хлопчатника в районе Ташкента составили 1700 десятин (американских сортов — 1300, местных — 400 десятин), а в 1899 г. они сократились до 175 десятин (американских сортов — 124, местных — 51 десятина)[1].

Обработка земельных участков производилась обычно не самими хозяевами, а посторонними лицами, которые нанимались за определенную плату или получали известную долю урожая.

В первые годы после завоевания Ташкента царскими войсками Хорошхин писал, «что, подобно нашим пахарям, и между сартами есть такие, что берутся распахивать известное число кунлюков[2] из-за 3-й или 4-й части урожая или за деньги. Например, ремесленник (касип), имеющий участок, но привязанный к своим занятиям и к городу, всегда отдает на обработку свою землю с тем, чтобы по уборке хлеба получить известную часть урожая»[3].

Эти люди, обрабатывавшие чужие земли на указанных условиях, вероятнее всего относились к категории чайрикеров.

Неизвестный автор одной из статей, помещенных в «Туркестанских ведомостях», указывает на наличие среди населения Ташкента таких богачей, которые получали за пользование их скотом половину урожая с обработанного участка. Многие безземельные батраки-казахи Кураминского уезда нанимались к этим богачам, получая 1/4 часть выращенного урожая. На территории уезда были даже селения, окруженные земельными участками лиц, не проживавших в данной местности. Эти участки обрабатывались жителями соседних селений исполу[4].

Таким образом, ташкентские баи эксплуатировали не

[1] ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 3298, л. 270; д. 3391, л. 210; д. 3591, л. 11, 15; д. 3745, л. 206; д. 3912, л. 66—67.

[2] Кунлюк — мера земли (равная примерно 2 танапам), применявшаяся в тот период для измерения земельных площадей, находившихся под различными культурами, кроме клевера, овощей и садов.

[3] Хорошхин, Очерк Ташкента, стр. 215.

[4] «Туркестанские ведомости», 1873, № 5.

только трудящихся города, но и экономически слабых, безземельных жителей соседних селений. В большинстве своем эти баи принадлежали к числу старшин, сборщиков податей, судей, купцов.

Многие жители Ташкента не имели определенной профессии. Они нанимались на работу в полях, садах и т. п., получая за это либо денежную плату, либо часть урожая.

Например, хозяйства Ниязбекской части Ташкента, по данным ревизии К. Палена, распределялись по способу обработки земли следующим образом[1]:

	Процент хозяйств
Без посторонней помощи	31,18
С помощью:	
мардикеров	26,67
чайрикеров	8,82
шериков	4,30
С помочью[2]	2,36
Разными смешанными способами	4,09
С использованием наемного скота	6,24
Без участия хозяев:	
шерики	5,59
чайрикеры	1,29
мардикеры	2,58

Надо полагать, что наем мардикеров и сдачу части земли чайрикерам практиковали крупные землевладельцы, в качестве шериков работали середняки, а к найму скота и супряге прибегали малоземельные крестьяне. Чаще всего обращались к посторонней помощи более состоятельные семьи, так как они располагали необходимыми для этого средствами и не могли своими силами обрабатывать принадлежавшие им крупные земельные участки.

По свидетельству К. К. Палена, в то время наблюдались случаи найма сроковых и годовых работников[3]. В Ташкенте хлопковые поля наряду с крестьянами обрабатывали и наемные рабочие, ежегодно стекавшиеся из Ферганской, Самаркандской областей и из Бухары.

Среди коренного населения, занятого на обработке хлопчатника, существовала особая категория работни-

[1] К. К. Пален, Материалы к характеристике народного хозяйства Туркестана, ч. 1, СПб., 1910, стр. 235.

[2] Так в оригинале.

[3] К. К. Пален, Материалы к характеристике народного хозяйства Туркестана, ч. 1, стр. 24.

ков — каранда (испольщик). Сущность этой формы заключалась в том, что землевладелец давал безземельному или малоземельному крестьянину свой участок, семена, орудия производства и нанимал ему в помощь нескольких рабочих для проведения пахоты и сева хлопчатника. Дальнейший уход за плантацией лежал на каранда, и только для сбора хлопка хозяин снова нанимал рабочих в помощь каранда. Собранный урожай распределялся между хозяином и каранда на заранее (всегда устно) определенных условиях; в пользу каранда шла 1/2—1/5 часть урожая.

В конце 80-х годов вырисовывается переходная ступень к батрачной системе, когда каранда стал принимать на себя обязательство продать причитающуюся ему часть урожая собственнику земли за определенную плату (ниже рыночной стоимости).

Таким образом, в конце XIX в. наряду с господством феодальных отношений в земледелии и землевладении Ташкента и его окрестностей происходит постепенное развитие элементов капиталистических отношений, что приводило к усилению эксплуатации трудящихся масс, обезземеливанию и обнищанию непосредственных производителей и обострению классовых противоречий в городе и кишлаке.

НАЛОГИ И РАЗЛИЧНЫЕ СБОРЫ

Основы податной системы в Туркестанском крае впервые были заложены выработанным степной комиссией и введенным в действие «Проектом положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях» 1867 г. Согласно «Положению», основной податной единицей была принята отдельная семья—кибитка. Все подати и сборы взимались по раскладке.

Но эта система вскоре стала претерпевать различные изменения как по размерам обложения, так и по способу взимания. Вообще податное устройство проводилось по большей части бессистемно, отдельными распоряжениями генерал-губернатора.

После завоевания края царизмом с его оседлого населения, в том числе с жителей Ташкента, продолжали взимать хирадж в размере 1/10 части урожая пшеницы, ячменя, льна, маша, проса, кунака, кукурузы, риса, мака

и т. д. Танап-пули с виноградника, по данным 1867 г., составлял 2 руб. с десятины, с посевов хлопчатника—1 руб. 40 коп., с овощей — 1 руб.[1]

По действовавшему в то время проекту «Положения», с оседлого населения Сыр-Дарьинской области, кроме хираджа, танап-пули, зяката и сбора на содержание лиц общественного управления, не предусматривались никакие другие налоги и подати. Все прочие сборы (весовые, базарные и т. д.) были отменены. Но это не помешало военному губернатору Черняеву ввести с августа 1865 г. таможенные и базарные сборы[2], а также сборы с подвод, нагруженных товарами, с пригоняемого скота и весовой сбор.

Для взимания указанных сборов в октябре 1865 г. были назначены: главный зякатчи, его помощник и зякатчи на базаре с помощником.

Сборы с торговцев должны были взиматься: по 10 руб. с лавок, находившихся в караван-сараях и торговавших красным товаром, матой, выбойкой, халатами и разными вещами; по 5 руб. — с чайных и лавок, торговавших сахаром, фруктами, ножами, медной посудой, хлопком, седлами, хлебом, сундуками; по 3 руб.—с лавок мясных, кузнечных, свечных, мыльных, табачных, лесных, обувных, с кудунгарных, красильных, молочных, с лавок, торговавших тюбетейками, глиняной посудой, солью, буйрой (цыновками)[3].

Весовой сбор был установлен в размере 1/2 коп. с каждого пуда хлеба, поступившего для продажи[4]. С первого взгляда этот сбор кажется незначительным, но на самом деле он тяжелым бременем ложился на плечи населения. Дело в том, что весовой сбор всегда отдавался на откуп, а откупщики и их сборщики, вместо того чтобы производить этот сбор на месте, при весах, встречали обозы торговцев далеко за городом и требовали с них сбор в совершенно произвольных размерах. Откупщик взимал сбор со всего, что можно было вешать (например, с орехов, кореньев, красильных веществ и т. д.). Со временем откупная цена возрастала, и весовой сбор, отданный ранее

---

[1] См. «Историю Узбекской ССР», т. 1, кн. вторая, стр. 109. ЦГИА УзССР, ф. 17, д. 15, л. 34—36; ф. 36, д. 170, л. 34.
[2] ЦГИА УзССР, ф. 450, д. 16, л. 17, 21.
[3] Там же, л. 33.
[4] Там же, д. 18, л. 5; д. 2, л. 51.

на откуп за 2400 руб., в 1867 г. был отдан за 4542 руб.[1] Соляной и угольный сборы (по 20 коп. с навьюченного солью или углем верблюда) существовали только в Ташкенте. Соль и уголь, как известно, всегда были предметами первой необходимости.

Подводный сбор взыскивался с каждой лошади (по 10 коп.), верблюда или арбы (по 20 коп.), прибывавших в Ташкент с грузом, независимо от вида товара.

Свадебный сбор (никох) составлял 2 руб. с девушки и 1 руб. с вдовы. С 1868 г. свадебный сбор был отменен, и жителям города и соседних кишлаков было объявлено, что впредь с населения будут взыскиваться в пользу казны хирадж, танап, зякат и сбор на содержание почтовых станций. Кроме того, по распоряжению хозяйственного общественного управления, должны были производиться сборы на общественные нужды города, для исправления арыков, мостов, улиц и т. п.[2]

Однако сборы с населения этим не ограничивались. Например, в 1878 г. были назначены две стипендии имени К. П. Кауфмана (для гимназистов). Эти деньги тоже собирались с коренного населения по 50 коп. с двора[3]. С населения собирались также средства на содержание оспопрививателей и на учебную часть.

После завоевания города продолжал существовать и так называемый сарайманский сбор, который взимался за помещение и хранение в караван-сарае привезенных товаров по мере их продажи. Его уплачивал не продавец, а покупатель (о размере этого сбора говорилось выше, в главе первой). Торговцы говорили, что этот налог препятствовал развитию торговли, уменьшая количество покупателей.

В 1872 г. был введен так называемый гербовый сбор на извозные и перевозочные промыслы. Рассмотрев вопрос об увеличении этого сбора, городская дума решила с 1 января 1878 г. взимать с промышлявших извозом и перевозным промыслом: по 25 руб. с рессорного экипажа, по 15 руб. — с простого экипажа и по 3 руб. с арбакешей, ранее не плативших налогов[1]; с караван-сараев и постоялых дворов взималось по 100 руб.[2]

Различными сборами облагались также чайханы, съестные лавки, лари и т. п.

Зякат взимался со всех караванов иностранных купцов и нерусских подданных на местах распродажи товаров. Купец имел право продать и вывезти из области товар только на ту сумму, из расчета которой он платил зякат.

Местное население, приобретавшее товары у проходящих караванов или оптовых торговцев, также вносило зякат в размере 2,5% стоимости покупки. Все промыслы, не исключая обмена денег, отдачи их под проценты, а также частные подряды, тоже должны были облагаться зякатом[3].

Стремясь получить больше дохода, царские власти, подобно ханским, тоже решили собирать зякат дважды в год. В июле 1865 г. управляющему туземным населением Ташкентского района было предписано собирать зякат и при входе каравана в город, и при выходе его из города. Эти меры стесняли торговлю. Около 400 купцов, занимавшихся перепродажей русских товаров, вынуждены были прекратить свои торговые дела.

Такой порядок взимания зяката сохранялся до 1875 г. С 1 января 1875 г. взамен зяката, как уже указывалось выше, был введен (сначала в виде временной меры, сроком на четыре года) промысловый сбор, т. е. применены «правила о пошлинах за право торговли и промыслов». При этом считалось, что при зякате чрезвычайное разнообразие и неустойчивость предметов обложения затрудняют организацию выгодных способов взимания налога и ведение правильного контроля.

Это нововведение вызвало еще большее недовольство среди коренного населения. «Пришлось образовать следственные комиссии да усмирять беспорядки, возникавшие один за другим в разных местах с редким единодушием»[4].

Новое торговое положение ложилось всей тяжестью не на богачей, а на средних и мелких торговцев. Главным недостатком его было одинаковое обложение всех однородных заведений независимо от их размеров.

[1] ЦГИА УзССР, ф. 450, д. 18, л. 5; ф. 1, оп. 16, д. 10, л. 18—19.
[2] Там же, ф. 36, д. 13, л. 8.
[3] Н. Остроумов, Константин Петрович Фон-Кауфман, устроитель Туркестанского края, Личные воспоминания Н. Остроумова (1877—1881), Ташкент, 1889, стр. 37.

[1] «Туркестанские ведомости», 1878, № 30.
[2] «Туркестанские ведомости», 1879, № 4.
[3] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 14, д. 24а, л. 61—66.
[4] В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, стр. 195.

Согласно правилам о пошлинах, торговцы овцами, платившие прежде 200—500 руб. зяката, вовсе освобождались от платежей; торговцы ситцем вместо уплаты зяката в 100—300 руб. ограничивались только уплатой 54 руб. 80 коп. за взятие торговых документов, т. е. свидетельств 2-й гильдии (по V классу). Мелочные же торговцы (баккалли), как и ремесленники, прежде освобождавшиеся от уплаты зяката, должны были теперь платить ежегодно от 2 до 8 руб.

Крупные местные торговцы прекрасно поняли выгодность для себя новых правил и, конечно, без всякого сожаления распрощались с зякатом. Со стороны же мелочных торговцев и ремесленников последовали коллективные протесты.

Плотники, столяры, кузнецы, слесари, сапожники, красильщики, хлебопеки и др., имея самый ничтожный заработок, и прежде жили, как говорится, «перебиваясь с хлеба на квас». Новое же положение обязывало их приобретать промысловые свидетельства стоимостью в 2 руб. 50 коп., а если при мастеровом находился помощник, то 4 руб. Причем деньги надо было вносить за год вперед. Эти сборы тормозили развитие местной промышленности. Многие мелочные торговцы, ремесленники, боясь штрафов за нарушение правил данного сбора, нередко вынуждены были закрывать свои лавки. Подобными штрафами зачастую облагались несостоятельные лица.

Некий очевидец рассказывал, что один из проверяющих как-то обнаружил шорника, работающего без документа с 14-летним сыном. С него следовало взять штраф. Шорник до того мало зарабатывал, что у него даже не оказалось денег для уплаты штрафа. Тогда соседи шорника, чтобы спасти его от окончательного разорения, сложились и внесли за него штраф. Таких случаев было много[1].

Сбор, предназначенный для содержания ирригационной системы, арык-аксакалов, мирабов, туганчей и т. д., взимался также с мельниц, толчей, сараев, кожевенных, кирпичных заведений, пекарен и т. п.

Сбор на общественные нужды, которые определялись начальником города единолично, взимался в азиатской части города равномерно с каждого домовладельца.

Если поземельная подать в 1872—1874 гг. вместе с земским сбором равнялась 2 руб. 30 коп. с двора, то на

[1] «Туркестанские ведомости», 1880, № 47, 48.

общественные нужды города с населения азиатской части взималось в 2—2,5 раза больше[1].

Сумма общественных сборов с 16 069 руб. 90 коп. в 1868 г. выросла до 77 235 руб. 05 коп. в 1875 г. В 1875 г. на двор приходилось уже по 5 руб. 31 коп. вместо 1 руб. 11 коп. в 1868 г.[2]

Кроме того, ташкентские жители, взамен натуральной повинности, облагались ежегодно земским сбором в 75 коп. (с 1876 г. — 1 руб.) с каждого двора[3].

Деньги, поступавшие от общественных сборов, часто использовались не на те нужды, для которых они собирались. Например, начальник города выдавал из этих денег ссуды чиновникам, добавочные и наградные разным чинам и т. д.

Высокие расходы по сбору хираджа и танап-пули побудили царскую администрацию с 1871 г. ввести вместо этих сборов окладную поземельную подать (равную средней сумме хираджа и танап-пули за 3 последних года).

По распоряжению начальника города выделенные хозяйственным общественным управлением лица путем объезда полей и садов организовали раскладку податей, приняв за правило, что поземельный сбор должен быть произведен с такого пространства, с которого взимались хирадж и танап-пули в 1868 и 1870 гг. Раскладка была произведена по арыкам, питающим поля и сады. На Шейхантаурскую часть был начислен оклад в 8942 руб. 50 коп., на Бешагачскую—9542 руб. 50 коп., на Себзарскую—9542 руб. 50 коп., а на Кокчинскую — 8342 руб. 50 коп.[4].

Таким образом, оклад поземельной подати за 1871 г. был определен в 36 373 руб. (не считая 5-процентного вознаграждения членам хозяйственного управления), т. е. гораздо больше общей суммы хираджа и танап-пули на

[1] А. И. Добросмыслов, Ташкент в прошлом и настоящем, стр. 106, 107.

[2] Там же, стр. 105.

[3] ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 1457, л. 95.

[4] Там же, д. 761, л. 1, 14. Общая сумма поземельной подати сообщалась начальником города хозяйственному общественному управлению, которое производило раскладку на 4 части города. Затем выборные каждой части (элликбаши—пятидесятники) распределяли подать по участкам, расположенным по арыкам, и, наконец, в каждом участке амины (благонадежные люди) производили раскладку подати среди плательщиков.

1870 г. (тогда размер хираджа был определен в 14 926 руб. 75¾ коп., танап-пули — 15 563 руб. 80 коп.[1]

Поземельная подать на 1872 г. по Ташкенту была определена в сумме 20 959 руб. 50 коп. Этот расчет был сделан исходя из того количества городской земли, которое было выявлено начальником города с учетом как обрабатываемых, так и пустопорожних участков. Было определено, что под посевами различных культур занято 16 055 ¾ танапа, с которых и предполагалось взимать указанную сумму[2]. Поземельная подать уменьшилась потому, что в связи с изменением границ города некоторое количество земель перешло в Кураминский уезд, и подать на 1872 г. была определена по количеству действительно обрабатываемой земли.

Оклад поземельной подати на 1873 г. был определен в 22 007 руб. 48 коп., т. е. на 5% больше против оклада 1872 г.[3] Данная сумма подати оставалась неизменной до 1877 г. Это было вызвано, в частности, тем, что население по наряду поставляло верблюдов для войск, у жителей ежегодно отчуждались земли, переходившие в казну и в руки русских чиновников, а также ввиду суровых зим и плохих урожаев.

Новый поземельный налог, заменивший хирадж и танап-пули, утратил, таким образом, всякое значение окладного налога и стал еще более неопределенным, чем прежние сборы.

Следует также учесть, что, не зная установленных порядков, некоторые жители, не имевшие ни земли, ни хозяйства, как правило, все-таки вносили сборщикам какие-то подати. В 80-х годах, например, с населения отдельных кишлаков взыскивали хирадж, который юридически давно был упразднен[4]. Кроме того, большинство плательщиков были неграмотными. Пользуясь этим, сборщики часто указывали на квитанциях гораздо меньшую сумму, чем взыскивали на самом деле.

Хотя оклад поземельной подати оставался прежним, обременительность его все более усиливалась. Дело в том, что отдельные земельные участки все чаще переходили из рук местного населения к русским чиновникам, офицерам, купцам и др., вообще не платившим поземельной подати. Поэтому земельная площадь налогоплательщиков уменьшалась, однако поземельный налог с каждого хозяйства азиатской части города сохранялся в прежних размерах. Кроме того, ввиду нехватки оросительной воды поля отдельных хозяйств оставались незасеянными, но при сборе налога это не учитывалось.

[1] ЦГИА УзССР,ф. 1, оп. 14, д. 37, л. 33, 34; ф. 36, д. 761, л. 1.
[2] Там же, ф. 1, оп. 14, д. 80, л. 25.
[3] Там же, д.108, л. 1.
[4] Туркестанская справочная книга на 1885 г., с календарем, Ташкент, 1884, приложение, стр. 158.

В 1882 г. оклад поземельной подати был определен в сумме 26 408 руб. 98 коп., или на 20% выше прежнего[1]. Этот налог оказался тем более обременительным для населения, что в 1882 г. на многих полях хлеб был уничтожен сельскохозяйственными вредителями.

Хотя жители имели земельные участки различных размеров, многие из них при раскладке подати облагались совершенно одинаково. Например, трое жителей Кокчинской части города имели: один—26 танапов земли, второй—8 ½, третий—6 танапов. Однако все трое платили поземельную подать в размере 10 руб. каждый[2].

По городовому положению, введенному в действие в Ташкенте с 1877 г., с недвижимых имуществ жителей города следовало взимать так называемый оценочный сбор. Но ввиду неподготовленности к введению этого сбора на заседании городской думы от 29 сентября 1878 г. было решено взамен оценочного налога по-прежнему взимать с населения азиатской части Ташкента сбор для содержания администрации и удовлетворения общественных нужд города. Сумма этого сбора в 1878 г., несмотря на возражения гласных думы из местных жителей, была увеличена с 39 313 руб. до 60 тыс. руб.[3]

Член бюджетной комиссии городской думы В. П. Черевanский писал по этому поводу: «Дума не имела основания увеличивать налог в азиатской части города Ташкента до 60 000 руб... известно, что азиатская часть города не имеет ни одного фонаря, улицы не проездны, мосты ужасны, больницы нет, и вообще хозяйство этой части города находится в том же первобытном состоянии, в каком оно было до занятия Ташкента русскою властью».

Автор письма указывал, что в азиатской части Ташкента имеется 12 тыс. дворов, население которых даже не знает, принадлежит ли оно к городскому или сельскому сословию. Русское население не несет прямых государст-

[1] ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 2196, л. 27.
[2] Там же, ф. 17, д.19404. л. 5, 6.
[3] Там же, д. 19033, л. 228.

венных податей и земских повинностей, а население азиатской части города платит государственных налогов на сумму 22 тыс. руб., земских—14 тыс. руб., на содержание канала в Голодной степи—до 40 тыс. руб. Если же добавить утвержденный думой налог в 60 тыс. руб., то выходит, что азиатская часть города выплачивала до 136 тыс. руб. прямых налогов, тогда как русская часть вносила всего 10 тыс. руб.[1]

Распределение суммы, подлежащей сбору с населения азиатской части на содержание городской администрации и удовлетворение разных нужд города, производилось крайне неравномерно.

Местные эксплуататоры и их ставленники—представители городской администрации—оказались верными своим узкоклассовым интересам: из всех жителей азиатской части городские и земские налоги в сумме 4 руб. платили 512 человек, более 20 руб.—только двое (один 24 руб. другой—20 руб. 40 коп.), а остальные 12 428 плательщиков вносили от 4 до 20 руб. каждый. Крупный купец Саид Азимбай, владевший громадным недвижимым имуществом, вносил всего 20 руб. 40 коп.[2], а в начале 80-х годов с имущества его наследников, оцененного до 160 тыс. руб., и неоцененного имущества (примерно на сумму 100 тыс. руб.) при раскладке налогов поступило всего 48 руб.[3]

Насколько обременительным был налог, введенный взамен оценочного сбора, видно уже из того, что население азиатской части в 1878 г. не могло уплатить его своевременно, и в 1879 г. образовалась недоимка по этому налогу в сумме 42 945 руб. 45 коп. Недоимки образовывались и в последующие годы. Так, в 1880 г. только по одному поземельному налогу они составили 15 594 руб. 17 коп.[4]

Следует отметить, что еще в 1868 г. натуральная повинность была заменена денежным «земским» сбором (тогда по 75 коп. с каждого двора), и население вправе было рассчитывать на окончательное освобождение от натуральной (дорожной) повинности. Однако и в начале 80-х годов дорожные и ирригационные работы производились населением в виде натуральной повинности. Кроме того, при осуществлении отдельных мероприятий жители города подвергались дополнительному денежному обложению. С 1880 г. земский сбор с каждого двора был увеличен с 1 руб. до 1 руб. 25 коп.[1]

1 ЦГИА УзССР, ф. 17, д. 19033, л. 228—229.
2 Там же, л. 240.
3 Там же, д. 1586, л. 16.
4 Там же, ф. 1, оп. 14, д. 427, л. 1; д. 611, л. 5.

По утверждению генерал-губернатора Кауфмана, земский сбор был предназначен для исправления арычных мостов, спусков и водоемов на почтовых трактах и т. п. На деле же большая часть этого сбора расходовалась совершенно не по назначению (например, на наем рассыльных при управлении начальника города, на оплату секретаря статистического комитета, командировки должностных лиц, на отопление и освещение служебных помещений и т. д.).

Взимание всех этих налогов и сборов не было упорядочено. Одни лица платили больше, другие—меньше; у одних все сборы производились администрацией, у других — подрядчиками, у третьих — и администрацией и подрядчиками. Причем сборщики налогов часто прибегали к насилию, злоупотребляли своим положением и т. п.

Учитывая все это, гласные городской думы в связи с введением оценочного налога с недвижимых имуществ предложили в 1884 г. взимать впредь земский сбор и поземельную подать не путем внутренней раскладки, а путем вычисления определенного процента со стоимости недвижимых имуществ[2].

В связи с ростом недовольства коренного населения существовавшим порядком взимания налогов царские власти вынуждены были принять предложение гласных. С 1884 г. общую сумму податей стали распределять между жителями, исходя из стоимости их недвижимых имуществ. Это принесло известное облегчение бедным слоям населения. Теперь на каждый рубль оценочного налога, вносимого тем или другим домовладельцем, поземельная подать и земский сбор составили 50 коп.

Общая сумма этих налогов с азиатской части города первоначально достигала почти 40 тыс. руб.[3] В 1851 оклад поземельной подати и земского сбора увеличился до 59 700 руб., в 1893—до 62 тыс., а в 1894 г.—72 тыс. руб.

К тому же при новом порядке сбора налогов равномерность раскладки фактически не была достигнута.

1 ЦГИА УзССР, ф. 17, д. 13925, л. 10.
2 Там же, ф. 1, оп. 16, д. 1586, л. 19.
3 Там же, ф. 17, д. 14193, л. 11.

Окладные книги составлялись один раз в четыре года, а потому данные их зачастую не соответствовали действительности. В результате и обедневшие и разбогатевшие за данный период домовладельцы платили одинаковые налоги.

В прошении, поданном 31 октября 1894 г. на имя генерал-губернатора, жители азиатской части города писали: «за исключением торговых помещений, лавок, чайхан, караван-сараев, все огромные недвижимые имущества азиатской части города служат их владельцам не для извлечения каких-либо доходов, но единственно для жилья. В огромном большинстве жилье это представляет из себя жалкую лачугу с крохотным двориком, в которой и ютится многочисленная семья домовладельца. Чтобы прокормить эту семью, домовладелец в летние месяцы занимается земледелием, огородничеством или садоводством, если имеет где-нибудь на окраине Ташкента клочок свободной земли; в зимние же месяцы чем-либо торгует или же поручает торговлю грошевым товаром на круглый год кому-нибудь из взрослых детей. Отсюда такое множество у нас, в азиатском городе, лиц торгового класса. Как торговцы все эти лица уплачивают в доход казны более 100 000 рублей и в доход города 15 000 рублей ежегодно. Как домовладельцы они вносят в кассу городской управы более 130 000 рублей и, кроме того, уплачивают поземельные подати и земского сбора до 70 000 рублей. Таким образом, с коренного населения азиатской части города Ташкента ежегодно взыскивается теперь около 315 000 рублей прямых налогов и сборов... одно семейство уплачивает от 15 до 18 рублей 50 копеек кругло в год.

Принимая в соображение, что как хлеб, так и многие другие жизненные продукты из года в год за последнее время дорожают, новых же источников дохода для обывателей не оказывается, то необходимо признать, что для огромного большинства нашего городского населения податная тягость становится все более и более ощутительною, а для многих из нас просто непосильною»[1].

Податели этой петиции просили уменьшить сумму поземельной подати и земского сбора до первоначальных размеров или разложить ее равномерно на всех домовладельцев Ташкента без различия вероисповедания, соразмерно с вносимым в городской доход оценочным налогом.

[1] ЦГИА УзССР, ф. 17, д. 14193, л. 12—13.

Отметим кстати, что в большинстве дореволюционных работ по истории и этнографии Туркестанского края красной нитью проходит утверждение о том, что «сарты» якобы имеют природную склонность к торгашеству как к весьма легкому занятию. Приведенные выше материалы опровергают эти домыслы буржуазных авторов.

Царские власти знали, насколько тяжелы для местного населения непрерывно растущие налоги и сборы, и все же генерал-губернатор приказал в марте 1895 г. вновь ввести внутреннюю раскладку налогов, хотя эта система создавала широкие возможности для всяких злоупотреблений чиновников.

Как уже отмечалось, введенное в 1877 г. городовое положение предоставляло городскому общественному управлению право вводить для удовлетворения нужд города так называемый оценочный сбор. Его следовало взимать со всех недвижимых имуществ в пределах города.

Размер оценочного сбора был установлен городовым положением в виде процента с чистого дохода от имущества, а при невозможности определить доход — со стоимости имущества. Размер сбора не мог превысить 10% чистого имущественного дохода или 1% стоимости имущества.

При определении размеров оценочного сбора с недвижимых имуществ жителей европейской части города исходили из их доходности или, в отдельных случаях, из доходности и стоимости, вместе взятых. Имущество же коренного населения азиатской части города было оценено только по стоимости, так как оно в аренду не сдавалось и не приносило прямого дохода.

На территории европейской части Ташкента было оценено всего 1123 единицы имущества стоимостью 4 227 169 руб., принадлежавших 939 домовладельцам[1]. Недвижимые имущества азиатской части города (домов, земель, торговых и ремесленных заведений) составляли 37 482 единицы, которые оценивались в 13 212 642 руб. Таким образом, стоимость имущества всего города выражалась в сумме 17 439 811 руб.[2]

До 1882 г. с европейской части взимали установленный областной администрацией в 1868 г. арычный сбор в размере 1% стоимости недвижимостей, а с 1882 г. стали

[1] Н. Дмитровский, Что стоит Ташкент? стр. 13—18.
[2] Там же, стр. 21.

ьзимать оценочный сбор. С недвижимостей, оцененных по доходности, взимали 6⅔% чистого дохода, а с оцененных по стоимости—⅔% их стоимости.

В 1884 г. оценочный сбор был введен и в азиатской части города, с недвижимостей которой стали взимать ⅔%их стоимости.

Имущественный капитал жителей города по отдельным хозяйствам колебался от нескольких десятков рублей до 482 тыс. руб.[1], что свидетельствует о резком экономическом неравенстве в среде населения Ташкента того времени.

Необходимо отметить, что в конце 70-х годов русские жители города не платили никаких прямых казенных налогов, а коренные жители города платили казенные налоги на тех же основаниях, что и все сельское оседлое население края.

Введенный в 1884 г. оценочный налог с недвижимых имуществ азиатской части города ложился на коренное население двойным бременем, ибо его недвижимые имущества и раньше были обложены казенными сборами. Налоги с земель и домов жителей азиатской части составляли в 1877 г. 36 498 руб. 48 коп.

Со второй половины 1892 г., по решению городской думы, оценочный налог был увеличен до 10% чистого дохода с имуществ, оцененных по доходности (вместо прежних 6⅔%), и до 1% стоимости имуществ, оцененных по стоимости (вместо прежних ⅔%)[2].

Для того чтобы вовремя уплатить столь высокие налоги, большинство местных жителей вынуждено было прибегать к займам, причем эти займы давались на весьма не выгодных для должников условиях.

При уездных управлениях были организованы так называемые ссудные кассы. Однако они мало помогали населению. Из такой кассы мог взять ссуду далеко не каждый местный житель. Получатель должен был найти себе поручителей—«благонадежных лиц» той же местности. Но поручительство выдавалось не каждому нуждающемуся, а тем более не каждому бедняку. Кроме того, ссуда выдавалась из 6% годовых и не превышала 50 руб. для одного лица. Все это заставляло бедноту идти в долговую кабалу к ростовщикам, жестоко эксплуатировавшим трудящихся.

[1] А. И. Добросмыслов, указ. соч., стр. 123.
[2] ЦГИА УзССР, ф. 17, д. 21003, л. 361, 382.

Таким образом, хотя установленная царскими властями налоговая система и привела к известному упорядочению обложения и взимания налогов, однако систематическое повышение суммы этих налогов и других сборов, произвол царских чиновников и «туземной» администрации способствовали ухудшению положения трудящихся масс, усиливая их недовольство существующими порядками.

ПЕРВЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ МАСС ТАШКЕНТА ПРОТИВ НАЦИОНАЛЬНО-КОЛОНИАЛЬНОГО ГНЕТА И МЕСТНЫХ ЭКСПЛУАТАТОРОВ

Завоевание Средней Азии царской Россией превратило Туркестан, как указывал В. И. Ленин, в колонию чистейшего типа[1]. Здесь был установлен жестокий колониальный режим, направленный на превращение края в аграрно-сырьевой придаток метрополии.

Задавленные двойным гнетом царских колонизаторов и местных эксплуататоров широкие массы трудящихся Ташкента, как и всего Туркестана, находились в конце XIX в. в крайне тяжелом положении, жили в темноте, нищете и бесправии.

Взять, например, рабочих кожевенных заводов Ташкента. Часть их проживала в помещениях при заводах, а другая часть — в своих кибитках. Заработная плата рабочих была низкой, а рабочий день достигал 11—12 час. и более. Рабочие кожевенного завода Мираюпова, например, получали за свой труд 25—30 коп. в день[2]. Продолжительность рабочего дня росла, а зарплата рабочих, в лучшем случае, сохранялась на прежнем уровне.

Каждый из 60 человек, работавших у станков на фабрике французского подданного Гурдэ, получал за один выработанный аршин материи 2 коп.; рабочие, занятые у сновальника, получали по 8 руб. в месяц[3].

На пивоваренных, винодельных и спиртоочистительных заводах, по данным 1899 г., рабочий день длился 9—14 час., на хлопкоочистительных — 10 и даже 18—20 час.[4],

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 22, стр. 323.
[2] ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 3085, л. 50—51.
[3] Там же, д. 944, л. 52.
[4] Там же, ф. 17, д. 20552, л. 24, 38.

на кирпичных — 12 час., на сантонинных — 12—13 час., в типографии и литографии — 10—11 час.[1]

Рабочие хлопкоочистительного завода купца Д. И. Малкина в 1887 г., работая по 20 часов в сутки, получали по 10 руб. в месяц[2], рабочие заведений, производивших искусственные минеральные воды, поденно получали по 35 коп.[3]

Местные рабочие получали за равный труд гораздо меньше, чем русские. Так, в 1885 г. русские кузнецы, слесари, токари получали за день работы в 1,5 раза больше, чем местные.

Тем самым царские колонизаторы стремились развить среди рабочих коренных национальностей чувство национальной ненависти к русским рабочим, искусственно разжечь между ними национальную вражду.

Плата мастерицам швейной мастерской начислялась поденно, по числу дней действительно отработанных в мастерских. Минимум ее составлял 30 коп., максимум — 70 коп., в среднем за 12-часовой рабочий день платили 40 коп. За дни, пропущенные даже по уважительным причинам, платы не полагалось.

Ученице, работавшей в мастерской, в течение двух лет ничего не платили, она получала только «бесплатно» скудный обед и чай. Затем ученицам назначалось вознаграждение в размере 10—20 коп. в день или 2—3 руб. в месяц. В каждой мастерской было от двух до четырех таких учениц в возрасте 12—15 лет.

В мастерских другого типа, где хозяин был настоящим капиталистом, ученицы в возрасте 11—15 лет, ничего не получая, работали с 8 час. утра до 8 час. вечера. В отдельных мастерских рабочий день начинался с 6 час. утра и продолжался 14—18 час. Мастера получали 5—8 руб. в месяц.

Н. Васильев указывал, что зарплаты работников швейных мастерских не хватало для удовлетворения их насущных потребностей[4].

На промышленных предприятиях города широко применялся низкооплачиваемый детский труд. Уже в начале 70-х годов, например, на ткацкой фабрике Гурдэ при

[1] ЦГИА УзССР, ф. 269, д. 114, л. 49—103.
[2] Там же, ф. 17, д. 20552, л. 38.
[3] Там же, ф. 269, д. 197, л. 6—23, 27—41, 43.
[4] Н. Васильев, указ. соч., стр. 465.

веретенах, у мотальника и шатальников было занято 55 мальчиков, труд которых оплачивался по 40 коп. в день[1].

По данным 1888 г., в табачных и папиросных мастерских европейской части среди 50 рабочих было 7 подростков, в спичечной мастерской из 24 рабочих — 6, в типолитографии С. И. Лахтина — из 25 рабочих 5 были подростками[2].

Из обзора Сыр-Дарьинской области за 1889 г. также видно, что на отдельных предприятиях 20%, а в табачных мастерских — свыше 30% всех рабочих составляли мальчики в возрасте до 15 лет. На спичечной фабрике, кроме 27 взрослых и 5 малолетних постоянных рабочих, ежедневно работало 25 приходящих подростков из коренного населения. В производстве сантонина, весьма вредном для здоровья людей, на 5 взрослых рабочих приходилось по одному подростку[3]. На водочном и винодельном заводах купца Иванова в 1889 г. вместе с 50 взрослыми рабочими трудилось 30 несовершеннолетних[4].

Детский труд эксплуатировался не только на крупных предприятиях европейской части города, но и в различных заведениях и кустарных мастерских азиатской части, принадлежавших лицам из коренного населения. Так, во второй половине 80-х годов среди 102 рабочих красильных заведений было 15 детей, не достигших 15-летнего возраста[5], среди 114 рабочих кожевенных заведений — 25 детей, из 30 рабочих свечных и мыловаренных заведений — 15, из 36 рабочих гончарных заведений — 18 детей[6] и т. д.

В 1886 г. среди 937 рабочих различных кустарных заведений азиатской части города было 26 детей, не достигших 15 лет, а в 1888 г. в числе 902 рабочих этих заведений насчитывалось 68 подростков.

Детский труд ценился гораздо дешевле труда взрослых рабочих. Так, на табачной фабрике Первушина, где

[1] ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 944, л. 52.
[2] Там же, ф. 17, д. 20626, л. 10.
[3] Врачебно-полицейский (санитарный отдел), Обзор Сыр-Дарьинской области за 1889 г., Ташкент, 1890, стр. 268.
[4] ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 3167, л. 33—34.
[5] Там же, ф. 17, д. 20324, л. 40.
[6] Там же, д. 20626, л. 9.

в 1892 г. работало 30 человек, подростку платили в 3 раза меньше, чем взрослому рабочему[1].

К выполнению различных строительных, полевых и других работ широко привлекались поденные рабочие. В городе тогда начались большие строительные работы, как частные, так и казенные, и одно время чувствовался даже недостаток в рабочей силе.

По мере роста потребности в рабочих руках поденная оплата рабочего с 30 коп. повысилась до 50 коп. Тогда администрация города сделала попытку в принудительном порядке ограничить поденную плату. В марте 1872 г. последовало распоряжение начальника города: «... установить эту плату в размере 30 коп., вознаграждающих их труд вполне достаточно»[2]. Это мероприятие вызвало энергичный протест всех мардикеров. Оно не встретило одобрения и со стороны отдельных предпринимателей, ибо постройки и предприятия остались без рабочих, отказавшихся работать за пониженную плату. Администрация была вынуждена согласиться на плату в размере 50 коп.

Кроме наемных рабочих, занятых постоянно и поденно в промышленных заведениях и кустарных мастерских, в Ташкенте насчитывалось много так называемых вольнонаемных прислуг, нанимаемых жителями европейской части города в качестве экономок, кухарок, прачек, горничных, нянек, лакеев, кучеров, садовников, поваров, дворников, сторожей и т. п. В европейской части города в 1887 г. насчитывалось 1074 таких лиц. Они получали в месяц от 2 руб. 50 коп. до 10—12 руб. и очень редко — до 20 руб. Среди них были как русские, так и коренные жители[3]. Между хозяевами и нанятыми ими работниками постоянно возникали конфликты, особенно при оплате их труда. Поэтому с 1 января 1875 г. в Ташкенте были введены практикуемые тогда в России расчетные книжки для прислуги.

Колебания в оплате труда наемных работников наблюдаются и в последующие годы. В 1888 г. дневная оплата труда поденщика также повысилась до 50 коп.

Но несмотря на то, что мардикер зарабатывал теперь 40—50 коп. в день вместо прежних 25—35 коп., он не мог

[1] ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 3473, л. 34.
[2] Там же, д. 820, л. 1.
[3] Обзор Сыр-Дарьинской области за 1888 г., Ташкент, 1890, стр. 13.

полностью обеспечить свою семью самым необходимым для существования, поскольку в рассматриваемый период происходит значительный рост цен на предметы первой необходимости.

Удорожание предметов первой необходимости наблюдалось особенно в неурожайные годы. Так, чрезмерный рост цен на хлеб и другие продукты произошел в Ташкенте в 1878 г.[1] В 1879 г. посевы зерновых по сравнению с 1878 г. значительно уменьшились. В результате цена за четверть непросеянной муки (7 пудов 10 фунтов) повысилась в течение года с 4 руб. 90 коп. до 8 руб. 70 коп., а стоимость четверти риса (8 пудов) — с 8 руб. 70 коп. до 12 руб. 80 коп.

Рост цен на хлеб сопровождался в те годы понижением заработной платы рабочих. Так, дневной заработок безлошадного рабочего снизился с 40 коп. до 30 коп., а рабочего с лошадью — с 1 руб. 40 коп. до 1 руб. 30 коп.[2]

К началу 1880 г. положение на хлебных рынках становится крайне серьезным. В марте 1880 г. на базарах, как сообщала газета «Туркестанские ведомости», уже нельзя было купить хлеба, и беднейший люд, чернорабочие, оседлое и кочевое население жили впроголодь.

К тому же в начале 1879 г. (когда цены на хлеб возросли в 4—5 раз против уровня 1876 г.) открылись три новых винокуренных завода (в Ташкенте, Намангане и Аулие-Ата), которые за 5 месяцев потребляли не менее 200 тыс. пудов хлеба. Это еще более ухудшило положение местных трудящихся.

Кроме того, население Ташкента постоянно росло за счет выходцев из других районов. В поисках заработка в город шли бедные люди даже из отдаленных местностей — Каратегина, Матчи и Восточного Гиссара. В Ташкенте тогда насчитывалось примерно 25 тыс. таких лиц[3]. С увеличением городского населения повышался и спрос на продукты питания, а следовательно, и цены.

Ташкентская городская дума несколько раз пыталась помешать росту дороговизны путем установления твердых

[1] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 16, ф. 1326, л. 1.
[2] Там же, ф. 17, д. 3686, л. 3.
[3] Обзор Сыр-Дарьинской области за 1886 г., Ташкент, 1887, стр. 150—151.

цен по таксе. Но эти меры не дали положительных результатов.

Так, в 1883 г. временное установление твердой таксы на хлеб вызвало открытый протест хлеботорговцев. Узнав, что цена за фунт хлеба, установленная управой, на полкопейки ниже прежней, хлеботорговцы в первый же день действия новой таксы пришли в городскую управу и заявили, что они немедленно прекратят выпечку и продажу хлеба, если управа не восстановит прежнюю цену. Городская дума была вынуждена уступить предпринимателям[1].

Повышение цен на хлеб наблюдалось и в 90-е годы. Если во второй половине 60-х годов батман пшеницы (10,5 пудов) стоил 1 руб. 20 коп. — 1 руб. 40 коп., батман риса — 2 руб.[2], то во второй половине 90-х годов пуд пшеницы стоил 50 коп., пуд риса — 1 руб. 20 коп. — 1 руб. 60 коп.[3]

Ко всему этому следует добавить тот безграничный произвол и насилие, которые чинили над народом царские чиновники и представители «туземной» администрации. Трудящиеся массы ненавидели своих угнетателей и нередко открыто проявляли свою неприязнь к ним.

В приказе начальника города от 6 мая 1868 г. прямо указывалось, что при проезде русских офицеров и других лиц администрации по улицам азиатской части мальчики-узбеки бросают в них камни, песок или провожают их враждебными криками, а старики, видя это, одобрительно посмеиваются. Ввиду этого приказывалось строго внушить жителям, что при повторении таких случаев родители этих детей будут «строго наказаны»[4].

Но этот приказ, по-видимому, нисколько не помог, и царским властям приходилось изыскивать способы укрепления своего «авторитета» среди местных жителей.

В секретном предписании военного губернатора Сыр-Дарьинской области, направленном в 1869 г. начальнику города Ташкента и начальникам уездов, говорилось: «При объезде области почти во всех уездах замечено, что жи-

[1] «Туркестанские ведомости», 1883, № 28.
[2] Н. Г. Маллицкий, Ташкент (Исторический очерк), «Известия Ташкентской городской думы», 1915, № 2, стр. 89.
[3] ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 2819, л. 245; д. 3662, л. 59; ф. 17, д. 15560, л. 28, 29.
[4] Там же, ф. 36, д. 28, л. 3, 4.

тели не оказывают наружных знаков уважения ни начальствующим лицам вообще, ни вообще офицерам, т. е. не встают, не кланяются, иногда не уступают дороги. Такая небрежность не может быть допущена, я прошу Вас внушить жителям, чтобы они при встрече с начальствующими лицами и при проходе их непременно вставали и господам офицерам оказывали должное уважение»[1].

8 февраля 1869 г. начальник города дал строгий приказ аксакалам, в котором говорилось, что население Ташкента, несмотря на неоднократные указания, продолжает относиться к начальству с неуважением, при встрече не приветствует его поклоном и т. п. Некоторые лица были оштрафованы за неуважение к русским начальникам. «... До сих пор туземцы при виде проходящего или проезжающего начальника не только не кланяются, но лежащие и сидящие не дают себе труда даже встать в приличное положение и смотрят с тупым равнодушием, как бы не зная, кто перед ними»[2].

В приказе предупреждалось, что:

1) аксакал части, в которой встретится человек, не отдавший чести начальству, будет в первый раз арестован на неделю, во второй — на месяц, а в третий — смещен с должности;

2) таугач в первый раз будет оштрафован на 5 руб., во второй — на 10 руб., в третий — подвергнется месячному аресту с содержанием на гауптвахте (на воде и хлебе) с последующим смещением с должности;

3) житель, не отдавший чести, будет арестован в первый раз на месяц, во второй — оштрафован на 25 руб., а в третий раз будет выслан из города как человек, явно не уважающий начальство[3].

Все это усиливало недовольство трудящихся города существовавшим порядком. Народные массы начинают выступать с протестом против произвола и насилия царских чиновников и их местных прислужников.

Вначале протест выражался в форме отказа от работ, подачи различных прошений и жалоб. Затем возмущение масс выливается в открытые выступления против своих угнетателей.

[1] ЦГИА УзССР, ф. 17, д. 9745, л. 2.
[2] Там же, ф. 36, д. 480, л. 6.
[3] Там же.

Проявление протеста трудящихся масс можно видеть, например, в самовольном уходе некоего Ирс Мухамада, работавшего в саду генерал-майора Дандавеля в качестве караульщика и обязанного выполнять в доме генерала всякие другие работы менее чем за 20 коп. в день. За самовольный уход Ирс Мухамада предали суду «для разбирательства и взыскания с него, что́ следует»[1].

Как видно из сохранившихся в фонде начальника города дел «О жалобе фабрикантов Гальченкова и Жемчужникова на своих рабочих...», в сентябре 1873 г. на ткацкой фабрике Гальченкова и Жемчужникова произошли «беспорядки», устроенные «сартами-ткачами» (в чем заключались эти беспорядки и их причина, в деле не выяснено). Через 4 дня ташкентский судья, признав 9 рабочих из местных жителей виновными в «буйстве», приговорил уста Раимбека Мир Артыкова к тюремному заключению на три месяца, а остальных обвиняемых — на две недели.

Поскольку одновременный арест 9 рабочих мог принести фабрикантам известный убыток, было решено, по просьбе самих хозяев, арестовывать виновных поочередно, а по окончании срока заключения отправлять их обратно на фабрику.

Раимбек и еще один рабочий бежали из города, но были схвачены в Ходженте. Отсидев в тюрьме две недели, они были выпущены с условием, чтобы они снова явились на фабрику. Но после отбытия срока наказания некоторые осужденные не вернулись на фабрику[2].

Случаи бегства рабочих с предприятий отмечались и в последующие годы. Так, в августе 1883 г. со спичечной фабрики отставного коллежского секретаря Петрова бежали двое взрослых рабочих и 14-летний мальчик[3].

Еще в 1871 г. генерал-губернатор официально запретил выборщикам контролировать деятельность избранных ими лиц и вмешиваться «в дела управления»[4]. 14 июня 1884 г. генерал-губернатор Розенбах издал циркулярное указание о том, что каждый житель, прежде чем подать жалобу на имя генерал-губернатора, предварительно должен получить на это разрешение областной администрации[1]. Но жители продолжали направлять жалобы, не спрашивая на то разрешения властей.

Вот что писали, например, жители Бешагачской части города Атаджанбаев, Багипов, Мисканбаев и Нармухамедов в своем прошении от 23 июля 1882 г. на имя генерал-губернатора:

«После присоединения здешнего края к Российскому государству комендант крепости и начальник русского войска Жумнеук (Жемчужников) около нас приобрел землю, спустя некоторое время, не давая нам воды, осушил наши виноградники и деревья, делая нам насилие, разрушил наши заборы и присоединил их к себе и, воспользовавшись незнанием нашим закона, не пускал нас к нашим землям... Бывший аксакал упомянутой части города Латифбай с упомянутым комендантом стращал нас, говоря, что если мы не отдадим русскому — то наши земли отберутся в казну и нам будут делать дурное и причинять нам много беспокойствия. Некоторым из нас давал небольшие деньги, не стоящие даже одной десятой части наших деревьев, а некоторым же ничего не давая, отнял упомянутый комендант и на нас стрелял из пушки и подходил бить нас по голове и делал нам все те насилия, как сказано»[2]. Податели прошения просили разобрать это дело и возвратить им отобранные у них земли. Однако это прошение было оставлено «без последствий».

Недовольство местного населения существовавшими порядками проявилось и в стачке ташкентских извозчиков, которая произошла в конце июня 1888 г. Извозчики были недовольны введением пониженной таксы за перевозку пассажиров. 26—27 июня 1888 г. ни один из них не выехал на биржу.

Начальник города указал полицмейстеру, что поскольку среди извозчиков имеется много коренных жителей, надо принять меры, чтобы «эта стачка не подала повода туземцам в безнаказанности... они должны понести высшую меру наказания, предусмотренного законом за стачки, каковые особенно должны преследоваться на окраинах государства среди туземного населения»[3]. Начальник города потребовал особенно строго отнестись к разбору

[1] ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 417, л. 1—2.
[2] Там же, д. 945, л. 1, 2, 8, 11, 20, 23, 28, 30.
[3] Там же, д. 2267, л. 1.
[4] «Туркестанские ведомости», 1871, № 28.

[1] «Туркестанские ведомости», 1884, № 26.
[2] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 16, д. 1713, л. 7.
[3] Там же, ф. 36, д. 3009, л. 1, 2.

этого дела, если во главе «заговора» стояли русские или татары[1].

Стихийный протест трудящихся Ташкента против своих эксплуататоров проявляется также в росте количества «преступлений против порядка управления». В 1884 г. по этой статье было осуждено 38 человек, в 1885 г. — 57[2], в 1888 г. — 109[3], в 1891 г. — 217 человек[4], а в 1896 г. было отмечено уже 263 «преступления» по этой же статье[5].

Одновременно росло количество жалоб населения на представителей власти. Много жалоб поступало на незаконные действия казиев «народных» судов. Так, на казия Себзарской части города Мухитдина Ходжу ежегодно поступало несколько различных жалоб, что, однако, не мешало ему, при поддержке властей, оставаться казием.

Представители царской власти всячески поддерживали местных эксплуататоров как свою классовую опору в колонии и позволяли им безнаказанно эксплуатировать и грабить трудящихся.

Однако народные массы, испытывавшие на себе всю тяжесть господства царизма и гнета местных эксплуататоров, все смелее выступали против произвола царских властей, баев, ростовщиков, заводчиков и прочих угнетателей, требуя справедливости и осуждая антинародные действия колониальных властей и их прислужников в лице «туземной» администрации.

Одним из крупных выступлений городского населения против усиливающегося колониального гнета были ташкентские волнения («холерный бунт»), вспыхнувшие в июне 1892 г. Поводом к выступлению жителей послужили мероприятия местной администрации в связи с распространением холеры среди жителей города.

В марте 1892 г. в Ташкенте стало известно о появлении холеры в Кабуле. В связи с этим были опубликованы распоряжения властей на русском и узбекском языках о борьбе с холерой и рекомендованы различные способы предупреждения болезни.

7 июня был обнаружен первый случай заболевания

[1] ЦГИА УзССР, ф. 36, д. 3009, л. 1—2.
[2] Там же, ф. 17, д. 4110.
[3] Там же, ф. 36, д. 3085, л. 311.
[4] Там же, д. 3298, л. 309.
[5] Там же, д. 3745, л. 74.

холерой в Ташкенте. С 7 по 24 июня заболело 64 человека, из них умерло 43.

18 июня подрядчик Мирза Раджаб Мухамедов донес в Сыр-Дарьинское областное управление, что в городе ходит слух, будто врачи без определения болезни дают больным лекарства, от которых те моментально умирают, что кракаши (возчики) бегут на все четыре стороны и что запрещение городского пристава надевать саваны на умерших и совершать религиозные обряды при похоронах сильно возбудило народ. Поэтому жители хотят подать коллективное прошение в правительствующий сенат[1].

22 июня в мечети Таллак Шейхантаурской части города собравшиеся жители составили прошение на имя начальника города с просьбой разрешить похороны покойников на старых кладбищах. Просители протестовали против запрещения погребальных обрядов, рекомендуемых шариатом, и против осмотра врачами умерших женщин. Но это прошение не было передано по назначению, поскольку составители его надеялись собрать побольше подписей в дни предстоящего праздника курбан-байрам.

23 июня начался курбан-байрам. В 6 часов утра начальник города полковник Путинцев прибыл в главную мечеть азиатской части Ташкента, где собралось до 10 тыс. жителей. Путинцев призывал их не верить ложным слухам относительно мер, принимаемых властями против распространения эпидемии холеры. Затем выступил с речью старший из ташкентских казиев Шариф Ходжа, который призвал народ верить русскому начальству и понять, что все нелепые слухи исходят от злонамеренных людей[2].

В этот день в городе было спокойно. Днем 23 июня к старшему аксакалу Иногам Ходжа-Мухамед Якубу пришел домой его родственник — полицейский Бешагачской части Ахмед Ходжа, который доложил, что в его участке тайно, без разрешения врачей, похоронено трое умерших от холеры. Старший аксакал распорядился выяснить имена умерших и тех, кто их хоронил. В махалля были посланы полицейские.

Утром 24 июня к Мухамед Якубу явился брат Ахмед Ходжи, Хасан Ходжа Абдурашидов, проживавший в махалля Эгарчи Шейхантаурской части. Он просил разреше-

[1] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 30, л. 161—164.
[2] Там же, л. 164.

ния похоронить некоего Шамси и предъявил подписанное несколькими жителями его махалля «удостоверение», подтверждавшее, что Шамси умер не от холеры. Мухамед Якуб в просьбе отказал и сообщил об этом доктору. Затем явился Ахмед Ходжа, который заявил, что умерла и тайно похоронена одна женщина, и к Мухамед Якубу сейчас придет несколько человек, чтобы поговорить с ним по этому поводу. Ахмед Ходжа просил подождать прибытия этих людей. В это же время прибыли стражники с Себзарской и Кокчинской частей с донесением о тайном захоронении в их участках одной женщины и ребенка. Получив эти сведения, Мухамед Якуб в сопровождении стражников и Ахмеда Ходжи немедленно отправился к начальнику города.

Вскоре полицейские доложили, что найти тех, что хоронил умерших, не удалось. Тогда Ахмед Ходжа распорядился через стражника Якуб Ходжи собрать жителей этого махалля и привести их к Мухамед Якубу. Собранные Якубом Ходжой жители направились к дому Мухамед Якуба во главе с Ишаном Зайнуддином (Ишан Азизляр). По мере приближения к дому аксакала толпа увеличивалась. Раздавались призывы расправиться с Мухамед Якубом силой, убить его и т. д.[1]

Перепуганные богачи поспешно запирались в своих домах, а местный казий, например, так испугался, что вместе со своим родственником убежал по крышам и по глухим переулкам в русскую часть города и скрылся в саду дома генерал-губернатора.

К толпе, не дошедшей еще до дома Мухамед Якуба, присоединилась большая группа людей из махалля Эгарчи Шейхантаурской части. Когда они подошли к дому Мухамед Якуба, оказалось, что он уже уехал. Это было в 9-м часу утра. Тогда около 600 человек направились в русскую часть города.

По пути к ним присоединялись как горожане, так и иногородние. Последние были почти исключительно мардикерами, которые в ожидании работы проводили обыкновенно день и ночь на базарах и в чайханах. Рост произвола царских властей, насильственные методы проведения противохолерных мероприятий усилили их недовольство существовавшим порядком.

[1] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 30, л. 166—168.

В это время Мухамед Якуб с сопровождавшими его стражниками находился около квартиры начальника города полковника Путинцева. Сюда же явился из махалля Эгарчи мулла Мир-Рахмат, который попросил Мухамед Якуба не докладывать начальнику города о тайных похоронах местного жителя Шамси; еще двое жителей сообщили о желании Ишана Азизляра переговорить с Мухамед Якубом по поводу похорон. Однако Мухамед Якуб вошел в дом начальника города и рассказал ему о тайных похоронах. Вскоре прискакал стражник и доложил, что толпа жителей вступила в русскую часть. Путинцев поехал навстречу народу.

На Воронцовском бульваре полковник Путинцев встретил идущих людей, которые окружили его экипаж и заявили, что пришли с жалобой на старшего аксакала. Мухамед Якуб, следуя за начальником города, грубо возражал кричавшим. Тогда из толпы полетели камни. Мухамед Якуб ускакал и скрылся в здании управления начальника города.

Возле управления начальника города собралось человек 500. Многие кричали, что Мухамед Якуб не позволяет хоронить умерших и содействует врачам в отравлении воды в арыках; они требовали выдачи аксакала. Путинцев, желая преградить вход в управление, стал у калитки и начал уговаривать людей. Толпа напирала все сильнее, а несколько человек, проникнув во двор с другой улицы, втянули Путинцева внутрь двора. Толпа последовала за ним. Встав у крыльца управления, Путинцев снова начал уговаривать людей, указывая, что Мухамед Якуб исполняет распоряжение высшего начальства. Тогда в толпе раздались крики: «Если он не хочет выдать аксакала, то его самого надо побить!» Люди сомкнулись вокруг Путинцева и, оттеснив его на середину двора, начали бить кулаками и камнями. Путинцев упал.

Затем толпа потребовала, чтобы Путинцев дал подписку о том, что холеры нет, что врачей немедленно уберут из города, что умерших можно будет хоронить свободно, что не будут отравлять воду и, наконец, чтобы Путинцев выдал аксакала народу. Путинцева втиснули в помещение управления, куда вошло несколько человек, требуя выдачи указанной подписки. При этом они кричали, чтобы начальник города объявил народу то, что от него требуют, а если он этого не сделает, то его убьют.

В это время несколько человек ворвались в квартиру секретаря правления, стараясь найти Мухамед Якуба. Но тот успел спрятаться в шкаф, а находившийся с ним стражник залез под стол.

В управлении были разбиты окна, опрокинуты столы и вся мебель, уничтожены бумаги, книги, всюду были разлиты чернила, со стен сорваны различные объявления, повестки и т. п.

Тем временем в управление прибыли полицмейстер русской части города Крючков (которого начальник города послал к военному губернатору), помощник начальника города Лыкошин и член городской управы Новгородский. Вскоре появились вооруженные солдаты, прибежало несколько нижних чинов из музыкальной команды. Они бросились на собравшихся. Толпа рассеялась. Догнав бежавших у Анхора, солдаты сталкивали их с высокого берега в арык. Некоторые сами прыгали, спасаясь от преследования. Упавшие в Анхор или утонули, или получили увечья. По неполным данным, во время «беспорядков» у управления начальника города погибло 100 человек.

Около 10 часов утра к месту происшествия прибыл военный губернатор Гродеков. По словам очевидцев, около урдинского базара местные жители бросали камни в экипаж военного губернатора и в полицейских.

Так как участники «беспорядка» бросились в азиатскую часть города, военный губернатор с командой из 45 человек в сопровождении начальника города полковника Путинцева двинулся за ними по направлению к базару. Когда Гродеков подъехал туда, из толпы в солдат полетели камни. Военный губернатор возле мечети Джами предложил толпе разойтись, но народ все больше наседал на команду.

Когда Путинцев стал уговаривать людей разойтись, из толпы вышел один человек и заявил: «Как же нам расходиться, когда нас отравляют?» Путинцев приказал арестовать его, что и было исполнено. Толпа подалась назад. Задержанный крикнул: «Мусульмане, куда вы бежите, не оставляйте меня одного!» Несколько человек кинулись к околоточному, чтобы освободить задержанного. Другие начали бросать в отряд камни. Военный губернатор приказал стрелять. Десять человек было убито. Толпа отступила. В это время к месту происшествия прибыл казачий полк, а затем отряд пехоты, и улицы быстро опустели. В городе наступила тишина.

К двум часам дня, оставив на базаре две сотни казаков и четыре роты пехотинцев, военный губернатор возвратился в свою резиденцию. Оставленные в городе воинские части содержались за счет населения как бы в наказание за учиненные им беспорядки. Еще две роты были оставлены в казармах возле крепости.

30 июня к генерал-губернатору явились «почетные» представители азиатской части города, которые сообщили о «глубоком раскаянии» населения в совершенных «беспорядках». После этого, по распоряжению властей, войска из азиатской части были выведены, а в русской части оставлены две роты.

Как указывалось в рапорте военного губернатора, после разгрома управления начальника города толпа направилась к дому Мухамед Якуба. Находившиеся в его доме женщины, сыновья и работники разбежались. Дом аксакала был разгромлен, вещи разграблены. На следующий день оказалось, что находившиеся за городом постройки, принадлежавшие Мухамед Якубу, были подожжены и частично сгорели.

Во время следствия несколько свидетелей показали, что в момент движения войск по азиатской части города местные жители — мясник Усман, ходатай по делам в народных судах Азим байбачча и сапожник Искандербек — проскакали верхом по улице, призывая население к восстанию и уверяя его, что ружья у солдат не заряжены[1].

Следует подчеркнуть, что участники волнений не проявили враждебного отношения к русскому населению. Один из русских чиновников указывал, что проследовавшая в европейскую часть Ташкента громадная толпа местных жителей вовсе не имела желаний произвести бунт или какое-либо насилие по отношению к русским. «Она имела целью добиться лишь прекращения тех притеснений, которые творились Маякубом и отчасти членом городской управы сеид Каримом»[2], т. е. возмущение было направлено против ставленников царской власти из коренного населения. Тот же очевидец рассказывал, что при движении толпы в европейской части го-

[1] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 30, л. 173.
[2] Там же, л. 32.

рода она не совершила никаких враждебных действий по отношению к русским прохожим. И вообще в европейскую часть толпа двинулась лишь потому, что там находился Мухамед Якуб, прибывший к начальнику города[1].

Для выяснения отношения участников событий 24 июня к русскому населению небезынтересны следующие моменты, установленные в процессе следствия.

1. Многие участники событий 24 июня, собравшись вокруг управления начальника города, вступали в разговоры с русскими, вышедшими на шум. Так, отставному чиновнику Путятину, проживавшему рядом с управлением, один из участников движения сказал: «Большой скандал: курбаши (старший аксакал) Мухаммад Якуб не дает хоронить, доносит об умерших, их вырывают из могил и доктор Батыршин отнимает им голову»[2].

2. Депутат думы Максимович находился в нескольких шагах от полковника Путинцева, которого тащили во двор управления. Некоторые лица из местных национальностей попросили Максимовича уехать и предупредили его, что сейчас начнется побоище[3].

3. Во время разгрома управления воспитанник городского училища Кривоносов, мальчик 14—15 лет, из-за любопытства забежал во двор управления и его никто не тронул.

4. В 8 часов утра 24 июня врач Мандельштам одна проехала по азиатской части города в приемный покой, где находились больные холерой. Люди, собравшиеся в то время на улице, не только ничего не сказали ей, но даже расступились и дали ей дорогу. Она оставалась в приемном покое до 12 часов и благополучно возвратилась домой[4].

Все это лишний раз подтверждает, что движение 24 июня было направлено прежде всего против представителей «туземной» администрации в лице старшего аксакала Мухамед Якуба Каримбердыева, которого народ считал непосредственным виновником всех притеснений и насилий. Насильственные действия участников движения, произведенные ими в русской части города, также были направлены против представителей власти.

---

1 ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 30, л. 173.
2 Там же.
3 Там же.
4 Там же, л. 174.

В этом движении принимали участие в основном трудящиеся массы — ремесленники, дехкане, мардикеры. О составе участников событий 24 июня говорит список лиц, с которых следовало взимать убытки, нанесенные управлению начальника города[1]. В этом документе указано 14 человек. Их движимое и недвижимое имущество было оценено в 1840 руб. При этом 7 человек не имели никакого имущества, у остальных же имущество было оценено от 4 руб. 50 коп. до 650 руб.

Из предписаний генерал-губернатора военному губернатору Сыр-Дарьинской области от 22 августа 1892 г. видно, что в это время среди населения Ферганской области также замечалось «почти нескрываемое недовольство противохолерными мерами, выразившееся в разбрасывании по мечетям прокламаций, приглашающих жителей оказать сопротивление в выполнении санитарных мер»[2].

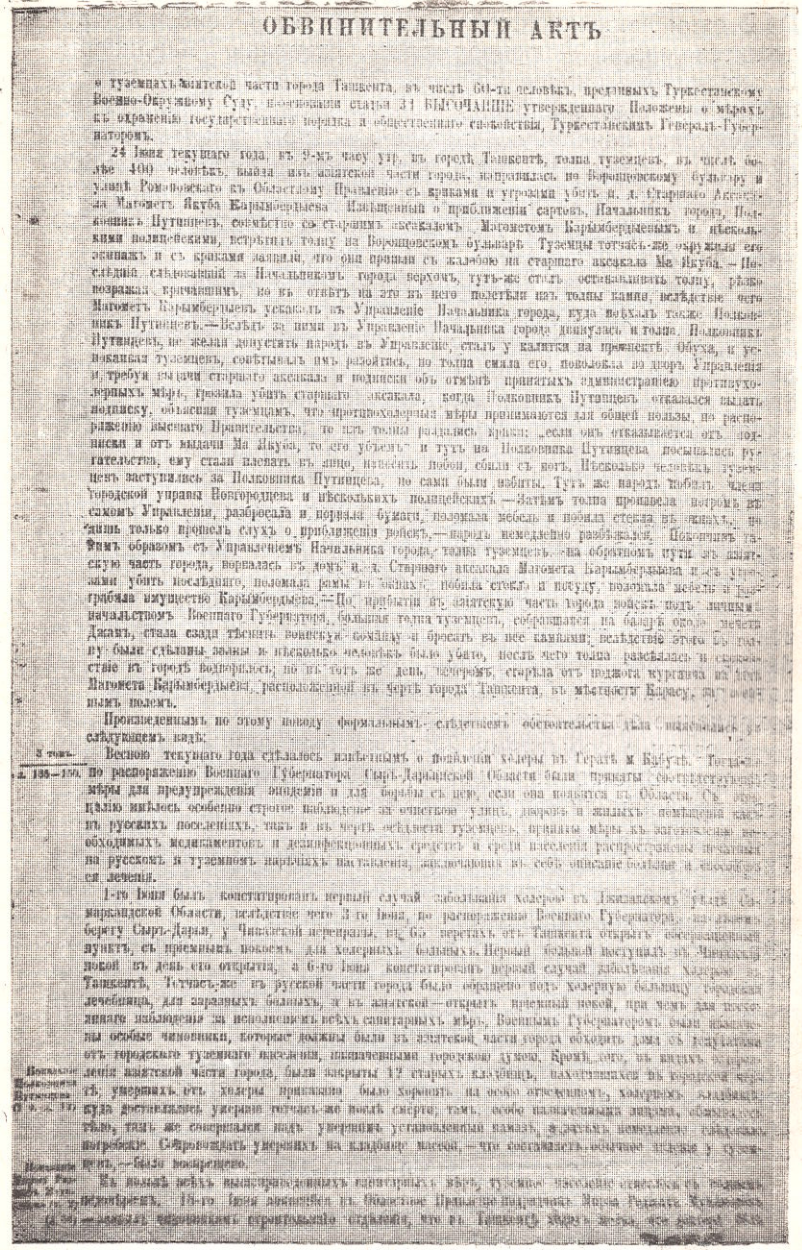
Наманганский уездный начальник доносил, что среди коренного населения идет брожение и возможно открытое выступление его против властей[3].

По мнению представителй царской власти, в частности военного губернатора Сыр-Дарьинской области, события 24 июня обнаружили, как мало можно рассчитывать при каких-либо исключительных обстоятельствах на сохранение спокойствия в крае[4].

В связи с событиями 24 июня был принят ряд срочных мер. Вместо начальника города полковника Путинцева временно исполняющим дела начальника города был назначен начальник Ташкентского уезда полковник Тверитинов. Должность старшего аксакала была ликвидирована, а его обязанности были временно возложены на полицейского пристава европейской части города. «За бездействие до и во время беспорядков» были заменены все без исключения аксакалы и казии. Нижние полицейские чины из коренного населения подлежали постепенной замене русскими или уроженцами других городов. Решено было провести две широкие улицы, которые прорезали бы азиатскую часть в двух направлениях[5].

---

1 ЦГИА УзССР, ф. 17, д. 21160, л. 13—14.
2 Там же, д. 1367, л. 1.
3 Там же, ф.1, оп. 31, д. 33, л. 1.
4 Там же, ф. 17, д. 1367, л. 1.
5 Там же, ф. 1, оп. 31, д. 30, л. 13; ф. 17, д. 1224, л. 61.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ

о туземцахъ азіатской части города Ташкента, въ числѣ 60-ти человѣкъ, преданныхъ Туркестанскому Военно-Окружному Суду, постановленіемъ статьи 31 ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго Положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, Туркестанскимъ Генералъ-Губернаторомъ.

24 Іюня текущаго года, въ 9-мъ часу утр., въ городѣ Ташкентѣ, толпа туземцевъ, въ числѣ болѣе 400 человѣкъ, вышла изъ азіатской части города, направилась по Воронцовскому бульвару и улицѣ Романовскаго въ Областному Правленію съ криками и угрозами убить и. д. Старшаго Аксакала Магометъ Якуба Карымбердыева. Извѣщенный о приближеніи сартовъ, Начальникъ города, Полковникъ Путинцевъ, совмѣстно съ старшимъ аксакаломъ Магометомъ Карымбердыевымъ и нѣсколькими полицейскими, встрѣтилъ толпу на Воронцовскомъ бульварѣ. Туземцы тотчасъ-же окружили его офицеровъ и съ криками заявили, что они пришли съ жалобою на старшаго аксакала Ма Якуба.—Послѣдній слѣдовавшій за Начальникомъ города верхомъ, тутъ-же сталъ останавливать толпу, рѣзко позвавъ кричавшихъ, но въ отвѣтъ на это въ него полетѣли изъ толпы камни, вслѣдствіе чего Магометъ Карымбердыевъ ускакалъ въ Управленіе Начальника города, куда вскорѣ также поѣхалъ Полковникъ Путинцевъ.—Вслѣдъ за ними въ Управленіе Начальника города двинулась и толпа. Полковникъ Путинцевъ, не желая допустить народъ въ Управленіе, сталъ у калитки на проѣздѣ. Обувь, и успокаивая туземцевъ, совѣтовалъ имъ разойтись, но толпа силою его, повлекла на дворъ Управленія и требуя выдачи старшаго аксакала и подписи объ отмѣнѣ принятыхъ администраціею противохолерныхъ мѣръ, грозила убить старшаго аксакала, когда Полковникъ Путинцевъ отказался выдать подписку, объясняя туземцамъ, что противохолерныя мѣры принимаются для общей пользы, по распоряженію высшаго Правительства, то изъ толпы раздались крики: если онъ отказывается отъ подписки и отъ выдачи Ма Якуба, то его убить и тутъ на Полковника Путинцева посыпались ругательства, ему стали плевать въ лицо, наносить побои, сбили съ ногъ. Нѣсколько человѣкъ туземцевъ заступились за Полковника Путинцева, но сами были избиты. Тутъ же народъ побилъ членовъ Городской управы Новгородцева и нѣсколькихъ полицейскихъ.—Затѣмъ толпа проникла потомъ въ зданіе Управленія, разбросала и порвала бумаги, поломала мебель и побила стекла въ окнахъ, но здѣсь только прошелъ слухъ о приближеніи войскъ,—народъ немедленно разбѣжался. Покончивъ такимъ образомъ съ Управленіемъ Начальника города, толпа туземцевъ, на обратномъ пути въ азіатскую часть города, ворвалась въ домъ и. д. Старшаго аксакала Магомета Карымбердыева и съ угрозами убить послѣдняго, поломала рамы въ окнахъ, побила стекла и посуду, поломала мебель и разграбила имущество Карымбердыева.—По прибытіи въ азіатскую часть города войскъ подъ личнымъ начальствомъ Военнаго Губернатора, большая толпа туземцевъ, собравшаяся на базарѣ около мечети Джамъ, стала сзади тѣснить войсковую команду и бросать въ нее камнями; вслѣдствіе этого въ толпу были сдѣланы залпы и нѣсколько человѣкъ было убито, послѣ чего толпа разбѣжалась и скрылась въ городѣ волнуясь; но на тотъ же день, потомъ, стараясь отъ подошвы кургана на [illegible] Магомета Карымбердыева, расположенный на черѣ города Ташкента, въ мѣстности Карасу, [illegible] ным полемъ.

Произведеннымъ по этому поводу формальнымъ слѣдствіемъ обстоятельства дѣла обнаружились слѣдующемъ видѣ:

Весною текущаго года сдѣлалось извѣстнымъ о появленіи холеры въ Гератѣ и Бухарѣ. Тогда по распоряженію Военнаго Губернатора Сыръ-Дарьинской Области были приняты соотвѣтствующія мѣры для предупрежденія эпидеміи и для борьбы съ нею, если она появится въ Области. Съ этою цѣлію имѣлось особенно строгое наблюденіе за санитарнымъ [illegible] улицъ, дворовъ и жилищъ, помѣщеній [illegible] русскихъ поселеніяхъ, такъ и въ черѣ осѣдлости туземцевъ, приняты мѣры къ заготовленію необходимыхъ медикаментовъ и дезинфекціонныхъ средствъ и среди населенія распространены [illegible] на русскомъ и туземномъ нарѣчіяхъ наставленія, заключающія въ себѣ описаніе [illegible] ся леченія.

1-го Іюня былъ констатированъ первый случай заболѣванія холерою въ Закаспійскомъ [illegible] Области, вслѣдствіе чего 3-го Іюня, по распоряженію Военнаго Губернатора, [illegible] берегу Сыръ-Дарьи, у Чиликской переправы, въ 65 верстахъ отъ Ташкента открыть [illegible] пунктъ, съ пріемнымъ покоемъ для холерныхъ больныхъ. Первый больной поступилъ въ Чиликскій покой въ день его открытія, а 6-го Іюня констатированъ первый случай заболѣванія холерою [illegible] Ташкентѣ. Тотчасъ-же въ русской части города было обращено подъ холерную больницу городская [illegible] лечебница, для заразныхъ больныхъ, а въ азіатской—открытъ пріемный покой, при чемъ для [illegible] ленія за исполненіемъ всѣхъ санитарныхъ мѣръ, Военнымъ Губернаторомъ были [illegible] были особые чиновники, которые должны были въ азіатской части города обходить дома съ [illegible] отъ городского туземнаго населенія, назначеннымъ городскою думою. Кромѣ того, въ видахъ [illegible] ленія азіатской части города, были закрыты 12 старыхъ кладбищъ, находившихся въ городской [illegible] въ умершихъ отъ холеры приказано было хоронить на особо отведенномъ холерномъ кладбищѣ, куда доставлялись умершіе тотчасъ-же послѣ смерти, тамъ, особо назначенными лицами, обмывались тѣло, тѣмъ же совершался надъ умершими установленный намазъ, и самыя немедленныя [illegible] погребеніе. Сопровождать умершихъ на кладбище могли [illegible] составлять особые отряды у [illegible] ять,—было воспрещено.

Въ полдень всѣхъ вышеприведенныхъ однородныхъ мѣръ, туземное населеніе отнеслось съ [illegible] недовѣріемъ. 18-го Іюня дошедшія въ Областное Правленіе подробныя [illegible] Ташкентѣ [illegible] ленными строительною отдалью, что въ Ташкентѣ [illegible] ять, что [illegible]

Рис. 16. Из обвинительного акта по делу участников восстания 1892 г. в Ташкенте.

За участие в волнениях было привлечено к суду 93 местных жителя. Из них восемь были приговорены к смертной казни через повешение, с лишением всех прав и имущества, двое — к ссылке (в том числе бывший старший аксакал Иногам Ходжа), 15 человек были отправлены в арестантские роты на два года, а двое — на 6 месяцев. Остальные были оправданы. Позже смертная казнь была заменена одному бессрочной каторгой, а остальным — каторжными работами сроком от 15 до 20 лет. Ввиду дряхлости Иногам Ходжи ссылка ему была заменена тюрьмой. Начиная с 1 сентября 1892 г. по распоряжению генерал-губернатора г. Ташкент, Ташкентский, Чимкентский и Аулие-Атинский уезды Сыр-Дарьинской области и вся Ферганская область были объявлены на положении усиленной охраны; домовладельцы должны были в обязательном порядке сообщать полиции о прибытии и отбытии каждого лица[1].

Отметим, что срок действия положения об усиленной охране в Ташкенте и Ташкентском уезде ежегодно продлевался до 1905 г. Власти считали, что усиленная охрана нужна здесь как постоянная мера ввиду склонности местного населения к беспорядкам и враждебным действиям против царской власти[2].

Военный губернатор Сыр-Дарьинской области в своем рапорте генерал-губернатору от 1 сентября 1892 г. отмечал: «... известно, с какими важными затруднениями и недовольствием народа приходится считаться местной администрации» (при осуществлении налоговой политики, проведении санитарных мероприятий, устройстве поземельных отношений и др.).

Туркестанский генерал-губернатор в рапорте на имя военного министра признавал, что проведенные властями противохолерные мероприятия «послужили поводом» (разрядка наша. — *Ф. А.*) к возникновению «беспорядков» 24 июня; что за последнее время «в общей массе туземного населения стали замечаться внешние признаки неуважения к русской власти»[3].

Нельзя смотреть на событие 24 июня как на обычное и маловажное нарушение общественного порядка, сопровождавшееся оскорблением должностных лиц. Нельзя

1 ЦГИА УзССР, ф. 17, д. 1367, л. 7, 9.
2 Там же, д. 1584, л. 3.
3 Там же, ф. 1, оп. 31, д. 30, л. 42—43.

также сомневаться в том, что жители азиатской части города, принимавшие участие в этих событиях, собрались не случайно.

Меры, предпринятые властями в целях предупреждения заболеваемости холерой: принуждение лечиться в холерных отделениях у русских врачей; распоряжение о том, чтобы жители немедленно сообщали полиции о болезни и смерти отдельных лиц; запрещение надевать саваны на умерших и совершать похоронные обряды[1] — все это существенным образом затрагивало религиозные убеждения и обычаи коренных жителей.

Принимая противохолерные меры, власти заблаговременно не организовали разъяснительную работу среди населения, не объяснили ему, что все это — временные меры, необходимые для предупреждения эпидемии холеры, что они проводятся в пользу населения. Вместо этого, как отмечал один из старожилов края, некий Николай Кельинов, «дело повелось исключительно по принципу — приказано — исполняй»[2].

Как отмечал Н. Кельинов, причиной возмущения, вылившегося в волнение 24 июня, была «не одна холера», она явилась «лишь каплей, переполнившей чашу»[3]. Намекая на то, что причиной волнений 24 июня послужило общее недовольство населения существовавшими порядками, произволом царской и местной администрации, Н. Кельинов писал: «... недаром возбужденный народ не тронул бывших в туземном городе врачей, несмотря на слухи о том, что они отравляют воду и проч., а начал свои бесчинства с лиц администрации. Явление характерное»[4].

События 24 июня имели много общего с теми холерными бунтами, которые происходили в свое время в центральных губерниях Российской империи.

Основными причинами волнений 24 июня, как уже отмечалось были жесточайшая хищническая эксплуатация народных масс, оказавшихся в крайне тяжелом положении, насилие и произвол царских властей и их местных прислужников из коренного населения по отношению к трудящимся и вытекающее отсюда недоверие насе-

[1] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 30, л. 121.
[2] Там же, л. 36.
[3] Там же.
[4] Там же.

ления к любым мероприятиям, проводимым властями. Выступление 24 июня 1892 г. было открытым выражением протеста местных трудящихся против усиливающегося колониального гнета.

Следует отметить, что 80—90-е годы XIX в. отличаются от прошедших лет тем, что в этот период, ввиду усиления двойного гнета, широкие массы коренного населения все более отчетливо и резко проявляют свое недовольство существующими порядками и начинают открыто выступать против царских властей.

В этом отношении заслуживает особого внимания событие, происшедшее недалеко от Ташкента в апреле 1899 г. Как известно, в то время продолжалось строительство железной дороги, в частности велись работы по проведению Ташкентской ветки, в которых было занято большое количество рабочих из коренного населения.

Условия труда были тяжелые. Оплата рабочим производилась крайне нерегулярно, на их нужды начальство не обращало никакого внимания. Все это вызывало у строителей дороги законное возмущение, которое ярко проявилось в событиях 18 апреля 1899 г., когда более 250 рабочих отказались выйти на работу, протестуя против задержки заработной платы.

Вот что сообщается об этом в протоколе, составленном следователем 22 апреля 1899 г. Когда старший десятник И. В. Кучко стал посылать строителей на работу, «персидский подданный Рахим Ибрагимов, обратившись к рабочим, сказал: «не ходите на работу, пока не уплатят деньги, а доверенного нужно резал, маклаш». При этом, вынув из своего кармана несколько ярлыков, бросил их на землю и сказал, что эти ярлыки не имеют никакого значения. После этого вышло на работу 30 человек, а остальные все, более 250 человек, остались в вагонах и не пошли на работу»[1].

При допросе некий Мирза Абраим Мукимбаев заявил, что он «18 сего апреля месяца был свидетелем, как Рахим перед толпой рабочих кричал, что нужно резать (управляющего), заведывающего карьером, так как они не платят рабочим денег»[2].

На рабочих не подействовали и угрозы помощника начальника Ташкентского уезда подполковника Анколь-

[1] ЦГИА УзССР, ф. 17, д. 1752, л. 22.
[2] Там же.

ского, который прибыл для проведения дознаний по данному случаю. В своем протоколе он писал, что «производя дознания в карьере на 101 версте Ташкентской ветки, приказал всем персам, собравшимся у моего вагона, разойтись и не мешать мне работать, но так как толпа этого требования не желала исполнить, то я, войдя в толпу и обратившись к одному из персов, именно Исмаилу Али Вердыеву, повторил свое требование, но Исмаил и на этот раз не исполнил такового и заявил громогласно, что не уйдет из вагона»[1].

Все эти волнения свидетельствовали о том, что положение царизма в Туркестане было далеко не таким прочным, как того желали буржуазно-помещичьи классы. Трудящиеся массы местного населения начали распознавать своих подлинных врагов — эксплуататоров. Эти первые открытые выступления народных масс Туркестана, несмотря на их стихийность и неорганизованность, сыграли положительную роль в росте классового самосознания местных трудящихся и накоплении у них опыта активной борьбы против царских колонизаторов и местной эксплуататорской верхушки.

* * *

Таким образом, в рассматриваемый период в социально-экономической и политической жизни народов колониального Узбекистана начали происходить существенные изменения. Здесь зарождаются элементы капиталистических отношений, появляются первые фабрично-заводские предприятия, банки, различного рода торговые фирмы и акционерные товарищества, идет строительство железные дорог, линий связи и т. д. Средняя Азия оказывается втянутой в мировое товарное обращение.

Старые феодальные формы в результате развития новых социально-экономических отношений начинают разрушаться.

Возникновение фабрично-заводской промышленности, строительство железных дорог привело к зарождению, а затем и росту кадров промышленного пролетариата из коренного населения и формированию местной буржуазии.

Все изменения, происшедшие в социально-экономической жизни народов Туркестана в этот период, прослежи-

[1] ЦГИА УзССР, ф. 17, д. 1752, л. 21.

ваются на примере Ташкента, ставшего экономическим и политическим центром завоеванного русским царизмом края. Эти изменения во многом носили прогрессивный характер.

Однако, говоря о прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России, мы не должны забывать о реакционной сущности национально-колониальной политики царизма, к которой трудовые массы русского народа не имели никакого отношения.

Наряду с сохранившимися феодальными формами угнетения в этот период все больше усиливался национально-колониальный гнет, обострявший социальные противоречия, которые нашли свое выражение в острой классовой борьбе.

Все мероприятия царской власти в Туркестане проводились в интересах господствующей эксплуататорской верхушки — помещиков и капиталистов. Цель этих мероприятий — превращение Туркестана в аграрно-сырьевой придаток метрополии и в один из рынков сбыта товаров русских фабрикантов и заводчиков.

Как показывают материалы, царские чиновники и военные власти делали все, чтобы разобщить русский народ с народами Туркестана, посеять между ними вражду и рознь.

Однако жизнь и революционная борьба опрокинули эти чуждые трудовому народу замыслы царских политиков, действовавших по принципу «разделяй и властвуй». Постепенно из России в край, где жесточайший колониальный режим переплетался с феодальным мракобесием, начинают проникать революционно-демократические идеи, которые стали боевым оружием трудовых масс в борьбе против царских колонизаторов и местной эксплуататорской верхушки.

Общение с находящимися в Ташкенте русскими рабочими оказывало революционизирующее влияние на трудящиеся массы местного населения, способствовало зарождению и укреплению уз братской дружбы русского и узбекского народов. Дальнейшая история показала, что трудящиеся массы узбекского народа явились надежными союзниками русского рабочего класса в его борьбе с самодержавием.

Трудящиеся Туркестана, в том числе и Ташкента, вместе со всеми угнетенными народами царской России, во

главе с революционным русским пролетариатом, под руководством Коммунистической партии свершили Великую Октябрьскую социалистическую революцию, свергли господство помещиков и капиталистов, установили Советскую власть и в исторически короткий срок построили социалистическое общество в нашей стране.

Ныне трудящиеся Ташкента — столицы Узбекской Советской Социалистической Республики — вместе со всем советским народом активно участвуют в строительстве коммунистического общества в СССР, успешно претворяя в жизнь исторические решения XXI съезда КПСС.

Приложение 1

Распределение жителей г. Ташкента по роду занятий по данным переписи 1897 г.*

Род занятий	Количество занятых лиц	Из них коренных жителей	
		абс.	в % к общему числу
I. Промышленность и ремесло			
1. Обработка волокнистых веществ	2757	2726	98,9
2. Обработка животных продуктов	1929	1880	97,5
3. Обработка дерева	586	447	76,3
4. Обработка металлов	1144	1022	89,3
5. Производство керамических изделий	152	150	98,75
6. Химическое и связанное с ним производства	110	100	90,9
7. Винокурение, пиво-медоварение	55	38	69,09
8. Производство безалкогольных напитков	13	11	84,6
9. Пищевое производство	1147	1063	92,6
10. Табачное производство	90	85	94,4
11. Полиграфическое производство	116	33	28,4
12. Производство оптического и хирургического инструмента	27	16	59,2
13. Ювелирное производство, живопись и изготовление предметов культа	198	185	93,4
14. Изготовление одежды	6966	6582	94,5
15. Устройство, ремонт, содержание жилищ и строительные работы	1313	1124	85,6
16. Добыча руд и каменного угля	7	7	100,0

* См. „Первая всеобщая перепись населения Российской империи", вып. XXXVI, стр. 116—117.

Род занятий	Количество занятых лиц	Из них коренных жителей	
		абс.	в % к общему числу
17. Производство экипажей и деревянных судов	6	—	—
II. Частная деятельность, поденщина и прислуживание	8966	7549	84,2
III. Торговля и связанная с ней деятельность	8462	7906	93,4
1. Торговля вообще	995	925	92,9
2. Торговля скотом	537	534	99,4
3. Торговля зерновыми продуктами	485	440	90,7
4. Торговля продуктами сельского хозяйства	3324	3218	96,8
5. Торговля строительными материалами	169	168	99,4
6. Торговля предметами домашнего обихода	125	106	84,8
7. Торговля металлотоварами	84	79	94,0
8. Торговля тканями и одеждой	1591	1425	89,5
9. Торговля кожей и мехом	258	254	98,4
10. Торговля предметами роскоши, искусства, книгами и др.	44	39	88,6
11. Торговля прочими предметами	192	181	94,2
12. Разноска и развозка товаров	406	386	95,1
13. Торговля изделиями литейного производства	114	26	22,8
14. Торговое посредничество	138	125	90,6
IV. Земледелие	4234	4137	97,7
V. Живших доходами с недвижимых имуществ, средствами родных, родственников, от казны, общественных учреждений, частных лиц	1951	719	36,8
VI. Работа на транспорте и связи	1591	1361	85,5
1. Работа на водных сообщениях	23	21	91,3
2. Работа на железной дороге	18	9	50,0
3. Работа на извозном промысле	1388	1268	91,3
4. Работа на остальных сухопутных сообщениях и средствах передвижения	54	53	98,1
5. Работа на почте, телеграфе, телефоне	108	10	9,2
VII. Работа в трактирах, гостиницах, меблированных комнатах, клубах	727	673	92,5

Род занятий	Количество занятых лиц	Из них коренных жителей	
		абс.	в % к общему числу
VIII. Служба в административных учреждениях, суде и полиции	653	238	36,4
IX. Богослужение православных христиан, при церкви, на кладбищах и т. д.	632	472	74,7
X. Занятых на работах по чистоте и гигиене тела (банщики и др.)	620	447	72,1
XI. Учебно-воспитательная работа, наука, литература и искусство	481	299	62,2
XII. Пчеловодство, животноводство, лесоводство, рыболовство и охота	331	326	98,5
XIII. Лечебно-санитарная работа	226	111	49,1
XIV. Общественная и сословная служба	141	105	74,5
XV. Работа в кредитных и общественно-коммерческих учреждениях	52	22	42,3
XVI. Частная юридическая деятельность	31	11	35,5
XVII. Служба при благотворительных учреждениях	9	2	22,2
XVIII. Проституция	103	964	93,2
XIX. Неопределенные занятия	638	55*	86,8
XX. В составе вооруженных сил	8763	86	1,0
XXI. Лишенные свободы	123	96	78,0

*Из них татар—73, киргизов—2 и т. д.

Приложение 2

Состояние красильных, кожевенных и гончарных кустарных заведений г. Ташкента в 1874—1898 гг.

Год	Количество заведений	Сумма годовой производительности
Красильные заведения*		
1874	71	Нет свед.
1879	53	14 526
1888	39	2 925
1889	37	2 775
1891	20	2 960
1898	8	3 000
Кожевенные заведения**		
1874	106	Нет свед.
1879	107	120 910
1881	95	121 500
1889	52	63 700
1891	65	25 771
Гончарные заведения***		
1876	56	Нет свед.
1879	26	5240
1882	12	2900
1884	17	2550
1885	10	500
1889	19	4712
1891	32	3452
1898	23	5600

* См. ЦГИА УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 18316, л. 22—27; д. 18379, л. 49; ф. 36, д. 3085, л. 75; д. 3167, л. 33—34, 199, д. 3298, л. 95; ф. 1, д. 20919, л. 15, 21; ф. 269, д. 148, л. 29—30

** Там же, ф. 1, оп. 1, д. 1526, л. 2; д. 19627, л. 15, 50; ф. 36; д. 3167. л. 33-34, 199; д. 3298, л. 95; ф. 1, оп. 1, д. 20919. л. 15, 21.

*** Там же, ф. 1, оп. 1, д. 1526, л. 2; д. 19779, л. 47 д. 20100, л. 50; д. 1932, л. 13; ф. 36, д. 3167, л. 33-34 199; д. 3298, л. 95; ф. 269, д. 148, л. 31-32.

Приложение 3

Перечень промышленных предприятий г. Ташкента, открытых в 1874—1900 гг.

Год открытия	Название предприятия	Количество
1874	Заведение по изготовлению искусственно-минеральных вод	1
	Итого	1
1877	Заведения по изготовлению искусственно-минеральных вод	2
	Табачные	2
	Итого	4
1878	Водочные	3
	Кирпичное	1
	Табачные	4
	Типолитография	1
	Кожевенные*	2
	Итого	11
1879	Пивоваренное	1
	Винодельные	2
	Папиросные	2
	Кожевенное	1
	Итого	6
1880	Винодельные	4
	Итого	4

* Один из них – русский.

Продолжение приложения 3

Год открытия	Название предприятия	Количество
1881	Пивоваренные	1
	Заведение по изготовлению искусственно-минеральных вод	1
	Папиросные	2
	Спичечное	1
	Итого	5
1882	Мыловаренное*	1
	Итого	1
1883	Пивоваренное	1
	Кирпичное	1
	Заведение по изготовлению искусственно-минеральных вод	1
	Винодельное	1
	Клеевое	1
	Итого	5
1884	Капсюльное	1
	Шелкомотальное	1
	Итого	2
1885	Хлопкоочистительный завод	1
	Круподерное	1
	Картонное	1
	Свечное	1
	Типолитография	1
	Итого	5
1886	Мыловаренное	1
	Итого	1

* Заведение применяло европейские способы изготовления мыла.

Продолжение приложения 3

Год открытия	Название предприятия	Количество
1877	Кожевенное	1
	Сантонинное	1
	Хлопкоочистительное, картонное круподерное	2
	Водяные мельницы	2
	Итого	6
1888	Красильное	1
	Итого	1
1890	Кожевенные	3
	Хлопкоочистительные	3
	Типография	1
	Сантонинное	1
	Кишечное	1
	Фруктово кондитерское	1
	Итого	10
1891	Кожевенные	3
	Хлопкоочистительный завод	1
	Итого	4
1892	Кожевенные	1
	Хлопкоочистительные	3
	Хлопкоочистительно-маслобойное	1
	Рисоочистительное	1
	Итого	6
1893	Кишечное	1
	Итого	1

Продолжение приложения 3

Год открытия	Название предприятия	Количество
1896	Типография	1
	Заведения искусственно-минеральных вод	2
	Кирпичеобжигательные	3
	Литографии	2
	Итого	8
1897—1899	Кирпичеобжигательные	2
	Сантонинное	1
	Ватный завод	1
	Итого	4
	Всего	85

Приложение 4

Группировка предприятий и мастерских г. Ташкента по размерам их годовой производительности* (по данным 1898 г.)

Размер годового производства, тыс. руб.	Наименование предприятий и мастерских	Количество предприятий	Число работников в них
1—2	Переплетные	3	14
	Столярные	37	108
	Экипажные	2	3
	Кишечномоечные	3	15
	Мукомольные	127	150
	Хлебопекарные, булочные	65	223
	Заведения по изготовлению искусственно-минеральных вод	3	5
	Итого	240	518

* Таблица составлена по данным Сыр-Дарьинского областного статистического комитета (ЦГИА УзССР, ф. 269, д. 148, л. 29-30).

Продолжение приложения

Размер годового производства, тыс. руб.	Наименование предприятий и мастерских	Количество предприятий	Число работников в них
2—3	Ватное	1	2
	Мебельно-обойные	5	16
	Итого	6	18
3—5	Гильзо-папиросные	3	22
	Рамочное	1	7
	Кирпичные и черепичные	19	132
	Кожевенно-сафьянные	26	108
	Консервные	5	17
	Сантонинные	2	12
	По производству красок	1	6
	Итого	57	304
5—10	Канатное	1	35
	Водочное	1	4
	Итого	2	39
10—20	Типографии, литографии	5	82
	Скотобойные	3	416
	Винокуренное	1	10
	Спиртоочистительные	3	42
	Табачные	4	77
	Итого	16	627
20—40	Винокуренное	1	20
	Пивоваренные	4	88
	Хлопкоочистительные и прессовальные	7	266
	Итого	12	374

Приложение 5

Группировка предприятий (в том числе мастерских) г. Ташкента в 1898 г. с годовой производительностью свыше 1000 руб. по количеству работников в них*

Число работников на одном предприятии	Наименование предприятия	Количество предприятий
Менее 3	Экипажные	2
	Мукомольные	127
	Заведения по изготовлению искусственно-минеральных вод	3
	Ватное	1
	Итого	133
3—5	Переплетные	3
	Столярные	37
	Кишечномоечные	3
	Хлебопекарные, булочные	65
	Мебельно-обойные	5
	Кожевенно-сафьянные	26
	Кожевенные	5
	Водочные	1
	Итого	145
6—7	Гильзо-папиросные	3
	Рамочное	1
	Кирпично-черепичные	19
	Сантонинные	2
	Заведение по производству красок	1
	Итого	26
10—14	Винокуренное	1
	Спиртоочистительные	3
	Итого	4

* Таблица составлена по данным Сыр-Дарьинского областного статистического комитета (ЦГИА УзССР, ф. 269, д. 148, л. 29—30).

Продолжение приложения 5

Число работников на одном предприятии	Наименование предприятия	Количество предприятий
15—20	Типографии и литографии	5
	Табачные	4
	Винокуренное	1
	Итого	10
21—40	Пивоваренные	4
	Канатное	1
	Хлопкоочистительные и прессовальные	7
	Итого	12
Свыше 100	Скотобойные	3
	Итого	3
	Всего	333

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Маркс К. Капитал, т. 1, М., Госполитиздат, 1952.

Маркс К. Британское владычество в Индии, К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 9, изд. 2, М., Госполитиздат, 1957.

Маркс К. Будущие результаты британского господства в Индии, К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 9, изд. 2, М., Госполитиздат, 1957.

Маркс К. Налоги в Индии, К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 12, изд. 2, М., Госполитиздат, 1958.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России, Сочинения, т. 3.

Ленин В. И. Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности, Сочинения, т. 2.

Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма, Сочинения, т. 22.

Ленин В. И. Уроки кризиса, Сочинения, т. 5.

* * *

Абаза К. К. Завоевание Туркестана, СПб., 1902.

Ахмад Дониш. Жизнеописание эмиров священной Бухары, ркп., ГПБ им. А. Навои, инв. № 1987.

Бартольд В. В. Извлечение из «Тарихи Шахрохи», ЗВОРГО, т. XI, 1897—1898.

Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана, Ташкент, 1913.

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900.

Бекчурин М. О состоянии нашей Среднеазиатской торговли, Оренбург, 1871.

Белявский. Материалы по Туркестану, б. м. (1889).

Бируни Абу Рейхан. Избранные произведения, I, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957.

Богоявленский. Ташкент в 1865—1877 гг., рукопись, хранится в рукописном фонде Института истории и археологии АН УзССР, инв. № 283.

Бродовский М. К 35-летию Ташкентского городского общественного управления, Ташкент, 1912.

Бродовский М. Технические производства в Туркестанском крае, СПб., 1875.

Васильев Н. Швейные мастерские в Ташкенте, Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, т. 2, Ташкент, 1892.

Вахабов М. Г. Ташкент в период трех революций, Ташкент, Госиздат УзССР, 1957.

Вельяминов-Зернов В. В. Исторические известия о Коканском ханстве от Мухаммеда-Али до Худояр-хана, ТВОРАО, ч. II, СПб., 1856.

Вельяминов-Зернов В. В. Сведения о Коканском ханстве, «Вестник РГО», т. VI, ч. XVIII, СПб., 1856.

Веселовский Н. И. Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае, текст, перевод и приложения, СПб., 1894.

Вощинин В. Очерки нового Туркестана, Свет и тени русской колонизации, Ташкент, 1914.

Всеподданнейший отчет по Туркестанскому генерал-губернаторству, 1889—1895 гг., СПб., 1895.

Гаевский В. С. Историческая справка о городе Ташкенте, Ташкент, 1907.

Гейер И. И. Весь русский Туркестан, б. м., 1908.

Гейер И. И. Кустарные промыслы в Ташкенте, III, Сагирчи (шагреншики), «Русский Туркестан», 1902, № 192.

Гейнс А. К. О зякате, в кн.: А. К. Гейнс, Собрание литературных трудов, т. II, СПб., 1898.

Гейнс А. К. Управление Ташкентом при Кокандском владычестве (как характеристика администрации среднеазиатских городов), в кн.: А. К. Гейнс, Собрание литературных трудов, т. II, СПб., 1898.

Гирс Ф. К. Отчет ревизующего по высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса, б. м., б. г.

Григорьев В. В. Еще о коканских монетах и событиях, «Известия РАО», т. IV, СПб., 1863.

Григорьев В. В. О скифском народе саках, СПб., 1871.

Гулямов Я. Г. Новый источник по истории завоевания Туркестана русским царизмом, «Известия УзФАН», 1941, № 4.

Демидов А. П. Экономический очерк хлопководства, хлопковой торговли и промышленности в Туркестане, Библиотека хлопкового дела, кн. 3, изд. 2, М., 1926.

Диваев А. А. Предание о возникновении азиатского города Ташкента, «Туркестанские ведомости», 1900 № 91.

Дмитровский Н. Что стоит Ташкент? Ташкент, 1888.

Добросмыслов А. И. Ташкент в прошлом и настоящем, Исторический очерк, Ташкент, 1912.

Емельянов Н. Материалы для торговой статистики Туркестанского края, «Туркестанские ведомости», 1884, № 21.

Записки о Коканском ханстве хорунжего Потанина, «Вестник РГО», т. VI, ч. XVIII, СПб., 1856.

Зыкин В. Восстание в Ташкенте в 1892 году, Ташкент, 1934.

История народов Узбекистана, т. II, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1947.

История первых четырех ханов из дома Чингисова, пер. Иакинфа Бичурина, СПб., 1829.
История Узбекской ССР, т. 1, кн. первая, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1955; т. 1, кн. вторая, 1956.
Книга большому чертежу, М., Изд-во АН СССР, 1950.
Кокандское ханство по новейшим известиям, «Военный сборник», год 12, 1869, июль, № 7.
Костенко Л. Ф. Среднеазиатская торговля, «Туркестанские ведомости», 1871, № 5.
Костенко Л. Ф. Туркестанский край, т. III, СПб., 1880.
Костенко Л. Ф. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности, СПб., 1871.
Кузнецов В. П. Ташкент в торговом и промышленном отношениях, Труды вольного экономического общества, т.IV, вып. 4, СПб., 1866.
Краузе И. Туземные и русские маслобойные заводы в Ташкенте. «Русский Туркестан», сборник, вып. 2, М., 1872.
Куропаткин А. Н. Завоевание Туркмении, СПб., 1899.
Кушева Е. Н. Среднеазиатский вопрос и русская буржуазия в 40-е годы XIX века, «Исторический сборник», Л., 1934, № 3.
Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. II, СПб., 1832.
Луговский И. Ташкент 50 лет тому назад и теперь, Ташкент, 1914.
Лыкошин Н. С. Население и смертность в туземной части Ташкента, Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, т. 2, Ташкент, 1892.
Маев Н. А. Азиатский Ташкент, Сборник материалов для статистики Туркестанского края, вып. IV, СПб., 1876.
Маев Н. А. Русский Ташкент, Из литературных приложений к «Ниве», 1894, май.
Макшеев А. Показание сибирских казаков Милюшина и Батарышкина, бывших в плену у коканцев с 1849 по 1852 год, «Вестник РГО», ч. 17 (II), СПб., 1856.
Маллицкий Н. Г. Несколько страниц из истории Ташкента за последнее столетие, Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии, год 3-й, 1897—1898.
Маллицкий Н. Г. Ташкентские махалля и мауза, Ташкент, 1927.
Маллицкий Н. Г. Ташкент (исторический очерк), «Известия Ташкентской городской думы», 1915, № 1, 2.
Массон М. Е. Прошлое Ташкента, «Известия» АН УзССР, 1954, № 2.
Материалы по вопросу о торговых путях в Средней Азии, СПб., 1869.
Махмуд бин ал-Хусайн бин Мухаммад ал-Кашгари. Девани лугати ат-турк, т. 1, Стамбул, 1333 (1914—1915), ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 5201.
Мухаммад Салих Кара ходжа Огли Тошканди. Тарихи джадида-и Тошканд. ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 5732.

Наливкин В. П. Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1886.
Небольсин П. И. Очерки торговли России с Средней Азией (со стороны Оренбургской линии), ЗРГО, кн. X, СПб., 1855.
Новое городское Управление в Ташкенте, «Русский Инвалид», 1868, № 134.
Обозрение Коканского ханства в нынешнем его состоянии, ЗРГО, кн. III, СПб., 1849.
Обзоры Сыр-Дарьинской области за 1886, 1888, 1889, 1890, 1896 гг.
Объяснительная записка к проекту положения об устройстве судебной части в Туркестанском крае, б. м., б. г.
Объяснительная записка к положению и штатам военно-народного управления Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей, см. Гейнс А. К., Литературные труды, т. II, СПб., 1898, приложение.
Оглоблин В. Н. Хлопчатобумажная промышленность и торговля в среднеазиатских русских владениях (из путевых заметок), «Русско-экономическое обозрение», М., 1900, № 11—12.
О наших внутренних и внешних делах в Средней Азии в 1865—1866 гг. «Биржевые ведомости», 1867, № 174, 186, 187.
Остроумов Н. П. Сарты, Ташкент, 1908.
Остроумов Н. П. Константин Петрович фон-Кауфман, устроитель Туркестанского края, Личные воспоминания Н. Остроумова (1877—1881), Ташкент, 1899.
Отчет о холерной эпидемии 1892 г., Ташкент, 1893.
Остроумов Н. П. Последние по времени Шейхуль-ислам и Казы-калян города Ташкента, Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии, год 20-й, Ташкент, 1915.
Очерки истории Ташкента, в кн.: «Биография М. Г. Черняева», Ташкент, 1915 (?).
Павлов Н. История Туркестана, Ташкент, 1910.
Пален К. К. Материалы к характеристике народного хозяйства Туркестана, ч. 1, СПб., 1910.
Пален К. К. Народные суды Туркестанского края, СПб., 1909.
Пашино П. И. Туркестанский край в 1866 году, Путевые заметки, СПб., 1868.
Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., под ред. Н. А. Тройницкого, вып. XXXVI, Сыр-Дарьинская область, СПб., 1905.
Попов А. Л. Борьба за Среднеазиатский плацдарм, «Исторические записки», 1940, т. 7.
Попов А. Л. Из истории завоевания Средней Азии, «Исторические записки», 1940, т. 9.
[Поспелов и Бурнашев]. Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году, с примечаниями Я. В. Ханыкова, «Вестник РГО», кн. 1, ч. 1, отд. VI, СПб., 1851.
Приложения к Туркестанской справочной книге, с календарем на 1885 г., Ташкент, 1884.
Проект всеподданнейшего отчето генерал-адъютанта К. П. фон-Кауфмана 1-го по гражданскому управлению и устрой-

ству в областях Туркестанского генерал-губернаторства, 7 ноября 1867 — 25 марта 1881 гг., СПб., 1885.
Проект положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях, 1867, Ташкент, 1880.
Раджабов З. Ш. Рассказ местного историка о завоевании Ташкента царизмом (рукопись), рукописный фонд Института истории и археологии АН УзССР, инв. № 183.
Рассказы Мирза-Ахмеда о себе самом и о кокандских событиях, ЗВОРАО, ч. XI, 1897—1898.
Романовский Д. И. Заметки по среднеазиатскому вопросу, СПб., 1868.
Русский Туркестан, Сборник, изданный по поводу политехнической выставки, вып. 1 — 3, под ред. Н. А. Маева и В. Н. Троцкого, М., СПб., 1872.
Сами Мирза Абдул Азим. Подарок шаху, Бухара, 1908, перевод Гасанбекова (рукопись), рукописный фонд Института истории и археологии АН УзССР, инв. № 292.
Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России, под ред. В. И. Покровского, т. 1, СПб., 1902.
Северцов Н. А. Месяц плена у коканцев, СПб., 1858.
Серебреников А. Г. Туркестанский край, Сборник материалов для истории его завоевания, 1864, ч. I, II; 1865, ч. I и II; 1866, ч. I, II, Ташкент, 1914.
Субботин А. П. Россия и Англия на среднеазиатских рынках, историко-экономический этюд, СПб., 1885.
Статистические очерки Кураминского уезда, «Туркестанские ведомости», 1882, № 25.
Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии, с картами и планами, т. 1—3, СПб., 1906.
Терентьев М. А. Статистические очерки Среднеазиатской России, ЗРГО, Отдел статистики, т. IV, СПб., 1874.
Тетеревников А. Н. Очерк внутренней торговли киргизской степи, СПб., 1867.
Тизенгаузен В. А. О саманидских монетах, ТВОРАО, ч. 1, СПб., 1855.
Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии, 12, Пермь, 1915 .
Туркестан и туркестанцы, «Вестник Европы», сентябрь 1875, т. 5.
Фирдоуси А. Шах-намэ, т. 1, М., Изд-во АН СССР, 1957.
Ульянов Н. Материалы по ирригации г. Ташкента и Кураминского уезда, «Туркестанские ведомости», 1883, № 44.
Хорошхин. Очерк Ташкента, «Русский инвалид», 1867, № 113.
Шишов А. Исторический очерк Ташкента, Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, т. XI, Ташкент, 1904.
Шишкин В. А. Города Узбекистана, Ташкент, Изд-во УзФАН, 1943.
Эварницкий Д. И. Краткая история города Ташкента, Путеводитель по Средней Азии от Баку до Ташкента, в археологическом и историческом отношениях, Ташкент, 1893.
Юферев В. Хлопководство в Туркестане, Л., 1925.

Архивные материалы

ЦГИАЛ СССР, фонд 1374, оп. 3, д. 2306.
ЦГИА УзССР:
1. Фонд 1 (канцелярия Туркестанского генерал-губернатора):
   а) опись 1, д. 55, 1193, 1526, 1932.
   б) опись 14, д. 24а, 25, 37, 80, 108, 205, 270, 396, 427, 444, 449, 464, 476, 504, 514, 537, 540, 562, 566, 728, 839.
   в) опись 16, д. 10, 55, 195, 242, 340, 515, 564, 633, 637, 815, 894, 984, 1133, 1422, 1586, 1597, 1695, 1713, 1919, 1995, 2217.
   г) опись 20, д. 1094.
   д) опись 31, д. 30, 33.
2. Фонд 17 (Сыр-Дарьинское областное управление): д. 12, 15, 47, 675, 1224, 1367, 1584, 1586, 1752 , 2034, 3673, 3686, 4110, 4193, 9679, 9681, 9745, 13239, 13925,14193, 15092, 15560, 18316, 18379, 19033, 19286, 19404, 20324, 20562, 20626, 20904, 21003, 21160, 21305.
3. Фонд 36 (Управление начальника города Ташкента): д. 6, 13, 28, 70, 135, 170, 175, 417, 449, 480, 482, 820, 857, 861, 862, 863, 870, 944, 945, 963, 1027, 1032, 1036, 1279, 1313, 1328, 1457, 1528, 1584, 1677, 1687, 1715, 1909, 1910, 1919, 2189, 2196, 2267, 2335, 2482, 2819, 2956, 3009, 3085, 3167, 3298, 3391, 3473, 3494, 3591, 3662, 3745, 3816, 3891, 3912.
4. Фонд 239 (Сыр-Дарьинский областной статистический комитет): д. 99, 114, 141, 143, 148, 187, 197.
5 Фонд 336 (Военный губернатор и командующий войсками Туркестанской области): д. 8, 12.
6 Фонд 450 (Управляющий местным населением центра области): д. 1—3, 7, 11—13, 18, 19, 30, 36.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От автора	5
Краткие сведения об историческом прошлом Ташкента (вместо введения)	11
Глава первая. Ташкент в 40—60-х годах XIX века	23
Социально-экономическая характеристика Ташкента накануне присоединения его к России	23
Управление городом	45
Политические события в Кокандском ханстве 40—60-х годов XIX в. и город Ташкент	52
Глава вторая. Присоединение Ташкента к России и организация его управления	63
Завоевание Ташкента царизмом	63
Управление городом до образования Туркестанского генерал-губернаторства	90
Организация управления городом по проекту „Положения" 1867 года	95
Организация управления Ташкентом по городовому положению 1870 года	106
Суд	121
Глава третья. Социально-экономическое развитие Ташкента во второй половине XIX века. Классовая борьба в городе	128
Население	137
Промышленность	162
Торговля	176
Землепользование	188
Налоги и различные сборы	201
Первые выступления трудящихся масс Ташкента против национально-колониального гнета и местных эксплуататоров	225
Приложения	236
Основные источники и литература	

Редактор Издательства *Б. И. Кнопов*
Художник *В. Тий.*
Технический редактор *З. П. Горьковая*
Корректор *А. В. Баклицкая*

Р08709 Сдано в набор 1/III-69 г. Подписано к печати 9/X-59 г.
Бумага 84×108-1/32=3,78 бум. л.—12,4 печ. л. Изд. л. 13,5 (1 вкл.)
Тираж 1000.. Цена 9 р 70 к. Переплет 2 р.

Типография Издательства АН УзССР, Ташкент, Хорезмская, 9.
Адрес Издательства: ул. Куйбышева, 15. Заказ № 883, 1959 г.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
227	2-я графа справа строки 2—4 снизу	964 55* 86	96 554 86*

Заказ 883

ПЛАНЪ
РУССКОЙ ЧАСТИ
ТАШКЕНТА

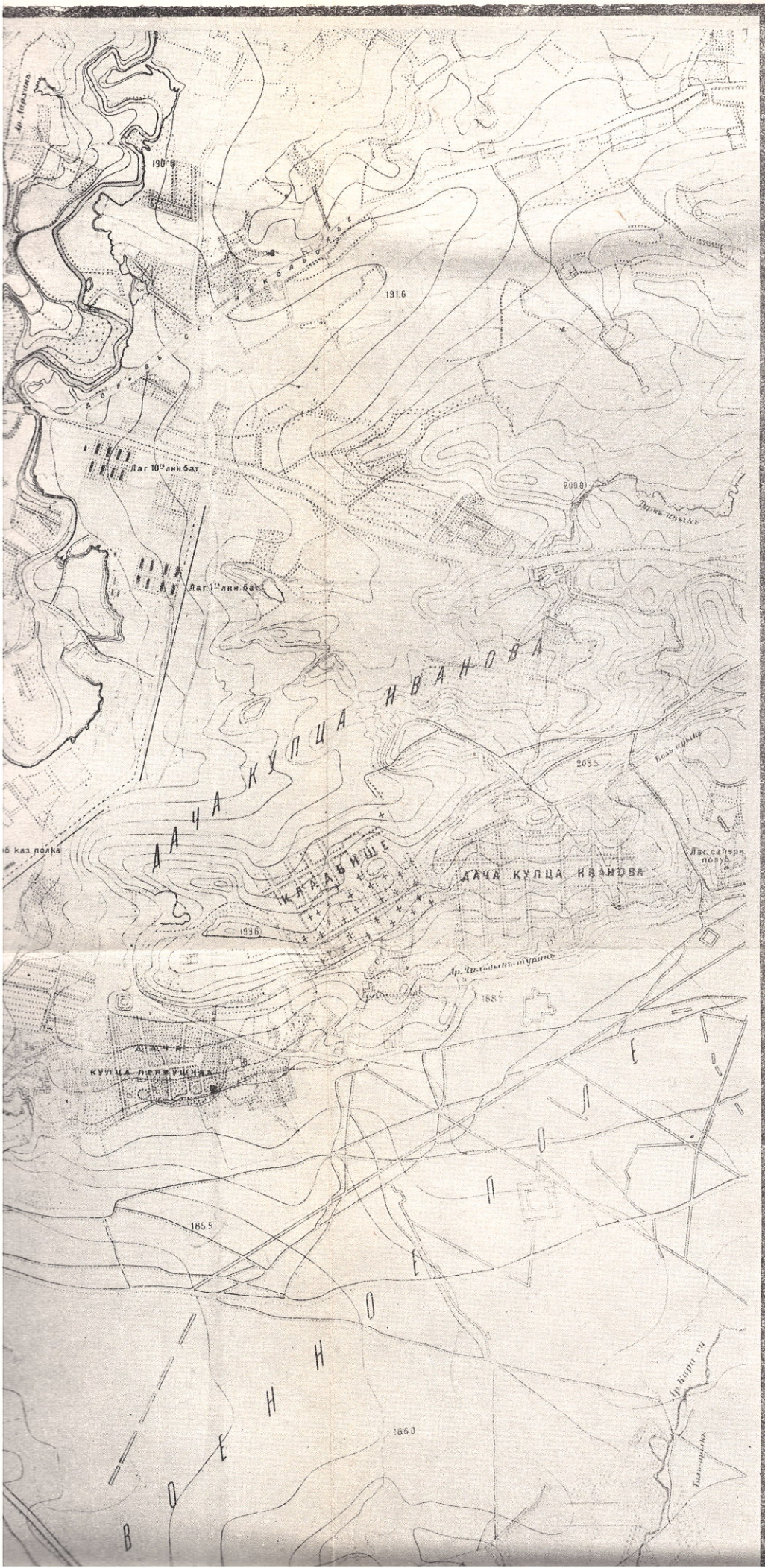
1890 ГОДА.

1890 ГОДА.
ТЮРЕМНЫЙ ЗАМОКЪ
КАЗАРМЫ 1го ОТРЯДН. БАТ.
ВОРОНЦОВСКІЙ ПРОСП.
СКОБЕЛЕВСКІЙ ПРОСП.
ВОСКРЕСЕНСКІЙ БАЗАРЪ
КОНСТАНТИНОВСКІЯ КАЗАРМЫ
САДЪ МЫНЪ-УРЮКЪ
ТЕАТРЪ 1882
1913
САПЕРНЫЯ КАЗАРМЫ
ДАЧА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
ЛАБОРАТОРІЯ
ВОЕННЫЙ ГОСП

ОБСЕРВАТОРІЯ
1951
1909
Ул. Некрасова
ТЮРЕМНЫЙ ЗАМОКЪ
СКОБЕЛЕВСКІЙ ПРОСП.
ПАРКЕНТСКАЯ УЛИЦА
Лаг. 10го лин. бат.
Лаг. 1го лин. бат.
ДАЧА ВОЕННАГО ГУБЕРНАТОРА
Р. Салаиръ
Лаг. 5го Оренб. каз. полка
1860
СЕЛ. ЧИЛЬБАЫКЪ ТУРАНЪ
ДАЧА КУПЦА ЛЕВУШКИНА
ВИНОКУРЕН. ЗАВ. НАСЛ. ПЕРВУШИНА
1855
САДЪ МЫНЪ-УРЮКЪ
КОНСТАНТИНОВСКІЯ
ТЕАТРЪ
1882

ТЮРЕМНЫЙ ЗАМОКЪ
СКОБЕЛЕВСКІЙ ПРОСП.
ПАРКЕНТСКАЯ УЛИЦА
ДАЧА ВОЕННАГО ГУБЕРНАТОРА
Р. САЛЯРЬ
Лаг. 5го Оренб. каз. полка
1850
ДАЧА КУПЦА ПЕРВУШИНА
СЕЛ. ЧИЛЬДЫКЪ ГУРАНЪ
ВИНОКУРЕН. ЗАВ. НАСЛ. ПЕРВУШИНА
1855
САДЪ МЫНЪ-УРЮКЪ
КОНСТАНТИНОВСКІЯ КАЗАРМЫ
ТЕАТРЪ
1882
1813
САПЕРНЫЯ КАЗАРМЫ
КОННЫЙ БАЗАРЪ
1812
Лаг. 4го стр.
Лаг. 3го стр.
Лаг. 2го стр.
Лаг. 1го стр.
1821
ВОЕННЫЙ ГОСПИТАЛЬ
КАЗАРМЫ 5го ОРЕНБ. КАЗ. ПОЛКА
КОНВОЙ
5го Оренб. каз. сот.
1845
ОТДЪЛ. ГОСП. ДЛЯ ДУШЕВНО БОЛЬНЫХЪ

Изъясненіе цифръ:

1. Соборъ Спаса Преображенія.
2. Церковь Св. Іосифа и Георгія.
3. Домъ Генералъ-Губернатора.
4. Военно-Окружный Судъ.
5. Интендантство.
6. Канцелярія Генералъ-Губернатора.
7. Областное Правленіе.
8. Контрольная Палата.
9. Домъ Военнаго Губернатора.
10. Инженерное Управленіе.
11. Вещевой складъ.
12. Публичная библіотека и музей.
13. Управленіе Начальника города.
14. Казармы Окружнаго хора музыкантовъ.
15. Банкирская контора Каралы и К°.
16. Окружный Совѣтъ.
17. Аптека Брауе.
18. Медицинское Управленіе.
19. Женское городское училище.
20. Средне-азіатскій коммерч. банкъ
21. Артиллерійское Управленіе.
22. Управленіе учебными заведеніями.
23. Военное собраніе.
24. Окружный Штабъ.
25. Военно-Топографическій Отдѣлъ
26. Мужская Гимназія.
27. Женская Гимназія.
28. Мужское городское училище.
29. Учительская Семинарія.
30. Казармы Ташкентской мѣстной команды.
31. Инженерная мастерская команда.
32. Винокуренный заводъ н-ка Иванова.
33. „ „ „ Громова.
34. „ „ наслѣд. Жевчужникова.
35. Почтовая станція.
36. Татарская мечеть.
37. Городская дума.
38. Городская аптека.
39. Областное казначейство.
40. Табачная фабрика Мозрухина.
41. Казенная Палата.
42. Почтовая контора и телеграф. станц.
43. Отдѣленіе Государственнаго Банка.
44. Дѣтскій пріютъ.
45. Камера мирового судьи Ташкентскаго уѣзда.
46. Управленіе 1-й Артиллерійской бригады.
47. Помѣщеніе писарей Окружнаго Штаба.
48. Полицейское управленіе.
49. Винокуренный заводъ н-ка Міорова.
50. Управленіе крѣпостной артиллеріи.
51. Амбулаторная лечебница.
52. Мельница н-ка Буска.
53. „ Великаго Князя Николая Константиновича
54. Камера мирового судьи г. Ташкента.
55. Родильный покой
56. Казармы 1-го Туркестан. линейн. баталіона.
57. Церковь Сибирской бригады.
58. Областный Судъ.
59. Больница.
60. Госпитальная церковь.
61. Инженерная дистанція.
62. Акцизное управленіе.
63. Управленіе Сибирской бригады.
64. Ташкентское уѣздное управленіе.
65. Управленіе Гвардейской бригады и Комендантъ.
66. Городской садъ.
67. Казармы крѣпостной артиллеріи.

31. Инженерная мастерская команда.
32. Винокуренный заводъ куп. Иванова.
33. " " " Громова.
34. " " наслѣд. Жинчужникова.
35. Почтовая станція.
36. Татарская мечеть.
37. Городская дума.
38. Городская аптека.
39. Областное казначейство.
40. Табачная фабрика куп. Митрикова.
41. Каменная Палата.
42. Почтовая контора и телеграф. станц.
43. Отдѣленіе Государственнаго Банка.
44. Дѣтскій пріютъ.
45. Камера мирового судьи Гаспринскаго уѣзда.
46. Управленіе 1-й Артиллерійской бригады.
47. Помѣщеніе писарей Окружнаго Штаба.
48. Полицейское управленіе.
49. Винокуренный заводъ куп. Міорока.
50. Управленіе крѣпостной артиллеріи.
51. Амбулаторная лечебница.
52. Мельница куп. Лукъ.
53. " Великаго Князя Николая Константиновича
54. Камера мироваго судьи г. Симферополя.
55. Родильный покой.
56. Казармы 1-го Туркестан. линейн. батальона.
57. Церковь Стрѣлковой бригады.
58. Областной Судъ.
59. Богадѣльня.
60. Госпитальная церковь.
61. Инженерная рота.
62. Адмиралтейство.
63. Управленіе Стрѣлковой бригады.
64. Таможенное таможенное управленіе.
65. Управленіе Лѣсной бригады и Комендантъ.
66. Городской садъ.
67. Бригады крѣпостной артиллеріи.

ОБЪЯСНЕНІЕ ЗНАКОВЪ.

Зданія: казенныя, общественныя, заводы и фабрики.

Зданія частныя (жилые помѣщенія).

Казармы.

Бараки для нижнихъ чиновъ.

170.6 Высоты въ саженяхъ.

Опечатка. Вмѣсто: Церковный переулокъ, слѣдуетъ читать: Церковная улица; вмѣсто: Мечетный переулокъ, слѣдуетъ читать: Мечетная улица.